

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

Чжан Сяо

**Показатели смыслов агнонимов в текстах на русском языке и в их
английских переводах**

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **М.Ю. Федосюк**

Москва 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Из истории изучения агнонимов.....	13
1.1. Понятие «Агноним» и история изучения агнонимов.	13
1.1.1. История изучения русских агнонимов до введения в научный оборот термина «агноним» в работе А.В. и В.В. Морковкиных.....	13
1.1.2. Понятие «агноним» после введения этого термина в работе А.В. и В.В. Морковкиных «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» и история изучения русских агнонимов на основе их исследования.....	16
1.2. О показателях смыслов слов, употреблённых в текстах	18
1.3. Выводы по Главе 1	29
ГЛАВА 2. Показатели смыслов агнонимов в произведениях о русской деревне.....	31
2.1. Показатели смыслов агнонимов в рассказах В. Шукшина.....	32
2.1.1. Рассказ «Сураз».....	32
2.1.2. Рассказ «Верую»	54
2.1.3. Рассказ «Выбираю деревню на жительство»	60
2.1.4. Рассказ «Крепкий мужик».....	62
2.2. Показатели смыслов агнонимов в романе Ф. Абрамова «Две зимы и три лета».....	65
2.3. Выводы по Главе 2	101
ГЛАВА 3. Переводы русских агнонимов в произведениях о русской деревне на английский язык.....	103
3.1. Способы перевода русских агнонимов на английский язык	103

3.2. Переводы русских агнонимов на английский язык в рассказах В. Шукшина	113
3.2.1. Переводы русских агнонимов на английский в рассказе «Сураз» переводчиком Робертом Даглишем	114
3.2.2. Переводы русских агнонимов на английский в рассказе «Верую» переводчиком Эндрю Бромфилдом.	131
3.3.3. Переводы русских агнонимов на английский в рассказе «Выбираю деревню на жительство» переводчиком Холли Смит.....	135
3.2.4. Переводы русских агнонимов на английский в рассказе «Крепкий мужик» переводчиком Кэтлин Мэри Кук.....	137
3.3. Переводы русских агнонимов на английский язык в романе Ф. Абрамова «Две зимы и три лета» переводчиками Д.Б. Пауэрсом/Дорис К. Пауэрс и Жаклин Эдвардс/Митчеллом Шнайдером	140
3.3.1. Русские агнонимы имеют одинаковый перевод на английский двумя переводчиками	140
3.3.2. Русские агнонимы имеют разные переводы на английский язык, использованные двумя переводчиками	145
3.4. Выводы по Главе 3	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	177
СПИСОК СЛОВАРЕЙ.....	185
СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	186

ВВЕДЕНИЕ

Реферируемая диссертация посвящена анализу источников информации о смыслах незнакомых получателю текста слов и фразеологизмов, если незнакомые ему лексические единицы встречаются в воспринимаемом человеком оригинальном или переводном тексте. Как убедительно показали В.В. Морковкин, А.В. Морковкина и другие исследователи, некоторые слова даже родного языка неизвестны, непонятны или малопонятны отдельным или многим носителям языка, т.е. представляют собой так называемые агнонимы. В нашем понимании агнонимы относятся не ко всему языку, а только к словарному запасу (лексикону) каждого отдельного носителя языка. Например, такие слова, как *шурин*, *деверь*, *золовка* или *свояченица*, известны далеко не всем современным носителям русского языка. Однако нет оснований считать их агнонимами всего языка, – это агнонимы только в лексиконах тех носителей языка, которым эти слова непонятны. В подавляющем большинстве случаев восприятие агнонимов не требует обращения к толковым словарям, поскольку их смыслы в большей или меньшей степени подсказывают частеречная принадлежность слова, его морфологические признаки, морфемная структура, фонетический облик или контекст. «Показатели смыслов агнонимов», рассматриваемые в данной работе, – это средства языка, с помощью которых в сознании получателей текстов способны формироваться более или менее полные представления о содержании встретившихся в текстах незнакомых этим получателям слов. Так, в рассказе В. Шукшина предложение «Но вот затрещали в *камелёке* поленья» человек, незнакомый с лексическим значением слова *камелёк*, по контексту поймет, что *камелёк* – это некая разновидность печки, хотя, как выглядит *камелёк* и в чем состоит его отличие от печки, этот человек, скорее всего, так и не узнает. Понимание смыслов агнонимов важно и при восприятии текстов на неродном языке, поскольку оно во многих случаях освобождает читающего от необходимости прерывать восприятие текста и обращаться к

толковым или двуязычным словарям. Всё это позволяет утверждать, что **актуальность** реферируемой работы обусловлена потребностью современной лингвистики в углубленном изучении таких особенностей построения текстов, которые помогают получателям текстов на русском языке, а также получателям текстов переводов этих произведений на английский язык – воспринимать содержание незнакомых им лексических единиц.

Степень разработанности темы исследования

Основы исследования показателей смыслов агнонимов заложены ещё в XIX в. в наблюдениях В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни над внутренними формами слов.

Появление в XX в. работ А.В. Морковкиной и В.В. Морковкина об агнонимах стимулировало рост интереса исследователей к явлению агнонимии. Аспекты рассмотрения агнонимов стали постоянно расширяться.

В трудах Б.Ю. Нормана и Чо Джейси были подвергнуты анализу функции агнонимов как компонентов текстов, принадлежащих к разным стилям и жанрам.

Г.М. Мандрикова и В.Д. Черняк изучали агнонимы как компоненты лексикона языковой личности, способные стать источником коммуникативных неудач.

Под руководством польского лингвиста Я. Вавжинчика был составлен словарь русских агнонимов.

Проблемой восприятия значений агнонимов для изучения организации языкового сознания человека занимались Е.А. Гончарова, Е.А. Зайцева, Т.Ю. Сазонова, Н.М. Ткаченко, С.И. Тогоева и др.

Вопросы перевода русских агнонимов на английский язык рассматривались в работах Е.М. Верещагина, Е.С. Власовой, А.А. Кобелевой, В.Г. Костомарова и И.В. Убушаевой.

Объекты исследования – агнонимы, содержащиеся в текстах на русском языке.

Предмет исследования – систематизация «показателей смыслов», помогающих носителям русского языка при восприятии смыслов агнонимов и переводчикам при переводе русских агнонимов на английский язык.

Материалом исследования послужили тексты художественных произведений о российской деревне русских писателей-«деревенщиков», а также выполненные несколькими разными переводчиками переводы этих произведений на английский язык. В данной работе подвергнуты анализу 4 рассказа В. Шукшина («Сураз», «Верую», «Крепкий мужик», «Выбираю деревню на жительство») и первые 5 глав романа Ф. Абрамова «Две зимы и три лета», а также переводы этих текстов на английский язык.

Методы исследования включают: метод наблюдения, компонентный анализ, категориальный анализ, контекстный анализ, сопоставительный анализ.

Цель работы – выявление и классификация показателей смыслов агнонимов, а также сопоставление тех показателей смыслов агнонимов, которые используются в русских текстах и в их английских переводах.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Обобщить и систематизировать результаты научных исследований, посвященных агнонимам, их лексическим значениям и смыслам, возникающим в контексте, способам их описания, а также зависимости содержания агнонимов от их частеречной принадлежности, морфологических признаков, морфемной структуры, фонетического облика и контекстов.

2. Собрать примеры употребления агнонимов в русскоязычной литературе XX века о русской деревне; классифицировать показатели смыслов агнонимов, используемые в этих текстах, и определить тот вклад, который каждый из этих типов показателей вносит в семантику агнонимов.

3. Сопоставить показатели смыслов агнонимов, использованные в русских текстах и в их переводах на английский язык; выявить сходства и различия в использовании показателей смыслов агнонимов, во-первых, в исходных русских текстах и в их английских переводах, а во-вторых, в текстах на английском языке, выполненных разными переводчиками.

Гипотезой исследования является предположение о том, что смыслы агнонимов, употреблённых в тексте, могут быть частично или полностью определены получателем текста без обращения к словарям на основании от их частеречной принадлежности, морфологических признаков, морфемной структуры, фонетического облика и контекстов.

Научная новизна полученных результатов заключается в том, что в данной работе впервые выявлены и классифицированы показатели смыслов слов, позволяющие получателям текста уточнять в сознании смыслы русских агнонимов без обращения к словарям; обобщены возможные способы перевода русских агнонимов на английский язык и проанализированы особенности перевода русских агнонимов на английский язык, используемые разными переводчиками художественных текстов.

Теоретической базой исследования являются труды в области:

- лексической и грамматической семантики (Ю.Д. Апресян, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Б.М. Гаспаров, Л.В. Щерба);
- функциональной грамматики (А.В. Бондарко, М.В. Всеволодова, Г.А. Золотова);
- лингвистики текста и контекстной семантики (Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, Г.В. Колшанский, Е.В. Падучева, Б.А. Успенский, М.Ю. Федосюк);
- теории перевода (С.И. Влахов, А.О. Иванов, В.Н. Комиссаров, В.Л. Муравьев, Е.С. Петрова, С.П. Флорин, Г.В. Чернов, А.Д. Швейцер).

Теоретическая значимость данной работы состоит в том, что полученные результаты исследования способны пролить дополнительный свет на связь смыслов слов с синтагматикой их употребления; полученные

результаты исследования также способны объяснить культурные различия между английским переводом и русским оригинальным текстом о русской деревне.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования полученных результатов в процессе обучения составлению и редактированию текстов на русском языке, а также при обучении переводу текстов на другие языки. Кроме того, результаты работы могут быть использованы в практике преподавания русского языка как неродного, а также иностранных языков.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. При чтении или аудировании текстов смыслы неизвестных или недостаточно понятных получателям текстов слов и фразеологизмов (так называемых агнонимов) могут быть полностью или хотя бы частично поняты этими получателями без обращения к словарям в результате восприятия так называемых показателей смыслов агнонимов – морфологических, словообразовательных или фонетических признаков этих единиц, их синтаксических позиций, а также микро- или макроконтекстов.

2. Различаются 6 типов показателей смыслов агнонимов: (1) морфологические, а именно принадлежность агнонима к определенной части речи, лексико-грамматической группе или наличие у него таких морфологических значений, как род, число, вид и время; (2) синтаксические, а именно синтаксическая позиция агнонима в предложении; (3) словообразовательные, несущие информацию о внутренней форме агнонима и как следствие об отдельных элементах его лексического значения; (4) контекстные, представляющие собой то окружение агнонима, которое позволяет более точно определить его смысл; (5) фонетические, т.е. близость фонетического облика агнонима к какому-либо известному получателю текста слову литературного языка; (6) экспланативные,

представляющие собой разъяснение смысла агнонима в форме пояснительного члена предложения или подстрочного примечания.

3. Процесс восприятия смыслов агнонимов (как правило, не осознаваемый носителями языка) представляет собой естественное явление, способствующее усвоению носителями языка словарного состава родного языка и расширению словарного запаса. Тот же процесс – существенное условие успешного овладения иностранным языком.

4. Использование агнонимов в художественных текстах представляет собой важный прием, направленный на субъективизацию изложения – создание у читателей ощущения, что данный текст не предназначен для неосведомленного адресата, а субъективное отражение событий в сознании одного из участников этих событий или в восприятии наблюдателей. Кроме того, употребление агнонимов в произведениях о русской деревне позволяет их авторам ознакомить городских читателей с бытовыми, культурными и языковыми особенностями русской деревни, специфическими чертами жизни и обычаев сельской местности различных регионов России.

5. В подавляющем большинстве случаев переводчики прибегают к доместицирующей стратегии перевода, т.е. заменяют русские агнонимы понятными англоязычному читателю английскими эквивалентами; переводят стилистически окрашенный русский агноним стилистически окрашенным или стилистически нейтральным английским литературным выражением; передают один и тот же русский агноним в разных местах текста при помощи разных английских слов. В ряде случаев переводчики обращаются к форенизирующей стратегии перевода, т.е. к переводу агнонимов с сохранением специфических особенностей исходного иноязычного текста: замене агнонимов неоднословным английским описанием их значений, а также к передаче смыслов русских агнонимов их английской транслитерацией в сочетании с предшествующими этой транслитерации английскими родовыми наименованиями. В подавляющем большинстве случаев используется доместицирующая стратегия, в

результате тексты переводов художественных произведений о русской деревне частично утрачивают выразительные и смысловые особенности исходных русских текстов.

Обоснованность и достоверность выводов обеспечиваются учетом данных, накопленных российскими и зарубежными авторами, анализом обширного языкового материала, а также фундаментальной теоретической базой.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования отражены в докладах на всероссийских научных конференциях: XII Всероссийская школа-семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов «Анализ слова: традиции и инновации» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, Вологодский государственный университет 2021); Всероссийская научно-практическая онлайн-конференция с международным участием «Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики» (Москва, Государственный университет просвещения, 2023).

Публикации. Основные положения данной диссертации изложены в 4 научных статьях; среди них 4 статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (в том числе две статьи в журналах, индексируемых в базе ядра РИНЦ).

Личный вклад автора состоит в самостоятельном выполнении основного объема диссертационного исследования, в обосновании научной новизны, в определении показателей смыслов русских агнонимов и способов переводов русских агнонимов на английский язык, в практике анализа смыслов русских агнонимов и их переводов.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из трех глав следующей тематики: (1) «Из истории изучения агнонимов»; (2)

«Показатели смыслов агнонимов в произведениях о русской деревне»; (3) «Переводы русских агнонимов в произведениях о русской деревне на английский язык».

Во **введении** обоснована актуальность исследования, формулируются его цель и задачи, раскрываются новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** рассматривается понятие «агноним» и описана история изучения агнонимов, также анализируется то, как русские агнонимы оказывают влияние на восприятие смысла непонятных слов, даже текстов у читателей – носителей русского языка, и влияние на передачу информации русских агнонимов при переводе на английский язык. До сих пор научные работы об агнонимах русского языка малочисленны, именно поэтому познание и исследование русских агнонимов и их связи с другими дисциплинами ещё недостаточны. Под влиянием каких факторов происходит частичное или полное восприятие смыслов агнонимов, употребленных в русскоязычном тексте и в тексте его перевода на английский язык. Предлагается разработанный нами перечень различных показателей смыслов русских агнонимов: морфологические, синтаксические, словообразовательные, контекстные (микрконтекстные, макрконтекстные), фонетические и экспланативные.

Во **второй главе** проанализированы смыслы всех агнонимов в рассказах В. Шукшина и в первых пяти главах романа «Две зимы и три лета» Ф. Абрамова и приведены результаты сопоставления частоты использования различных показателей смыслов агнонимов в текстах исследуемых авторов.

В **третьей главе** проанализированы используемые разными переводчиками способы перевода русских агнонимов на английский язык, а также различия в выборе способов перевода русских агнонимов на английский язык между шестью переводчиками. В **заключении** подведены итоги работы и намечены направления дальнейших исследований.

Библиографический список насчитывает 99 наименований на русском языке. Список словарей состоит из восьми наименований. Список произведений художественной литературы, послуживших источником материала для исследования, состоит из восьми наименований.

ГЛАВА 1. Из истории изучения агнонимов

В первой главе раскрывается понятие «агноним» и рассматривается история изучения агнонимов в России (в параграфе 1.1), а также анализируются возможные показатели смыслов русских агнонимов (в параграфе 1.2).

1.1. Понятие «Агноним» и история изучения агнонимов.

1.1.1. История изучения русских агнонимов до введения в научный оборот термина «агноним» в работе А.В. и В.В. Морковкиных.

Можно утверждать, что хотя понятие «агноним» введено как лингвистический термин лишь в конце 1990-х годов, но и до его появления изучением вопроса об использовании в текстах незнакомых читателям слов занимались многие филологи на протяжении 20-го века.

В данном параграфе рассматривается история изучения русских агнонимов. Термин *агноним* введён в лингвистику в работах А.В. Морковкиной и В.В. Морковкина [Морковкина 1993; Морковкин, Морковкина 1997]. «Агнонимы [от греч. *ἀ* – ‘не’, *γνώσις* – ‘знание’ и *ὄνομα*, *ὄνυμα* – ‘имя’] – это совмещенная единица лексической системы, представляющая собой совокупность лексических и фразеологических единиц родного языка, которые неизвестны, непонятны или малопонятны многим его носителям (ср. *обабок* – ‘подберёзовик’, *обвалка* – ‘отделение мяса от костей’, *обезьяний мех* – ‘мех нутрии с выщипанной остью’, *обечайка* – ‘боковая часть музыкального инструмента’, *не обинуясь* – ‘без колебаний’ и т.д.)» [Морковкин, Морковкина 1997: 86].

Как видно из только что приведенных примеров, в качестве агнонимов носителями русского языка обычно воспринимаются лексические единицы, построенные по законам русской грамматики, однако такие, значения которых носителям русского языка неизвестны или малоизвестны. Поэтому можно утверждать, что на начальном этапе история изучения агнонимов была тесно связана с проблемой внутренней формы слов, поставленной ещё В. фон Гумбольдтом и А.А. Потебней.

Из работ Ф. фон Гумбольдта следует вывод, что внутренние формы – это те специфические смысловые механизмы, которые позволяют языкам передавать внеязыковое содержание. «Через описание формы, – пишет Гумбольдт, – мы должны установить тот специфический путь, которым идёт к выражению мысли язык, а с ним и народ, говорящий на этом языке» [Гумбольдт 1984: 73]. Развивая учение В. фон Гумбольдта о внутренней форме слова, А.А. Потебня писал: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета и, наоборот, одно слово, совершенно согласно с требованиями языка, может обозначать предметы разнородные» [Потебня 1993: 74].

По словам Н.Б. Мечковской, «Внутренняя форма слова – это тот буквальный смысл, который складывается из значений морфем, образующих слово (т.е. из значений его корня, приставки и суффикса). Например, у слова *летун* внутренняя форма такая: ‘тот, кто летает’ у слова *незабудка* – ‘та, которая не забывает или не забывается’; *желток* – ‘нечто жёлтое’. Внутренняя форма делает значение слова мотивированным, однако эта обусловленность – не полная, потому что внутреннее значение, допустим, слова *вездеход* – ‘тот, кто везде ходит’ могло бы "подойти" не только вездеходу, но и, например, обозначению туриста, бродяги или особо сложного кросса...» [Мечковская 1996: 55–56].

Понятно, что наличие у лексической единицы внутренней формы особенно важно в тот период, когда данное слово входит в язык, позднее внутренняя форма может и переставать опознаваться. При этом внутренняя форма называет лишь один признак из того множества признаков, которые присущи именуемому предмету, и тем самым не полностью предопределяет лексическое значение слова, однако помогает адресату догадываться о нем. Аналогично и любые догадки о смысле агнонима, как правило,

отталкиваются от его внутренней формы [Федосюк 2023]. Данное учение также изучал Р.А. Будагов [Будагов 1965].

Другой аспект изучения данной области – это объяснение непонятных читателям слов, употребленных в русской классической литературе. В 20-м веке некоторые филологи посвятили себя изучению того, как современные читатели должны понимать устаревшие и как следствие малопонятные для них выражения в романе Пушкина «Евгений Онегин» и в других произведениях русской классической литературы (см.: В.В. Набоков, И.А. Пильщиков и И.Г. Добродомов, Н.Л. Бродский, Ю.М. Лотман). Здесь следует упомянуть такие работы как «Комментарий к роману А.С. Пушкина "Евгений Онегин"» [Бродский 1932], «Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий» [Лотман 2014], «Комментарий к роману "Евгений Онегин"» [Набоков 1998], и «Лексика и фразеология. «Евгения Онегина» Герменевтические очерки» [Добродомов, Пильщиков 2008].

Одновременно ставился вопрос и о комментировании непонятных для читателей слов в переводах на русский язык произведений иностранной художественной литературы. В статьях «Об универсальной комментарии» и «О комментарии» [Розина 1988; Орешников 1988] авторы считают, что для объяснения многих непонятных слов в художественной литературе комментарий может рассматриваться как толковый словарь данного текста, и в значительной степени он помогает читателям понять неизвестное содержание исходного текста.

Поскольку всё больше ученых осознают, что многие слова уже не используются в жизни русского народа и существует большое количество непонятных слов в русской классической литературе, для современных русских читателей словари непонятных слов необходимы. Составлением «Словарей непонятных современному читателю слов, употребленных в русской классической литературе» занимались филологи В.П. Сомов, Р.П. Рогожникова и Ю.А. Федосюк (см.: «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» [Рогожникова 1997], «Словарь редких и забытых слов» [Сомов

1996] и «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века» [Федосюк Ю.А. 1998]).

На материале английского текста романа Энтони Бержесса «Заводной апельсин» М.Ю. Федосюк продемонстрировал, что в данном романе автор умышленно использовал многие русские слова и одновременно дал своим читателям некоторые возможности, чтобы они могли понимать смыслы этих слов [Федосюк М.Ю. 1996, 1998].

На материале того же романа М.Ю. Федосюк написал ещё статью «Молодёжное арг в романе Энтони Бёрджесса "Заводной апельсин"», в которой он утверждает, что в рассматриваемом романе присутствует один тип лексики, который он назвал словами из изобретенного Бёрджессом арг, иначе говоря, индивидуально-авторские слова [Федосюк 1996]. По его словам, использование в романе индивидуально-авторских слов позволяет автору достигнуть интересного художественного эффекта [Федосюк 1996].

На основании этих двух статей раскрываются краткие ответы на следующие вопросы: типы агнонимов (индивидуально-авторские); механизм понимания смыслов агнонимов (фонетические, контекстные и синтаксические показатели) и функция русских агнонимов (художественный эффект).

1.1.2. Понятие «агноним» после введения этого термина в работе А.В. и В.В. Морковкиных «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» и история изучения русских агнонимов на основе их исследования

В 1990-х годах понятие «агноним» введено в научный оборот в работах А.В. Морковкиной и В.В. Морковкина. При чтении многих литературных произведений на русском языке многие читатели (носители русского языка) часто сталкиваются со словами, которые им неизвестны или малоизвестны. Такие слова, по мнению А.В. Морковкиной [Морковкина 1993], высказанному в автореферате диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук и в книге в соавторстве с её отцом [Морковкины 1997], называют «лексическими и фразеологическими

единицами языка, которые неизвестны, непонятны или малопонятны многим его носителям» [Морковкина 1993, Морковкины 1997: 86].

На основании работ Морковкиных изучаются два аспекта, связанных с понятием «агноним». Широко изучается вопрос «агноним как трудность коммуникации и как нарушение понимания русского текста». По мнению некоторых ученых, агнонимы в лексиконе языковой личности могут рассматриваться как источник коммуникативных неудач, они, возможно, в большей или меньшей степени мешают слушателям и говорящим понимать друг друга [Буряк 2015; Гончарова 2009; Мандрикова 2011; Норман 2014; Черняк 2003, 2005;]. Наличие агнонимов в русской художественной литературе нередко ведёт читателей к непониманию смысла отдельного слова, предложения и даже целого текста [Норман 2004; Котцова 2019; Мандрикова 2011; Молчанова 2014; 2008; Пильщиков, Добродомов 2008; Савина 2010, 2014; Чо Джейси. 2004].

На основании понятия «агноним» изучается и другой вопрос – «трудность передачи информации русских агнонимов при переводе на английский язык». По словам некоторых ученых, русские агнонимы являются отражением русской культуры и сохраняют в себе типичное содержание культурной окраски. Из-за разницы между культурами России и англоязычных стран при переводе русских агнонимов на английский язык переводчики неизбежно утрачивают культурную окраску исходного русского текста [Кобелева 2007; Петрова 2011; Убушаева 2021].

Но до текущего времени вопросы о том, как читатели русского языка могут при чтении воспринять смыслы русских агнонимов, а также как переводчики могут передать информацию русских агнонимов правильно и полно, ещё не получили достаточного теоретического основания. Это обуславливает необходимость в дальнейших работах как теоретической, так и методической направленности исследований на данную тему.

1.2. О показателях смыслов слов, употреблённых в текстах¹

Механизм восприятия смыслов агнонимов удобно объяснить с опорой на концепцию Л.В. Щербы, который, в отличие от Ф. де Соссюра, противопоставлял не речевую деятельность, язык и речь, а «речевую деятельность», «языковую систему» и «языковой материал». При этом под «языковым материалом» Л.В. Щерба понимал «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это “тексты” (которые, к сожалению, обыкновенно бывают лишены вышеупомянутой обстановки); в представлении старого филолога это “литература, рукописи, книги”» [Щерба 1974: 26]. Как писал Л.В. Щерба, «поскольку мы знаем из опыта, что говорящий совершенно не различает форм слов и сочетаний слов, никогда не слышанных им и употребляемых им впервые, от форм слов и сочетаний слов, им много раз употреблявшихся, постольку мы имеем полное право сказать, что вообще все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента» [Щерба 1974: 25]. И далее: «<...> все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции “языковым материалом” (третий аспект языковых явлений)» [Щерба 1974: 26].

¹ Излагаемые материалы опубликованы в статье, написанной Чжан Сяо совместно с М.Ю. Федосюком (Федосюк М.Ю., Чжан Сяо. Показатели смыслов слов, употреблённых в тексте // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 79–88.) М.Ю. Федосюку в этой статье принадлежит теоретическое обоснование проблемы (раздел 1), а также анализ вопроса «Показатели смыслов слов, употребленных в тексте, и проблемы лексикографии» (раздел 3). Сбор материала и подробная классификация показателей смыслов слов, употреблённых в тексте (раздел 2) принадлежит Чжан Сяо.

Если согласиться со всем сказанным, то придётся признать, что лексические значения слов необязательно должны быть известны носителям языка априори, – они могут выводиться в процессе восприятия текстов из хранящегося в памяти получателей текста «языкового материала». С этой высказанной мыслью солидарен и Б.М. Гаспаров: «<...> основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала, – но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления. Языковая память говорящего субъекта представляет собой грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни. Она включает в себе в полусплавленном, ассоциативно подвижном, текучем состоянии гигантский запас коммуникативно заряженных частиц языковой ткани разного объема, фактуры, разной степени отчетливости и законченности <...>» [Гаспаров 1996: 104].

Одним из подтверждений сказанного может служить неумение рядовых носителей языка формулировать лексические значения слов в том виде, в каком эти значения приведены в толковых словарях. Например, на вопрос о том, какие значения имеет русское слово *корпус*, любой нефилолог едва ли даст ответ: «Слово *корпус* может означать, во-первых, ‘одно из нескольких зданий, расположенных на общем участке’, во-вторых, ‘основа, остов или оболочка механизмов, приборов, аппаратов’ и, в-третьих, ‘совокупность лиц одного официального положения». Скорее, в ответе прозвучат не словарные дефиниции, а словосочетания, извлеченные из индивидуальной памяти носителя языка, например: «Слово *корпус* – это может быть *корпус общежития*, может – *корпус самолёта*, а может – *дипломатический корпус*».

Итак, сталкиваясь в процессе восприятия текста с агнонимами, получатель подсознательно, в той степени, в какой это возможно, расшифровывает содержание каждого из агнонимов, опираясь на целый ряд

использованных в тексте языковых средств, которые мы условимся именовать показателями смыслов слов, употребленных в тексте.

Попытаемся охарактеризовать основные типы таких показателей путем анализа известной фразы Л.В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка». Поскольку эта фраза не содержит русских корневых морфем, но в то же время построена по законам русской грамматики, с её помощью Щерба демонстрировал, что то содержание, которое в ней понятно, представляет собой совокупность грамматических значений [Успенский 1962: 321–329] (сделаем оговорку, что в современной лингвистике некоторые из рассмотренных Л.В. Щербой значений нередко считаются не грамматическими, а словообразовательными значениями). Очевидно, что тот смысл анализируемой нами фразы, который понятен носителям русского языка, можно сформулировать так: 'Некий предмет, обладающий каким-то качеством, определённым образом однократно воздействовал на некое живое существо и длительно воздействует на детёныша этого существа'.

Анализируя пример Л.В. Щербы, но уже применительно к нашим задачам, можем утверждать следующее: тот факт, что все слова из фразы Л.В. Щербы, за исключением союза *и*, носителям русского языка малопонятны, позволяет нам считать данные слова агнонимами для всех носителей языка. А из того обстоятельства, что форма этих слов и контекст их употребления всё же дают получателям возможность частично воспринимать их смыслы, следует что показателями смыслов агнонимов способны служить грамматические и словообразовательные признаки этих слов, а также контекст. К сказанному добавим, что при восприятии смысла любого агнонима получатель может выводить этот смысл не только из одного, но и из сочетания одновременно нескольких разных показателей.

Помимо фразы Л.В. Щербы как источник примеров мы будем использовать текст сказки Л. Петрушевской «Пуськи бятые» (Петрушевская 2008). Эта сказка, как и целый ряд других сказок писательницы, написана

по образцу фразы Л.В. Щербы. С точки зрения задач нашей статьи она выгодно отличается от фразы *о злой куздре* тем, что представляет собой не отдельное предложение, а целый текст. Разумеется, ниже речь пойдет лишь об отдельных фрагментах этой сказки: анализ полного её текста в наши задачи не входит.

Перечислим показатели смыслов агнонимов в порядке, соответствующем той последовательности, в какой они попадают в поле зрения получателя текста.

(1) Прежде всего в поле зрения получателя оказываются **морфологические показатели** смыслов агнонимов, – так мы условимся называть референциальные (в другой терминологии несинтаксические) морфологические значения, т.е. значения словоформ, «отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой действительности», а не «связь словоформ в составе словосочетаний и предложений» [Лопатин 2020: 122]; ср. [Плунгян 2016: 124]. В число морфологических показателей смыслов агнонимов входят частеречная принадлежность слов, их отнесенность к тем или иным лексико-семантическим разрядам, значения числа и иногда рода существительных, время, вид и наклонение глагола и т.д.). На основании морфологических показателей смыслов агнонимов обнаруживается, к какой грамматической категории принадлежит слово. Если агноним принадлежит к категории существительных, то получателю текста становится ясно, что он обозначает некий предмет (в широком смысле этого слова). Аналогично агнонимы-прилагательные воспринимаются как обозначения признаков предмета, агнонимы-глаголы – как обозначения процессов и т.д. В некоторых случаях для понимания общих смыслов агнонимов важна также их отнесенность к определенным лексико-грамматическим группам, например к числу одушевленных или неодушевленных существительных, к числу качественных, относительных или притяжательных прилагательных и др. Могут играть определённую роль и другие референциальные морфологические значения, например число и род существительных, вид и

время глаголов. Морфологические показатели обеспечивают восприятие читателями смыслов агнонимов на начальном уровне, более точное понимание этих смыслов возникает при последующем чтении текста. Так, при восприятии фразы Л.В. Щербы лексема *куздра* вызывает в языковой памяти получателя (или, как сказал бы Л.В. Щерба, в памяти о «языковом материале») ассоциацию с такими существительными, как *кобра*, *зебра*, *швабра* или *фибра*, и потому воспринимается как обозначение предмета. Словоформа *глокая* ассоциируется со словоформами типа *строгая*, *тихая*, *высокая* или *одинокая* и, следовательно, может быть осмыслена как качественное прилагательное, т.е. как обозначение признака предмета, причем обозначение непосредственное, а не через отношение к другим предметам, как в случае относительных прилагательных. Слово *бокрёнок* вызывает ассоциацию со словами *котёнок*, *козлёнок*, *орлёнок* или *совёнок*. В то же время, имея такую форму винительного падежа, которая совпадает не с именительным, а с родительным падежом, это слово не может быть мысленно поставлено в тот же ряд, что и похожие по структуре слова *маслёнок*, *опёнок* или *бочонок*, а потому осознается не просто как существительное, а как одушевленное существительное, т.е. как обозначение не любого предмета, а только живого существа. На основе сходных мыслительных процедур словоформа *курдячит* воспринимается как глагол несовершенного вида в форме настоящего времени и потому понимается как обозначение действия, совершаемого в момент речи, и т.д.

Некоторые из описанных выше содержательных признаков слов из примера Л.В. Щербы продиктованы не только морфологическими показателями, которые мы в данном случае рассматриваем, но ещё и синтаксическими показателями, о которых речь пойдет ниже. Так, словоформа *глокая* воспринимается носителями языка как прилагательное не только из-за своего внешнего сходства с другими прилагательными, но ещё и потому, что она синтаксически согласована со словом *куздра*. При рассмотрении вне контекста слово *глокая* можно было бы квалифицировать

иначе, например как существительное (ср. *статуя, линия, студия, лилия*) или как деепричастие (ср. *окая, чмокая, цокая, икая*). Аналогично вне контекста словоформу *бокрёнка* можно воспринимать и как существительное в форме не винительного, а именительного падежа (ср. *сестрёнка, маслёнка, печёнка, сгущёнка*).

Учитывая сказанное, наиболее «чистыми» примерами морфологических показателей могут служить агнонимы, используемые в заглавиях текстов, поскольку они лишены предшествующего контекста, а последующий контекст в момент восприятия заглавий ещё неизвестен читателю. В большинстве случаев, приступая к чтению, получатель способен определить только те компоненты содержания этих названий, которые вытекают из морфологических показателей, хотя позднее, благодаря текстам, которые следуют после названий, смыслы названий-агнонимов у получателей уточняются.

Рассмотрим в качестве примера название сказки Л. Петрушевской «Пуськи бятые». Прочитав это название, но ещё не обратившись к полному тексту сказки, читатель может определить, что данное название по своей структуре аналогично словосочетаниям *вилки мытые* или, скажем, *карты битые* и потому, вероятно, обозначает несколько предметов, обладающих неким признаком, обусловленным произведенным над ними действием. Уместно вспомнить также агнонимические названия таких литературных произведений, как роман Т. Толстой «Кысь» или рассказы В. Пелевина «Мардонги» и «Ухряб», – их морфологические признаки свидетельствуют, что все эти названия обозначают предметы.

(2) В поле зрения получателя текста попадают **синтаксические показатели** смыслов агнонимов, а именно: реляционные (в другой терминологии синтаксические) морфологические значения, т.е. значения словоформ, «указывающие на связь словоформ в составе словосочетаний и предложений» [Лопатин 2020: 122]; ср. [Плунгян 2016: 124]. Это такие, например, значения, как род, число и падеж прилагательных, служащие

показателем синтаксической связи «согласование», или падеж существительного, указывающий на связь «управление». Выше уже говорилось, что восприятие словоформы *глокая* как прилагательного в форме женского рода, единственного числа и именительного падежа заставляет интерпретировать эту словоформу как согласованное определение при слове *куздра* и потому воспринимать как обозначение какого-то признака. Было сказано и о том, что восприятие словоформы *бокрёнка* как формы единственного числа и винительного падежа существительного вызывает предположение, что слово *бокрёнок* принадлежит к числу одушевленных существительных и, следовательно, скорее всего, обозначает живое существо. Контактное расположение слов *штеко* и *будланула* служит синтаксическим показателем того, что слово *штеко*, по-видимому, является наречием, т.е. обозначает признак действия.

Что касается сказки «Пуськи бятые», то она начинается со слов: «Сяпала Калуша с калушатами *по напушке* и увазила Бутявку, и волит: / – Калушата, калушаточки, Бутявка!»². К числу синтаксических показателей смыслов агнонимов здесь можно отнести словосочетание *сяпала по напушке*, построенное на основе связи «управление» между глаголом *сяпала* и предложно-падежной формой существительного *по напушке*. Языковая память подсказывает носителю русского языка, что сочетание предлога *по* с дательным падежом существительного часто обозначает место движения по какой-либо поверхности (*Ехать по улице. По лицу струится пот*), что позволяет увидеть в слове *сяпала* смысл 'передвигалась'.

(3) Затем получатель текста, скорее всего, обратит внимание на **словообразовательные показатели** смыслов агнонимов. Так мы будем именовать значения входящих в состав агнонимов корней и словообразовательных аффиксов. Очевидно, что содержание этих морфем,

² Здесь и в последующих примерах из текстов знак / обозначает абзацный отступ.

формирующее внутреннюю форму слова, может нести информацию об отдельных компонентах смыслов агнонимов. Примером словообразовательных показателей смыслов слов в примере Л.В. Щербы может служить суффикс *-ну-* в словоформе *будланула*. То обстоятельство, что данный агноним вызывает в языковой памяти получателя ассоциацию с понятными ему словоформами с суффиксом *-ну-* (*махнула, толкнула, хлебнула* и др.), дает основание считать, что глагол *будланула* обозначает завершенное однократное действие в прошлом. Другой пример – суффикс *-ёнк-* в словоформе *бокрёнка*. Агноним *бокрёнок*, как уже было отмечено по другому поводу, ассоциируется со словами типа *котёнок, козлёнок, орлёнок*, что позволяет предположить, что *бокрёнок* – это ‘детеныш бокра’.

В примере из сказки Петрушевской примерами словообразовательных показателей смыслов слов могут служить словоформы *увазила, калушата* и *калушаточки*. То обстоятельство, что многие глаголы с приставкой *у-* означают ‘совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом’ [Русская грамматика. Т. 1 1980: 372], обуславливает восприятие словоформы *увазила* как обозначения действия, завершенного в прошлом. Наличие суффикса *-ат-* в словоформах *калушата* и *калушаточки* позволяет воспринимать эти слова как обозначение детенышей Калуши, а использование суффикса *-очк-* в словоформе *калушаточки* позволяет увидеть в этом слове уменьшительно-ласкательное значение.

(4) Далее получатель сталкивается с **контекстными показателями** смыслов агнонимов. Напомним, что под контекстом обычно понимается то окружение какой-либо языковой единицы, которое проливает свет на её семантику. Вслед за Г.В. Колшанским мы будем различать микро- и макроконтексты. Микроконтексты – это контексты, ограниченные рамками предложений, в них все компоненты связаны в основном грамматически. Что же касается макроконтекстов, то они представляют собой контексты, выходящие за пределы предложений и связанные с рассматриваемой

языковой единицей семантически [Колшанский 1980: 45]. Заметим, что при всем удобстве предлагаемого разграничения четкую границу между микро- и макроконтекстами удастся провести не всегда. Это обусловлено тем, что часто одна и та же информация может быть передана несколькими разными синтаксическими способами, например при помощи простого предложения и при помощи простого предложения и его парцеллята, при помощи сложносочиненного предложения и посредством сочетания из двух самостоятельных предложений.

(4.1) Чтобы проиллюстрировать механизм действия **микроконтекстных показателей**, снова рассмотрим первое предложение из сказки Петрушевской «Пуськи бятые»: «Сяпала Калуша с калушатами по напушке и увазила Бутявку, и волит: / – Калушата, калушатошки, Бутявка!».

Наличие при глаголе *волит* конструкции прямой речи дает основания для восприятия этого слова как обозначения не просто действия, а именно процесса сообщения о чем-то. Однако если *волить* – это что-то вроде ‘говорить, кричать, сообщать’, то, по-видимому, данный глагол обозначает процесс сообщения о результате упомянутого в предшествующем микроконтексте действия. Но тогда смысл словосочетания *увазила Бутявку* с большой вероятностью следует воспринимать уже не просто как ‘действие, непосредственно направленное на предмет’, а как ‘результат восприятия некоего предмета’.

(4.2) В качестве примера **макроконтекстных показателей** смыслов агнонимов рассмотрим другой фрагмент из сказки Петрушевской: «Калушата присяпали и Бутявку стрямкали. / И подудонились. / А Калуша волит: / – Оее! Оее! Бутявка-то некузявая! / Калушата Бутявку вычучили».

Вне последующего макроконтекста словосочетание *Бутявку стрямкали* может быть понято как ‘действие, направленное непосредственно на предмет’ (ср. *бутявку заметили / подобрали / выбросили / раздавили* и т.д.). Однако в последующем контексте речь идёт о том, что после упомянутого действия калушата *подудонились*. Благодаря

словообразовательным показателям глагол *подудонились* ассоциируется с такими возвратными глаголами совершенного вида, как *удивились*, *испачкались*, *обожглись*, *отравились*, поэтому данный глагол воспринимается как обозначение состояния калушат, наступившее в результате того, что Бутявка была ими стрямкана. А информацию о том, в чём именно состояло это состояние, несет уже дальнейший макроконтекст: – *Калушата Бутявку вычучили*. Глагол *вычучили* ассоциируется с такими глаголами со значением удаления, как *выбросили*, *выкинули* или *выплюнули*. Но тогда становится понятно, что словосочетание *Калушата подудонились* обозначает не просто состояние калушат, наступившее после того, как они *стрямкали Бутявку*, а такое состояние, которое нанесло им вред.

Как видим, опора на морфологические, синтаксические и контекстные показатели смыслов агнонимов помогает получателям в той или иной степени приблизиться к пониманию их содержания. Разумеется, такое приближение происходит не только при чтении экспериментальных текстов типа фразы Л.В. Щербы, но и при восприятии различных текстов, которые содержат архаизмы, историзмы, диалектизмы, жаргонизмы, окказионализмы или неологизмы.

К только что приведенному перечню показателей смыслов агнонимов следует добавить ещё два показателя, которые в рассмотренных нами текстах Л.В. Щербы не встретились. Это фонетические и экспланативные показатели.

(5) Фонетические показатели – это близость фонетического (и соответствующего ему графического) облика агнонима облику слова, которое известно получателю и чаще всего входит в состав литературного языка. Фонетические показатели являются редким показателем смыслов агнонимов. Как правило, они могут встречаться в текстах, отражающих диалектное или просторечное произношение слов. В целом тексте рассказа В. Шукшина «Сураз» (Шукшин 1970) появятся только три агнонима, смыслы которых читатели могут понять на основании фонетических

показателей, т.е. *што* – *что*, *исть* – *есть* и *аванец* – *аванс*. Многие носители русского языка усмотрят в этих словах сходные звучания и сразу воспримут смыслы данных агнонимов.

(6) Экспланативные показатели, т.е. такой способ раскрытия смыслов агнонимов, когда автор сопровождает эти слова разъясняющим комментарием. Как правило, в русской деревенской прозе экспланативные показатели агнонимов регулярно используются в тех произведениях, где, как демонстрирует Б.А. Успенский, события не описываются с точки зрения их восприятия самими участниками этих событий [Успенский, 1995]. Таковы, например, рассказы В. Шукшина [Чжан Сяо, 2022]. В этом отношении романы Ф. Абрамова стоят особняком, поскольку повествование в них построено с явной ориентацией на читателей-горожан, мало знакомых с бытом русской деревни. По этой причине писатель широко сопровождает агнонимы явными разъясняющими комментариями, адресованными неосведомленным читателям. В разных местах текста Ф. Абрамов прибегает к разным способам выражения экспланативных показателей. В одних случаях они оформлены как пояснительные члены предложения, а в других – при помощи подстрочных примечаний. Понятно, что использование экспланативных показателей смыслов агнонимов почти неизбежно и в переводах романов Ф. Абрамова на иностранные языки.

Экспланативные показатели появляются прямо после агнонима или выступают как подстрочное примечание. Например:

«С пекашинской горы *косиками* – широкими проезжими спусками, узенькими, вертлявыми тропками покатались люди» (Абрамов 1968).

Слово *косик* или *косика* может быть воспринято как агноним, поскольку его нет в словарях литературного русского языка. Автор не рассчитывает, что читатели русского текста без опоры на пояснения поймут значение слова *косик*, а потому снабжает его обособленным пояснительным

членом предложения [Розенталь, Джанджакова, Кабанова, 1994; 115–116] «широкими проезжими спусками, узенькими, вертлявыми тропками».

«– Брось, – сказал Михаил. – Незавидное сено. *Осени́ак*.

Осени́ак – сено, поставленное осенью (подстрочное примечание)» (Также).

Слова *осени́ак* нет в МАС и ТСОШ. Автор сформулировал точный смысл слова *осени́ак* экспланативным показателем ‘сено, поставленное осенью’ в сноске.

1.3. Выводы по Главе 1

1. Из истории изучения русских агнонимов следует, что понятие «агноним» появилось в конце 20-го века, но до сих пор понятие «агноним» недостаточно исследуется. На основании работ Морковкиных изучаются два аспекта: «русские агнонимы как причина нарушения коммуникации и трудности понимания русских литературных текстов», «трудность передачи содержания русских агнонимов при переводе на английский язык». Таким образом, до текущего времени вопросы о том, как читатели русского языка могут уточнить смыслы русских агнонимов, а также как переводчики могут передать информацию русских агнонимов правильно и полно, ещё не получили достаточного теоретического обоснования.

2. Использование агнонимов в художественных текстах представляет собой важный прием, направленный на субъективизацию изложения – создание у читателей ощущения, что данный текст не предназначен для неосведомленного адресата, а субъективное отражение событий в сознании одного из участников этих событий или в восприятии наблюдателей. Употребление агнонимов в произведениях о русской деревне позволяет их авторам ознакомить городских читателей с бытовыми, культурными и языковыми особенностями русской деревни, специфическими чертами жизни и обычаев сельской местности различных регионов России.

3. Хотя во многих случаях при чтении русских произведений о российской деревне читатели сталкиваются со агнонимами, смыслы

которых трудно понимать, но читатели способны к восприятию смыслов русских агнонимов без словарей. По мере чтения читатели могут постепенно уточнять смысл каждого из агнонимов с помощью морфологических, синтаксических, словообразовательных, контекстных (см. микро- и макроконтэкстных), фонетических и экспланативных показателей.

ГЛАВА 2. Показатели смыслов агнонимов в произведениях о русской деревне

При чтении многих литературных произведений на русском языке некоторые читатели, в том числе и носители русского языка, несомненно, сталкиваются с агнонимами – словами, которые им неизвестны или малоизвестны.

Наличие в тексте агнонимов может затруднить понимание некоторого предложения или фрагмента текста и может даже помешать читателям воспринять целый текст [Буряк 2015; Котцова 2019; Мандрикова 2011]. Это обстоятельство отмечают ещё в работах [Молчанова 2014; Норман 2014; Савина 2014; Черняк 2003, 2005]. Однако читатели должны осознавать, что без обращения к словарям они, как правило, могут понимать смыслы агнонимов, употребленных в тексте, на основании формы этих агнонимов и контекста, где находятся эти слова.

Вторая глава данной работы выполнена на материале рассказов В. Шукшина «Сураз», «Верую», «Выбираю деревню на жительство», «Крепкий мужик» (всего 11900 слов) и на материале первых 4 глав романа Ф. Абрамова «Две зимы и три лета» (всего 13000 слов). С целью объективного выбора для анализа тех слов, содержание которых может быть неизвестным многим читателям, мы будем опираться на Малый академический словарь [МАС 1984] и на Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [ТСОШ 1995]; в последующем тексте мы введём в употребление сокращения МАС и ТСОШ. Условимся считать агнонимами те слова или значения слов, которые либо отсутствуют в обоих словарях (такие слова в последующем тексте мы квалифицируем как диалектные, просторечные и устаревшие) [Словарные агнонимы русского языка 2007: 5], либо квалифицированы в них как областные (помета *обл.*), просторечные (помета *прост.*) или устарелые (помета *устар.*), а также те слова, которые употреблены в окказиональных переносных смыслах.

Как мы обнаружили в параграфе 1.2 «О показателях смыслов слов, употребленных в тексте», русские читатели могут уточнять смыслы русских агнонимов на основании различных показателей смыслов слов, в том числе морфологического показателя, синтаксического, словообразовательного, микроконтекстного, макроконтекстного, фонетического и экспланативного показателя.

Всё сказанное позволяет перейти к рассмотрению использования показателей смыслов агнонимов в литературных произведениях двух вышеупомянутых авторов.

Основные причины насыщенности рассматриваемых литературных произведений агнонимами понятны: В. Шукшин стремился описать события своих произведений через их восприятие главным персонажем, а Ф. Абрамов использовал в романе агнонимы, в основном чтобы ознакомить неосведомленных читателей с жизнью русской деревни. Однако очевидно и то, что авторы не планировали сделать изложение непонятным читателю. Поэтому все слова, которые могут быть восприняты читателем как агнонимы, употреблены в рассказе так, что читатель достаточно легко может найти в тексте показатели смыслов агнонимов [ср. Федосюк 1998].

Ниже мы проанализируем содержание агнонимов, встретившихся в рассматриваемых произведениях, и на этой основе обнаружим, во-первых, как русские читатели могут уточнять смысл каждого агнонима под влиянием разных показателей, и во-вторых, особенности каждого из рассматриваемых авторов в употреблении агнонимов и показателей их смыслов. Мы проанализируем содержание всех агнонимов, встретившихся во всех вышеперечисленных рассказах В. Шукшина и в рассмотренных главах романа Ф. Абрамова в порядке их появления в тексте.

2.1. Показатели смыслов агнонимов в рассказах В. Шукшина

2.1.1. Рассказ «Сураз»

В рассказе «Сураз» автор повествует о нелепой и в одновременно трагической жизни молодого сибирского деревенского жителя Спирьки

Расторгуева. Причина этого трагизма – неприятие Спирькой традиционных моральных ценностей, эгоцентризм и неумение прогнозировать последствия собственных поступков. Описываемые события происходят в типичной для второй половины XX века советской деревне, и потому в прямой речи Спирьки и других персонажей рассказа немало диалектизмов, просторечных слов и жаргонизмов, т.е. слов, которые могут быть незнакомы многим читателям. Однако и речь повествователя, когда речь идёт о Спирьке, содержит свойственную этому персонажу лексику или, в терминологии Б.А. Успенского, отражает точку зрения персонажа «в плане фразеологии» [Успенский 1995]. В тексте рассказа «Сураз» мы обнаружили 38 агнонимов, в том числе 22 слова, отсутствующих в словарях русского литературного языка; если судить по пометам словарей, 5 областных; 2 просторечных; 2 устарелых слова, а также 7 слов, употребленных в незафиксированных словарями переносных смыслах. Далее мы проанализируем содержание этих агнонимов, встретившихся в рассказе «Сураз» в порядке их появления в тексте.

Агноним *сураз* (название рассказа)

Слова *сураз* нет в словарях русского литературного языка. На основании морфологического показателя – принадлежности этого слова к категории существительных – читатель может понять его смысл всего лишь как ‘некий предмет’.

Кроме того, некоторые из читателей, возможно, усмотрят в названии рассказа ещё и словообразовательный показатель – наличие того же корня, что и в литературном слове *несуразный* – ‘нелепый, нескладный’ [ТСОШ 1995: 405]. При восприятии этого показателя слово *сураз* может быть понято как ‘предмет, обладающий красотой’.

В ходе последующего чтения текста рассказа под влиянием макроконтекстных показателей смысл рассматриваемого слова у читателей будет уточняться. Рассказ начинается словами:

«Спирьке Расторгуеву – тридцать шестой, а на вид – двадцать пять, не больше. Он поразительно красив: в субботу ходит в баню, пропарится, стащит с недельную шофёрскую грязь, наденет свежую рубаху – молодой бог!» (В. Шукшин 1970).

Это начало как будто бы подтверждает восприятие слова *сураз* как ‘предмет, обладающий красотой’, и даже уточняет его, заставляя воспринимать данное слово как ‘красивый человек, красавец’.

Однако в последующем тексте читатель встретит и ещё один макроконтекстный показатель:

«Спирька закурил.

– Я – *сураз*, – начал он.

– Как это? – не поняла Ирина Ивановна.

– Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах один ухарь. Кожи по краю ездил собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил» (Также).

Из данного фрагмента («Мать меня в подоле принесла») следует, что диалектное слово *сураз* означает ‘незаконнорождённый ребенок’, что, впрочем, не отменяет и представления о значении слова *сураз* как ‘красавец’. Возможно, Шукшин намеренно использовал в качестве характеристики своего героя слово, допускающее два разных понимания, которые одинаково справедливы по отношению к Спирьке Расторгуеву.

Агнонимы до фени, машинничать

«Он поразительно красив: в субботу ходит в баню, пропарится, стащит с недельную шоферскую грязь, наденет свежую рубаху – молодой бог! Глаза ясные, умные... Женственные губы ало цветут на смуглом лице. Сросшиеся брови, как вороньего крыла, размахнулись в капризном изгибе. Черт его знает!.. Природа тоже иногда шутит. Ну зачем ему? Он и сам говорит: «Это мне – *до фени*». Ему всё фени. Тридцать шесть лет – ни семьи, ни хозяйства настоящего. Знает своё – *машинничать* да к одиноким бабам по ночам шастать. *Шастает* ко всем подряд, без разбора. <...> Он не уехал. Малость погулял, отдал деньги матери, пошел шоферить. Так жил Спирька» (Также).

Выражение *до фени* может быть воспринято как агноним, поскольку его нет в ТСОШ и МАС. Читатели могут уточнить смысл данного агнонима благодаря прежде всего макроконтекстному показателю, – в рассматриваемом фрагменте находится предложение *Ну зачем ему?*, с помощью которого выражено отношение Спирьки к красоте. При восприятии этого показателя агноним *до фени* читатели могут понять в значении сказуемого – ‘безразлично’.

По словарям русского литературного языка слово *машинничать* не найдено. Некоторые читатели могут уточнить смысл этого агнонима под влиянием морфологического, словообразовательного и макроконтекстного показателей. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории глаголов – читатель может воспринимать его смысл как ‘некое действие’. Некоторые читатели смогут усмотреть в данном слове словообразовательный показатель – его связь с многозначным словом *машина*, которое является: ‘1. механическое устройство; 2. об организации, действующей подобно механизму, налаженно и чётко; 3. автомобиль; 4. у спортсменов: мотоцикл, велосипед’ [ТСОШ 1995: 339]. Наиболее распространенное значение слова *машина* – ‘автомобиль’. Кроме этого, читатели могут уточнить смысл данного агнонима ещё под влиянием макроконтекстного показателя – в данном фрагменте находится фраза *пошёл шоферить*. Из всего сказанного выше следует, что читатели могут понять агноним *машинничать* как ‘работать шофером, водить машину’.

Агноним *тёрка*

«– Спирька, дурак ты, дурак, хоть рожу свою пожале! К кому *попёрся* – к Лизке корявой, к *тёрке*!.. Неужели не совестно?
– С лица воду не пить, – резонно отвечает Спирька. – Она – *тёрка*, а душевней всех вас» (Также).

Слово *тёрка* имеет в словарях русского литературного языка значение ‘предмет кухонного обихода – пластинка с острой насечкой и

отверстиями (служит для измельчения чего-л. трением) ’ [МАС Т. 4 1984: 357]. Однако в данном контексте оно употреблено по отношению к женщине. Следовательно, перед нами употребление слова *тёрка* в смысле, не соответствующем его значению в литературном языке. Слово, употребленное в неузואальном смысле, тоже можно считать агнонимом. Смысл агнонимического употребления слова *тёрка* удаётся определить по микроконтексту («С лица воду не пить, – резонно отвечает Спирька»), это ‘женщина некрасивая, лицо которой похоже на *тёрку*’. Здесь использована метафора: некрасивая женщина названа *тёркой*, потому что её лицо похоже на *тёрку*, т.е. рябое.

Агноним *сшибать*

«Спирька был вылитый отец, даже характером *сшибал*, хоть в глаза не видал его» (Также).

Слово *сшибать* может быть воспринято как агноним, поскольку оно употреблено в значении, которое не фиксируется в ТСОШ и МАС. Читатели могут воспринять смысл данного слова прежде всего с помощью морфологического показателя – его принадлежности к категории глаголов несовершенного вида в форме прошедшего времени, – смысл рассматриваемого агнонима может быть понят как ‘некое не достигшее предела действие, которое имело место в прошлом’. На основании микроконтекстного и синтаксического показателей читатели могут понять смысл агнонима *сшибать* более точно: микроконтекстный показатель указывает на то, что слово *вылитый* употреблено в смысле ‘очень похожий на кого-нибудь’; смысл данного слова может уточниться ещё под влиянием синтаксического показателя – после частицы *даже*, которая ‘употребляется при сообщении о том, что противоречит ожидаемому, осуществляется вопреки ему’ [ТСОШ 1995: 147]. Смысл целого предложения может быть понят как ‘про характер не ожидалось, а он и характером был похож’. Таким

образом, читатели могут понять смысл агнонима *сшибать* как ‘быть похожим’.

Агнонимы *тракт* и *сельповский*

«С дружкой, таким же отпетым чухонцем, перехватили на *тракте сельповскую* телегу из соседнего села, отняли у возчика ящик водки... Справились с мужиком!» (Также).

Слова *тракт* и *сельповский* могут быть восприняты как агнонимы, поскольку слово *тракт* есть в словарях с пометой «устарелое», а слова *сельповский* нет в ТСОШ и МАС. Ввиду этого далее мы проанализируем, какие смыслы слов *тракт* и *сельповский* могут сложиться у читателей.

На основании морфологического показателя – принадлежности слова *тракт* к категории существительных – читатели могут воспринимать его смысл как ‘некий предмет’. Предлог *на* указывает на место и пространство и т.д., в пределы которых направлены движение и действие [МАС Т. 2 1980: 321], а слово *тракт* употребляется в форме предложного падежа. Под влиянием синтаксического показателя читатели могут понимать смысл сочетания *на тракте* как ‘на месте, где ездят’. По микроконтексту («отняли у возчика ящик водки... Справились с мужиком!») следует, что телега, которую перехватил Спирька, ехала на дороге. При восприятии этих показателей смысл агнонима *тракт* может быть понят как ‘разновидность дороги’.

Некоторые читатели могут усмотреть в слове *сельповский* словообразовательный показатель – наличие корня *сельпо*, имеющий в литературных словарях значение ‘сельский магазин’ [ТСОШ 1995: 699].

Агнонимы *маруха* и *шалаболка*

«Справились с мужиком! Да ещё всыпали ему. Сутки гуляли напропалую у Спирькиной "*марухи*" <...> К нему подсылали "*маруху*" его, Верку-тараторку, – уговорить сдаться добром. *Шалаболка* Верка, тайком, под подолом, отнесла ему бутылку водки и патронов. <...> Пришёл Спирька из тюрьмы... Дружков – никого, разъехали, "*марухи*" замуж повыходили» (Также).

Слова *маруха* нет в МАС и ТСОШ, и оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности слова *маруха* к категории существительных – сначала читатели могут воспринять смысл данного слова как ‘некий предмет’. Кроме того, смысл агнонима *маруха* может уточниться у читателей ещё под влиянием микроконтекстного («никого, разъехались, "*марухи*" замуж повыходили») и макроконтекстного показателей («Шалаболка Верка, тайком, под подолом, отнесла ему бутылку водки и патронов»). В этом фрагменте читатели узнают, что *марухи замуж повыходили*, а в начале чтения рассказа известно, что у Спирьки не было жены. Итак, по микроконтексту следует, что слово *маруха* может быть понято как ‘женщина’ и по макроконтексту получается, что смысл данного слова может быть понят как ‘женщины – любовницы Спирьки’.

Слова *шалаболка* нет в МАС и ТСОШ. На основании морфологического показателя – принадлежности слова *шалаболка* к категории существительных – смысл данного агнонима может восприниматься как ‘некий предмет’. Слово *тараторка*, если читатели усмотрят в нём словообразовательный показатель – связь с глаголом *тараторить*, имеющим в литературных словарях значение ‘говорить быстро, не останавливаясь’ [ТСОШ 1980: 778], то они определяют, что данное слово образовано от глагола *тараторить* при помощи суффикса *-к(а)*, который имеет значение «предмет (одушевл. или неодушевл.), характеризующийся действием (*загородка, заколка, сторожка*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980:148]. В этом случае смысл слова *тараторка* может уточниться у читателей как ‘женщина, которая много говорит’. При помощи макроконтекстного показателя («Верку-тараторку, – уговорить сдать добром. *Шалаболка* Верка, тайком, под подолом, отнесла ему бутылку водки и патронов») слова *шалаболка* и *тараторка* играют одну и ту же смысловую роль – смысл слова *шалаболка* похож на значение *тараторка*, но более точный смысл данного слова по контексту не определяется.

Агноним *брызгать*

«– Спирька, каждый твой выстрел – лишний год! – кричали ему.
– Считайте – сколько?! – отвечал Спирька. И из окошечка *брызгал* стремительный длинный огонь, гремело. Потом он протрезвился, смертельно захотел спать... Выкинул ружьё и вышел» (Также).

Слово *брызгать* есть в словарях русского литературного языка. Мы рассматриваем данное слово как агноним по причине того, что в этом фрагменте слово *брызгать* употребляется в том смысле, которого нет в ТСОШ и МАС. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – смысл слова *брызгать* может восприниматься как 'некое действие'. По макроконтексту («Спирька, каждый твой выстрел – лишний год!») получается, что у Спирьки было ружьё и он стрелял. При восприятии макроконтекстного показателя читатели могут понять агноним *брызгать* как 'стрелять очень часто', т.е. в этом предложении использована метафора – *брызгал стремительный длинный огонь* означает, что Спирька стрелял так часто, как будто разбрасывал капли воды.

Агноним *пыхтеть*

«Рос дерзким, не слушался старших, хулиганил, дрался... Мать вконец измучилась с ним и махнула рукой:

– Давай, может, посадют.

И правда, посадили. После войны.

<...>

– Спирька, каждый твой выстрел – лишний год! – кричали ему.

– Считайте – сколько?! – отвечал Спирька. И из окошечка *брызгал* стремительный длинный огонь, гремело. Потом он протрезвился, смертельно захотел спать... Выкинул ружьё и вышел.

Пять лет "*пыхтел*".

<...>

Пришёл Спирька из тюрьмы...» (Также).

В словарях русского литературного языка слово *ныхтеть* имеет такие значения: ‘1. тяжело дышать, напрягаясь; 2. трудиться, старательно делать что-нибудь’ [ТСОШ 1995: 625]. Это слово в этом рассказе употребляется не в таких значениях, которые имеются в словарях. При помощи морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов несовершенного вида в форме прошедшего времени – читатели могут воспринять смысл рассматриваемого слова как ‘некое действие, который уже произошло и длилось какое-то время’. Кроме того, читатели могут понять смысл слова *ныхтеть* под влиянием макроконтекстного показателя («И правда, посадили. После войны. <...> – Спирька, каждый твой выстрел – лишний год! <...> Пришёл Спирька из тюрьмы...»). Из данного фрагмента следует, что речь идёт о тюрьме. Итак, агноним *ныхтел* означает ‘с трудностями сидел в тюрьме’.

Агноним *пластаться*

«Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера *пластаться* там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам» (Также).

Слово *пластаться* может быть воспринято как агноним по той причине, что оно употреблено в переносном смысле. В словарях русского литературного языка слово *пластаться* имеет такие значения: ‘1. Плотно прижиматься всем телом к земле при передвижении; 2. Стлаться, плотно прилегая к чему-л; 3. *Страд.* к *пластать*’ [МАС Т.3 1980: 134]. Смысл данного слова в контексте может восприниматься на основании морфологического показателя: благодаря принадлежности слова *пластаться* к категории глаголов несовершенного вида – его смысл может быть понят как ‘производить некое действие, которое может повторяться и длиться какое-то время’. Под влиянием микроконтекстного показателя («Мог в свой выходной поехать в лес <...> а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам») читатели могут более точно понять смысл данного агнонима. По контексту получается, что Спирька за день мог

заготовить в лесу машину дров, чтобы привезти её каким-нибудь одиноким старикам. Таким образом, здесь *пластаться* означает ‘тяжело работать’.

Агноним *шоферить*

«Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера пластаться там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам. Привезёт, сгрузит, зайдёт в избу.

<...>

Пришёл Спирька из тюрьмы... Дружков – никого, разъехались, "марухи" замуж повыходили. Думали, уедет и он. Он не уехал. Малость погулял, отдал деньги матери, пошел *шоферить*. Так жил Спирька» (Также).

Слова *шоферить* нет в МАС и ТСОШ. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – читатели могут воспринимать его смысл как ‘некое действие’.

Кроме того, читатели могут в нём усмотреть ещё словообразовательный показатель – наличие корня *шофёр*, имеющий в словарях значение – ‘водитель автомобиля’ [ТСОШ 1995: 887]. При восприятии этого показателя смысл агнонима *шоферить* может восприниматься как ‘работать шофёром’. Под влиянием макроконтэкстного показателя («а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам») читатели могут уточнять смысл данного агнонима. По контексту получается, что слово *шоферить* означает ‘работать шофёром, водить машину’.

Агноним *упружисто*

«Сергей Юрьевич – невысокий, мускулистый, широченный в плечах... Ходил *упружисто*, легко прыгал, кувыркался; любо глядеть, как он серьёзно, с увлечением проделывал упражнения на турнике, на брусьях, на кольцах...» (Также).

В русском языке нет слова *упружисто*. На основании морфологического показателя – принадлежности рассматриваемого слова к

категории наречий – смысл его может быть понят как ‘признак признака или признак действия’.

Кроме того, некоторые из читателей, возможно, усмотрят в этом слове ещё словообразовательный показатель, – данное слово образовано от слова *упругий* с суффиксом *-ист*, с которым многие прилагательные, «мотивированные суффиксальными относительными отыменными прилагательными, имеют значение «содержащий то или (реже) сходный с тем, что названо в основе мотивирующего прилагательного (*сернистый, смолянистый, маслянистый*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 300]. Слово *упругий* имеет в словарях русского литературного языка значение ‘о движениях: сильный и плавный’ [ТСОШ 1995: 825].

Читатели могут уточнить смысл данного слова ещё под влиянием синтаксического показателя – ‘*ходил упругисто*’, – слово *упругисто* употреблено в значении ‘признак действия’. Под влиянием микроконтекстного («*мускулистый, широченный в плечах...*») и макроконтекстного показателей («*легко прыгал, кувыркался; любо глядеть, как он серьёзно*») читатели могут уточнять смысл данного слова как ‘*ходил с сильными и плавными движениями*’.

Агноним *вечерять*

«Было под вечер. Спирька умылся, побрился, надел выходной костюм и пошел к Прокудиным.

– Пойду гляну, что за люди, – сказал матери.

Старики Прокудины *вечеряли*.

– Садись, Спиридон, похлебай. – Спирька иногда помогал старикам, они любили его и жалели.

– Спасибо, я из-за стола. Дома ваши квартиранты?» (Также).

Слово *вечерять* может быть понято как агноним, поскольку, согласно словарям, оно является областным. Смысл данного агнонима может восприниматься у читателей с помощью морфологического показателя – принадлежности слова *вечерять* (*вечеряли*) к категории глаголов

несовершенного вида в форме прошедшего времени. Таким образом, смысл этого слова читатели могут воспринимать как ‘некое действие в прошлом’, а в рассматриваемом агнониме словообразовательный показатель – его мотивированность словом *вечер* – при восприятии этого показателя смысл агнонима *вечерять* читатели могут понять как ‘некое действие под вечер’.

Далее проанализируем смысл этого слова со словом *похлебай* одновременно, так как они употреблены в одном фрагменте и их смыслы более или менее связаны.

По контексту ясно, что Старки *вечеряли* и хотели пригласить Спирьку что-то поесть или выпить. Под влиянием макроконтэкстного показателя («– Спасибо, я из-за стола») смысл слова *вечерять* читатели понимают как ‘ужинать’.

Агноним *чалдон*

«– Вы здешний?

– Здешний. *Чалдон*» (Также).

Слово *чалдон* может быть понято как агноним, потому что в словарях его значение квалифицировано как областное. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – читатели могут воспринять его смысл как ‘некий предмет’. Под влиянием макроконтэкстного показателя они легко уточнят смысл данного агнонима, – в данном фрагменте совпадают смыслы слов *чалдон* и *здесьшний* (человек, который родился и живёт в одном месте, т.е. в этом рассказе в Сибири). Таким образом, читатели могут понять слово *чалдон* как ‘коренной житель Сибири’.

Агноним *забрюхатеть*

«– Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах один ухарь. Кожи по краю ездил собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил,

– Вы знаете его?

– Ни разу не видал, как мать *забрюхатела*, он к ней больше глаз не казал. А потом его за что-то арестовали – и ни слуху ни духу» (Также).

Слова *забрюхатеть* в МАС и ТСОШ нет, поэтому есть основание считать его агнонимом. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории глаголов совершенного вида в форме прошедшего времени – смысл слова *забрюхатеть* может восприниматься в создании читателей как ‘некое действие, которое произошло в прошлом’. Некоторые читатели, возможно, усмотрят в данном слове словообразовательный показатель, – глагол *забрюхатеть* образован от глагола становления качества *брюхатеть* с помощью приставки *за-* с начинательным значением (ср. *забеременеть*). Под влиянием макроконтэкстного показателя («Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах один ухарь») читатели могут окончательно понять смысл данного агнонима. Из макроконтэкста известно, что мать прижила Спирьку от проезжего молодца. С учетом этого показателя рассматриваемый агноним читатели могут понять как ‘забеременела’.

Агноним *вышку навели*

«– Вы знаете его?

– Ни разу не видал, как мать забрюхатела, он к ней больше глаз не казал. А потом его за что-то арестовали – и ни слуху ни духу. Наверно, *вышку навели*.

Ну, и стал я, значит, жить-поживать...» (Также).

Выражение *вышку навели* может быть воспринято как агноним на основании макроконтэкстного показателя. По контексту («А потом его за что-то арестовали – и ни слуху ни духу») получается, что Спирькин отец был арестован и из тюрьмы не вернулся. Таким образом, смысл данного слова может быть понят как ‘был убит’. Кроме этого, для некоторых читателей, которые знают словосочетание *высшая мера наказания* ‘смертная казнь’, в данном агнониме есть ещё и словообразовательный показатель. Таким образом, агноним *вышку навели* может быть понят как ‘произвели смертную казнь, расстрел’.

Агноним *што*

«А когда через два дня, тоже ночью, пришёл к Нюре, она накинулась на него:
– Ты *што*, Спирька, змей полосатый, в тюрьму меня захотел посадить?! Сам хочешь сытый ходить, а к другим подбрасываешь?...» (Также).

Слова *што* в МАС и ТСОШ нет, его можно считать его агнонимом. Некоторые читатели могут понять смысл слова *што* при помощи фонетического показателя – фонетика слов ‘*што*’ и ‘*что*’ почти совпадает. Таким образом, слово *што* имеет то же значение, как и слово *что*.

Агноним *исть*

«– Тебе. Им же *исть* надо! – Про детей Нюриных. – Голодные же сидят...» (Также).

Слова *исть* нет в МАС и ТСОШ. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – смысл слова *исть* может восприниматься как ‘некое действие’. Ещё под влиянием макроконтекстного показателя («Голодные же сидят») смысл слова *исть* может быть уточнен как ‘есть, кушать’. Кроме того, по фонетическому признаку читатели могут узнать, что слово *исть* равно ‘есть’.

Агноним *жарок*

«– Букетик, – предложил он, и подал женщине кроваво-красный пылающий букетик *жарков*.
– Ах!.. – обрадовалась женщина, – Ах, какие они! Как они называются? Я таких никогда не видела...
– *Жарки*. – В груди у Спирьки весело зазвенело» (Также).

Слово *жарок* есть в словарях с пометой «областное», поэтому оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории существительных – читатели могут понять его смысл как ‘некий предмет’, ещё и под влиянием синтаксического и макроконтекстного показателей. В данном фрагменте употреблено словосочетание ‘*букетик жарков*’, и по контексту получается, что слово *жарки* означает ‘вид цветов’. Более

конкретная особенность этого цветка в данном контексте тоже сообщается: жарки – красные пылающие цветки.

Агноним *литовка*

«– Ох, – скокетничал Спирька, – труд! Мимо ежжу, их там хоть *литовкой* коси...» (Также).

Слово *литовка* может быть воспринято как агноним, поскольку является областным. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – слово *литовка* означает ‘некий предмет’. Важен синтаксический показатель, – рассматриваемое слово употреблено в форме творительного падежа и может быть понято в значении ‘инструмент’ [Русская грамматика. Т. 2 1980: 434]. И по микроконтексту ‘*литовкой коси*’ получается, что данное слово означает ‘инструмент, которым косят’. Таким образом, слово *литовка* может быть понято как ‘разновидность косы’.

Агнонимы *пидор* и *гад*

«Так проволокли Спирьку через комнату стариков; старики во все глаза смотрел на квартиранта и на Спирьку. – Кота пакостливого поймал, – пояснил квартирант.

Ужас, что творилось в душе Спирьки!.. Стыд, боль, злоба – всё там перемешалось: душило.

– *Пидор, гад*, – хрипел Спирька, – что ты делаешь?..» (Также).

Слова *пидор* нет в МАС и ТСОШ, и слово *гад* фиксируется в словарях с пометой «устарелое». На основании морфологического показателя – принадлежности обоих слов к категории существительных – смысл каждого из этих слов может быть понят как ‘некий предмет’. Под влиянием микроконтекстного («*пидор, гад*, – хрипел Спирька, – что ты делаешь?») и макроконтекстных показателей («Так проволокли Спирьку через комнату стариков») читатели могут уточнить смыслы рассматриваемых слов. Из данного раздела следует, что слова *пидор* и *гад* означают ‘оскорбительные

слова Спирьки к квартиранту’, но по этому контексту понять их значение полностью невозможно.

Агноним *уработать*

«– Я тебя *уработаю*, – неразборчиво, слабо, серьёзно сказал Спирька.

<...>

– Я убью тебя, – повторил Спирька. Во рту была какая-то болезненная мешанина, точно он изгрыз флакон с одеколоном – всё там изрезал и обжёг.

– Убью, знай» (Также).

Слова *уработать* нет в словарях русского литературного языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории глаголов совершенного вида в форме будущего времени – смысл его может быть восприниматься как ‘некое действие в будущем’. Очевидно, данное слово образовано (словообразовательный показатель) от глагола *работать* с приставкой *у-* в значении «доводить – довести действие до результата (*красть* – *украсть*, *регулировать* – *урегулировать*, *комплектовать* – *укомплектовать*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 586]. Читатели могут уточнить его смысл ещё под влиянием макроконтэкстного показателя. Из данного фрагмента («Я убью тебя, – повторил Спирька») следует, что слова *уработать* и *убить* являются контекстными синонимами, – агноним *уработать* означает ‘убить’.

Агнонимы *близир* и *припечек*

«– Достань в печке – картошка жареная, в сенцах молоко... Поешь на дорожку – Ладно, я с собой возьму. – Спирька, не зажигая огня, тихо снял со стены ружьё, повозился для *близира* в сенях... Зашёл в избу (ружьё в сенях оставил). Стал на *припечек*, нашёл впотьмах голову матери, погладил по жидким тёплым волосам. Он, бывало, выпивши, ласкал мать; она не встревожилась» (Также).

Слово *близир* может быть воспринято как агноним, поскольку оно просторечное. Благодаря морфологическому показателю – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может

восприниматься как 'некий предмет'. На основании синтаксического (*для близира*) и макроконтэкстного показателей («нашёл впотьмах голову матери, погладил по жидким тёплым волосам») читатели могут уточнить смысл данного слова. Предлог *для* указывает на употребление слова *близир* для обозначения цели действия, а из того, что действия Спирьки были направлены на то, чтобы отвлечь внимание матери, получается, что данное слово означает 'для видимости'.

Слово *припечек* может быть понято как агноним по той причине, что оно квалифицировано в словарях как областное. На основании морфологического показателя – принадлежности этого слова к категории существительных этот агноним означает 'некий предмет'.

Некоторые читатели могут усмотреть в слове словообразовательный показатель – слово *припечек* образовано от слова *печь* с префиксом *при-*, существительные с которой «называют место, пространство, непосредственно прилегающее к тому, что названо мотивирующим словом (*приморье, приозерье, приречье*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 232]. Таким образом, смысл данного агнонима может быть понят как 'некий предмет, находящийся рядом с печкой. По макроконтэксту («Зашёл в избу (ружьё в сениях оставил)») получается, что слово *припечек* означает 'место перед печкой'.

Агноним *тулка*

«— Ладно, я с собой возьму, — Спирька, не зажигая огня, тихо снял со стены ружьё, повозился для близира в сениях... Зашёл в избу (ружьё в сениях оставил).
<...>

Он шёл тёмной улицей, крепко сжимал в руке *тулку*. Всё хотелось отвязаться от мысли о матери. Не выживет она. Как поведут его, связанного, как увидит... Спирька прибавил шаг. "Господи, дай ей силы перенести", — молил. Он чуть не бежал. А под конец и побежал. И волновался, как вроде не убивать бежал, а — в постель к Ирине Ивановне, в тепло и согласие» (Также).

Слова *тулка* в МАС и ТСОШ нет. На основании морфологического показателя – принадлежности рассматриваемого агнонима к категории существительных его смысл читатели могут воспринимать как ‘некий предмет’. Некоторые читатели, которые хорошо знают историю России и русскую культуру, возможно, усмотрят в данном слове ещё и словообразовательный показатель – слово *тулка* образовано от названия города Тула, где находится известный оружейный завод. Под влиянием макроконтэкстного показателя читатели могут уточнить смысл данного слова. По контексту («Спирька, не зажигая огня, тихо снял со стены ружьё, повозился для близира в сениях...») получается, что Спирька снял со стены ружьё и пошел убивать учителя, – слово *тулка* означает ‘ружьё’.

Агноним *шпагатинка*

«Кладовка не запиралась: шпагатная верёвочка накидывалась петелькой на гвоздик, и все, – чтоб дверь сама не открывалась.

<...>

Только сердце наколачивает в ребра. "Спокойно, Спиря!" *Шпагатинка* тоже почти бесшумно лопнула, только гвоздик, спружинив, тоненько тенькнул» (Также).

Слова *шпагатинка* нет в словарях русского языка. Читатели могут его понять при помощи морфологического и макроконтэкстного показателей. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может восприниматься как ‘некий предмет’. Макроконтэкстный показатель («шпагатная веревочка накидывалась петелькой на гвоздик, и всё») данного слова есть в предшествующем тексте. По контексту получается, что слово *шпагатинка* означает ‘шпагатная веревочка’.

Агноним *отпинывать*

«– Не надо!! – кричала женщина, и мотала головой, и всё хотела обнять его ноги и ползала без трусов, – рубашка сбилась ей на спину, она не замечала того – всё хотела поймать ноги Спирьки.

Спирька растерялся, *отпινывал* женщину...» (Также).

Слова *отпинывать* нет в словарях русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – смысл его может быть понят как ‘некое действие’. Кроме того, читатели усмотрят в слове *отпинывать* словообразовательный показатель, – данный агноним образован от глагола *пинать* с приставкой *от-* и суффиксом *-ыва-*, глаголы с приставкой *от-* означают «удалить(ся) на некоторое расстояние, отделить(ся) от чего-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом (*отломать, отбежать, отгрызть*)» [Русская Грамматика. Т. 1 1980: 362], а глаголы несовершенного вида с суффиксом *-ыва-* означают «многократность действия, мотивированные глаголами несов. вида (*доигрывать, изжѣвывать, откалывать*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 348].

Кроме того, читатели могут уточнить смысл рассматриваемого слова ещё под влиянием макроконтэкстного показателя («всѣ хотела поймать ноги Спирьки»). По контексту получается, что слово *отпинывать* означает ‘отталкивать ногой’.

Агноним *скобочки*

«Спирька побежал скорее. Прибежал на кладбище, сел на землю. Темно было. Он приладил стволы к сердцу... Дотянулся до курков, подумал: "Ну!.. Всѣ?!" Пальцы нащупали две холодные тоненькие *скобочки*...» (Также).

Слово *скобочка* есть в словарях русского языка, но оно может быть воспринято как агноним, потому что употреблено в переносном смысле. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может восприниматься как ‘некий предмет’. Под влиянием макроконтэкстного показателя – предложения *Дотянулся до курков* – читатели могут уточнить смысл данного слова. По контексту получается, что «пальцы нащупали два

холодных тоненьких курка». Итак, слово *скобочки* означает курки – по форме они похожи на скобки.

Агноним *фраер*

«Потом сбегутся всей деревней – смотреть. Кто-нибудь скажет: "Надо прикрыть, что ли". Как... Тьфу! Спирька содрогнулся. Сел. "Погоди–ка, милоч, погоди. Стой, *фраер*, не суетись! Я тебя спрашиваю: в чём дело? Господи! – отметилили. Тебя что, никогда не били? В чём же дело?» (Также).

Слова *фраер* нет в МАС и ТСОШ. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории существительных его смысл может быть понят как 'некий предмет', а также под влиянием макроконтекстного показателя. По контексту («Я тебя спрашиваю: в чём дело?») получается, что рассматриваемый агноним означает негативно окрашенное обращение к мужчине, т.е. поскольку герой, Спирька, обращается сам к себе, слово *фраер* означает отрицательное отношение Спирьки к самому себе'.

Агнонимы *отметелить* и *метелить*

«Я тебя спрашиваю: в чём дело? Господи! – *отметелили*. Тебя что, никогда не били? В чём же дело?!"

"Ну, *фраер*!.. тряпка, что ж ты? Тебя *метелят*, как тварь подзаборную, а ты... Ну! Ведь как били-то!» (Также).

Слова *отметелить* нет в словарях русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов совершенного вида в форме прошедшего времени – его смысл может быть понят как 'некое действие в прошлом'.

Кроме того, смысл рассматриваемого слова может уточниться у читателей под влиянием макроконтекстного показателя. В данном фрагменте читатели могут усмотреть такую фразу – '*Тебя что, никогда не били?*'. Таким образом, данное слово означает 'избить'.

Слова *метелить* нет в МАС и ТСОШ, оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности

данного слова к категории глаголов – его смысл может быть понят как ‘некое действие’. Читатели могут легко понять его смысл при помощи микроконтекстного показателя («Ведь как били-то!»). По контексту получается, что данный агноним и слово *бить* являются синонимами, – слово *метелить* означает ‘избивать’.

Агноним *курва*

«Может, загорелся бы, и истлели бы пиджак и рубаха. Голый лежал бы... О, *курва*, смотреть же противно! Спирька сел, закурил, с наслаждением затянулся. Так торопился засадить в себя эти два заряда, что и покурить напоследок не догадался.

<...>

– Ну, Илюха... Бывает – падают. Я вот те сейчас залепеню, ты тоже упадёшь.

Что, нет, думаешь?

– Чего ты?

Илюха перестал улыбаться.

– А чего ты губы-то свои распустил? Сразу, *курва*, ехидничать! Не можешь без ехидства слова сказать. Дай дороги!» (Также).

Слова *курва* в МАС и ТСОШ нет. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – смысл его может быть воспринят как ‘некий предмет’. При помощи синтаксического показателя смысл слова *курва* может уточниться у читателей. В данном предложении словом *курва* является обращение или вводное слово, выражающее негативные эмоции. Более точное значение для читателей, незнакомых с этим словом, остаётся в первом фрагменте неясным.

Агноним *аиньки*

«У Веры был хороший муж, хороший мужик, помер в сорок лет. Что приключилось, бог его знает. Рак, наверно.

– Спирька!..

– *Аиньки*?

– Ты что... воюешь, что ли, бегаешь?» (Также).

Слова *аиньки* в МАС и ТСОШ нет. Смысл данного слова может уточниться на основании макроконтекстного показателя (– *Спирька!..*). По макроконтексту получается, слово *аиньки* в диалоге означает ‘ответ на обращение, т.е. что?’.

Агноним *залепенить*

«Спирька тоже широко улыбнулся, преодолевая боль, которая прокалывала иглами всё лицо. Сказал:

– Была, Илюха! Была ноченька. Дай закурить.

– Чего эт?

– Так... Упал. – Стыд, позор... От стыда даже язык онемел, кончик. Тонкая Илюхина ухмылочка резала лезвием по сердцу. – Закурим, что ли?

– Закурим, закурим. Здорово упал-то... Высоко, наверно. Как же эт ты?

– Ну, Илюха... Бывает – падают. Я вот те счас *залепеню*, ты тоже упадёшь.

Что, нет, думаешь?» (Также).

Слово *залепенить* может быть воспринято как агноним, поскольку его нет в словарях литературного русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – его смысл может быть понят как ‘некое действие’. Под влиянием микроконтекстного показателя («Я вот те счас *залепеню*, ты тоже упадёшь») смысл слова *залепенить* может уточниться у читателей как ‘сильно ударить’.

Агноним *аванец*

«– Как это... уработаю? – глупо переспросила Ирина Ивановна,

– Я получил *аванец*... я его должен отработать. – Не знал Спирька, когда произойдет, но придёт он сюда однажды – спокойный, красивый, нарядный – скажет: "Я пришёл платить".

<...>

– Какой аванс? – всё никак не могла понять Ирина Ивановна. – У кого взяли?

– Он мне будет мстить. Отомстит, – пояснил учитель. – Хорошо, Спиридон, я принял к сведению. – Учитель взял себя в руки, – Мы никому ничего не расскажем» (Также).

Слова *аванец* в МАС и ТСОШ нет. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории существительных – его смысл может восприниматься как ‘некий предмет’, а также под влиянием макроконтекстного и фонетического показателей. Читатели усмотрят в данном фрагменте фразу «Я получил *аванец*... я его должен отработать» – *аванец* означает ‘то, что нужно отработать’. Далее в следующем разделе появится слово *аванс*, выражающее тот же смысл, что и слово *аванец*. Кроме того, слова *аванец* и *аванс* похожи друг на друга по фонетическому признаку. Итак, смысл данного агнонима может быть понят как содержание слова *аванс* – ‘деньги, выдаваемые вперед в счёт заработка, причитающихся кому-н. платежей’ [ТСОШ 1995: 14].

2.1.2. Рассказ «Верую»

В рассказе «Верую» автор описал, какие чувства испытывает Максим Якиров, живущий в деревне, а также его диалог со священником. В тексте рассказа «Верую» мы обнаружили 9 агнонимов, в том числе 3 слова, не отражённые в словарях литературного русского языка; 2 слова с пометой (устар.) и 4 слова, употреблённых в неузусальных переносных значениях.

Проанализируем содержание этих агнонимов в порядке их появления в тексте.

Агноним *гадина*

«По воскресеньям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая...

Максим физически чувствовал её, *гадину*: как если бы неопрятная, не совсем здоровая баба, бессовестная, с тяжёлым запахом изо рта, обшаривала его всего руками – ласкала и тянулась поцеловать» (В. Шукшин 1971).

Слово *гадина* может быть воспринято как агноним, поскольку оно есть в ТСОШ и МАС с пометой «просторечное» и имеет значение ‘человек, который вызывает к себе отвращение, презрение’ [ТСОШ 1995: 120], в этом фрагменте оно употреблено в переносном смысле.

На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят

как ‘некий предмет’. Некоторые читатели, возможно, усмотрят в данном слове ещё словообразовательный показатель, – слово *гадина* образовано от существительного *гад*, которое фиксируется по словарям с пометами «устарелое» или «просторечное» и означает ‘пресмыкающееся или земноводное’ [ТСОШ 1995: 120].

Под влиянием макроконтэкстного метафорического описания тоски читатели могут уточнить смысл рассматриваемого агнонима. Метафорическое описание тоски появляется после знака двоеточия («*гадину*: как если бы неопрятная, не совсем здоровая баба...»). По контексту («По воскресеньям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая...») получается, что речь идёт о тоске. Здесь использована метафора: ‘нутряная едкая тоска’ названа *гадиной*.

Агноним *чурбак*

«– Слушай! – взвизгивал Максим. – Раз хочешь понять, слушай! Если сама *чурбаком* уродилась, то постарайся хоть понять, что бывают люди с душой. Я же не прошу у тебя трёшку на водку, я же хочу... Дура! – вовсе срывался Максим, потому что вдруг ясно понимал: никогда он не объяснит, что с ним происходит, никогда жена Люда не поймет его. Никогда!» (Также).

Слово *чурбак* может быть воспринято как агноним, поскольку оно употреблено в данном фрагменте в переносном смысле. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительного – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в рассматриваемом слове ещё словообразовательный показатель, – данный агноним и слово *чурбан* являются синонимами. *Чурбак* – то же, что *чурбан* (в 1 знач.) [ТСОШ 1995: 877]. *Чурбан* – 1. Обрубок бревна. 2. *перен.* Неповоротливый, тупой человек, болван (*разг. бран.*) [ТСОШ 1995: 877].

По микроконтексту («Если сама *чурбаком* уродилась») получается, что речь идёт не о предмете, а о некотором человеке, т.е. о жене Максима. Так что слово *чурбак* употреблено в переносном значении. Под влиянием

макроконтекстного показателя («я же хочу... Дура! <...> никогда жена Люда не поймет его») читатели могут уточнить смысл рассматриваемого агнонима. Из данного фрагмента следует, что слово *чурбак* – метафорическое обозначение ‘любого глупого, непонятливого человека’.

Агноним *попьяра*

«– *Попьяра!*... А если я сейчас, например, тебе дам разок по лбу, то как?

Поп громко, густо – при больных-то лёгких! – расхохотался» (Также).

Слова *попьяра* нет в ТСОШ и МАС, оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности слова *попьяра* к категории существительного – смысл данного агнонима может быть воспринят как ‘некий предмет’. Читатели могут усмотреть в этом слове ещё и словообразовательный показатель, – данный агноним образован от слова *поп* с экспрессивным суффиксом *-яр*, с которым многими существительными являются «разговорно-просторечные синонимы мотивирующих существительных и составляющих (*водка* – *водьяра*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 215]. Под влиянием макроконтекстного показателя («Поп громко, густо») читатели могут уточнить смысл данного слова. Из данного фрагмента ясно, что слово *попьяра* означает ‘экспрессивное обращение Максима к попу, т.е. к православному священнику’.

Агноним *маята*

«Максим, когда тоскует, не философствует, никого мысленно ни о чём не просит, чувствует боль и злобу. И злость эту свою он ни к кому не обращает, не хочется никому по морде дать и не хочется удавиться. Ничего не хочется – вот где сволочь – *маята!* И пластом, недвижно лежать – тоже не хочется. И водку пить не хочется – не хочется быть посмешищем, противно» (Также).

Слово *маята* может быть воспринято как агноним, поскольку оно не фиксируется в словарях литературного русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности слова *маята* к категории существительного – смысл данного агнонима может быть воспринят как

‘некий предмет’. Смысл слова *маята* может быть понят ещё под влиянием фонетического показателя, – облики слов *маята* и *маета* похожи друг на друга по фонетическому признаку. Просторечное слово *маета* имеет в словарях значение ‘изнуряющая работа, доводящее до усталости хлопотливое занятие’ [ТСОШ 1995: 331]. По микроконтексту («Ничего не хочется – вот где сволочь – *маята!*») и макроконтексту («никого мысленно ни о чём не просит, чувствует боль и злобу») получается, что смысл данного агнонима может быть понят как ‘что-то раздражающее и болезненное, т.е. боль и злоба’.

Агноним *благостный*

«Поп был крупный шестидесятилетний мужчина, широкий в плечах, с огромными руками. Даже не верилось, что у него что-то там с лёгкими. И глаза у попа – ясные, умные. И смотрит он пристально, даже нахально. Такому – не кадилом махать, а от алиментов скрываться. Никакой он не *благостный*, не постный – не ему бы, не с таким рылом, горести и печали человеческие – живые, трепетные нити – распутывать. Однако – Максим сразу это почувствовал – с попом очень интересно» (Также).

Слово *благостный* может быть воспринято как агноним, поскольку оно есть в словарях литературного русского языка с пометой «устарелое». На основании морфологического показателя – принадлежности рассматриваемого слова к категории прилагательных – его смысл может быть понят как ‘признак предмета’. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в данном агнониме словообразовательный показатель, – слово *благостный* соотносится со словом *благо*. Смысл рассматриваемого слова может уточниться у читателей под влиянием микроконтекстного («не ему бы, не с таким рылом, горести и печали человеческие») и макроконтекстного показателей («И смотрит он пристально, даже нахально»). По контексту смысл слова *благостный* может быть понят как ‘добрый, дружественный приносящий благо’.

Агноним *тянуть*

«– А я ружьё принесу.

– А тебя расстреляют. Ты это знаешь, поэтому ружьё не принесешь, ибо ты слаб.

– Ну – ножом пырну. Я могу.

– Получишь пять лет. У меня поболит с месяц и заживёт. Ты будешь пять лет *тянуть*.

– Хорошо, тогда почему же у тебя у самого душа болит?» (Также).

Слово *тянуть* можно рассматривать как агноним, потому что оно употреблено в неузואальном смысле. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории глагола – оно может быть понято как ‘некое действие’. Смысл рассматриваемого агнонима легко уточнится у читателей с помощью макроконтекстного показателя («– Ну – ножом пырну. Я могу»). Из данного фрагмента следует, что слово *тянуть* означает ‘сидеть в тюрьме’.

Агноним *барак*

«– Ты самолётом летал? – спросил поп.

– Летал. Много раз.

– А я летел вот сюда первый раз. Грандиозно! Когда я садился в него, я думал: если этот летающий *барак* навернётся, значит, так надо; жалеть и трусить не буду» (Также).

Слово *барак* есть в словарях литературного русского языка, но оно может восприниматься как агноним, потому что употреблено в переносном смысле. Слово *барак* имеет в словарях значение ‘здание лёгкой постройки, предназначенное для временного жилья’ [ТСОШ 1995: 33]. На основании морфологического показателя – принадлежности рассматриваемого слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. При восприятии микро- («если этот летающий *барак* навернётся, значит, так надо») и макроконтекстного («Ты самолётом летал?») показателей смысл данного агнонима уточняется. Здесь использована метафора: самолёт назван *бараком*, – самолёт достаточно обшарпанный и ветхий, в котором происходит перевозка большого количества людей.

Агноним *тубик*

«Совсем тошно стало Максиму... Он вспомнил, что к Илье Лапшину приехал в гости родственник жены, а родственник тот – поп. Самый натуральный поп – с волосьями. У попа что-то такое было с лёгкими – болел. Приехал лечиться. А лечился он барсучьим салом, барсуков ему добывал Илья. У попа было много денег, они с Ильей часто пили спирт. Поп пил только спирт.

<...>

– Не хочу! Ты слаб в коленках...

– Я таких, как ты, обставлю на первом же километре! Слаб в коленках... *Тубик*.

– Молись! – Поп встал. – Повторяй за мной...» (Также).

Слова *тубик* нет в словарях литературного русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности рассматриваемого слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. При восприятии макроконтэкстного показателя («У попа что-то такое было с легкими – болел») читатели могут уточнить смысл рассматриваемого слова. Из данного фрагмента понятно, что это диалог Максима и больного священника, смысл слова *тубик* может быть понят как ‘больной лёгкими’.

Агноним *плоть*

«– В барсучье сало, в бычий рог, в стоячую оглоблю-у! В *плоть* и мякость телесную-у! ...» (Также).

Слово *плоть* может быть понято как агноним, потому что оно фиксируется в словарях с пометой «устарелое». На основании морфологического показателя – принадлежности рассматриваемого слова к категории существительного – смысл данного слова может быть понят как ‘некий предмет’. Читатели могут уточнить смысл слова *плоть* под влиянием микроконтэкстного («В *плоть* и мякость телесную-у!») показателя. Из данного фрагмента следует, что слова *плоть* и *мякость* (*мякость*) имеют одно и то же значение, т.е. ‘мягкая часть тела человека’.

2.1.3. Рассказ «Выбираю деревню на жительство»

В рассказе «Выбираю деревню на жительство» повествуется о том, как выходец из деревни, давний городской житель Николай Григорьевич Кузовников любит думать о том, что когда он выйдет на пенсию, то вернется жить в деревню. Поэтому он часто ездит на вокзал, чтобы поговорить о преимуществах жизни в деревне с сельскими жителями. В тексте рассказа «Выбираю деревню на жительство» мы обнаружили 4 агнонима, в том числе 3 слова, не записанные в словарях литературного русского языка и 1 слово с пометой (обл.).

Проанализируем содержание этих агнонимов в порядке их появления в тексте.

Агноним *залупаться*

«Он сперва тосковал в городе, потом присмотрелся и понял: если немного смекалки, хитрости и если особенно не *залупаться*, то и необязательно эти котлованы рыть, можно прожить легче» (В. Шукшин 1973).

Слова *залупаться* нет в ТСОШ и МАС, оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории глаголов, – оно может быть понято как ‘некое действие’. Под влиянием микроконтекстного показателя («если особенно не *залупаться*, то и необязательно эти котлованы рыть, можно прожить легче») читатели могут уточнить смысл рассматриваемого агнонима. Из данного фрагмента ясно, что смысл агнонима *залупаться* означает ‘делать трудную работу’.

Агноним *завозня*

«– С постройками?

– Ну да, баня, сарай для дров... Ну, навес какой-нибудь, *завозня* там – я построгать люблю в свободное время.

– Если, допустим, хороший пятистенки, – начинал соображать мужик, банешка...» (Также).

Слово *завозня* может быть понято как агноним, поскольку оно фиксируется в словарях литературного русского языка с пометой «областное». На основании морфологического показателя – принадлежности рассматриваемого слова к категории существительного – смысл данного слова может быть понят как ‘некий предмет’. По микроконтексту («Ну, навес какой-нибудь, *завозня* там – я построгать люблю в свободное время») читатели могут уточнить смысл данного агнонима. Из рассматриваемого фрагмента следует, что *завозня* – это лёгкая пристройка к дому, где можно что-то мастерить или чинить.

Агноним *урка*

«– Это странно всё же... Плевали они на эти законы! Закон. У меня прошлый год стожок сена увезли, змеи ползучие...

– Ну-у это такие, что ли! Это уж... наш брат кто-нибудь, свои. На кой ему чёрт сено, *урке?*» (Также).

Слова *урка* нет в словарях литературного русского языка, и оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности этого слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Читатели могут уточнить смысл данного слова только под влиянием макроконтэкстного показателя («Плевали они на эти законы! Закон. У меня прошлый год стожок сена увезли»). Из данного фрагмента следует, что речь идёт о воровстве. Смысл рассматриваемого агнонима может быть понят как ‘разновидность преступника, т.е. вор’.

Агноним *оскотинеть*

«И отчётливо ясно было, что это не жизнь, пропади она пропадом такая жизнь, и двухкомнатная секция, лучше купить избу в деревне и дожить спокойно свои дни, дожить их достойно, по-человечески. Не хочется же *оскотинеть* здесь со всеми вместе, нельзя просто, мы ж люди» (Также).

Глагола *оскотинеть* нет в словарях литературного русского языка, он воспринимается как агноним. На основании морфологического показателя

– принадлежности этого слова к категории глаголов – смысл рассматриваемого слова может быть понят как ‘некое действие’. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в данном слове словообразовательный показатель, – слово *оскотинить* образовано от существительного *скотина* с приставкой *о-*, с которой многие глаголы, мотивированные существительными, имеющие значение «наделить признаками того или превратить в того (то), кто (что) назван(о) мотивирующим существительным (*очеловечить, обюрократить, олитературить*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 374]. При помощи макроконтекстного показателя («нельзя просто, мы ж люди») смысл данного слова понимается как ‘стать скотиной’.

2.1.4. Рассказ «Крепкий мужик»

В рассказе «Крепкий мужик» описано, как бригадир Шурыгин, которого в деревне называли крепким мужиком, решил без согласия жителей деревни снести пустующую деревенскую церковь. В полном тексте рассказа «Крепкий мужик» мы обнаружили 6 агнонимов, в том числе 2 слова, не записанные в словарях литературного русского языка, и с учётом помет словаря: 2 устарелых; 1 просторечное слово, а также 1 слово, употребленное в неузואальном переносном значении.

Проанализируем содержание этих агнонимов в порядке их появления в тексте.

Агноним *бочкотара*

«Из старого склада – из церкви – вывезли пустую вонючую *бочкотару*, мешки с цементом, сельповские кули с сахаром-песком, с солью, вороха рогожи...» (В. Шукшин 1970).

Слова *бочкотара* нет в словарях литературного русского языка, это агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности этого слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые читатели могут усмотреть в рассматриваемом слове ещё словообразовательный показатель, – слово *бочкотара* образовано

от существительных *бочка* и *тара*. Под влиянием микроконтекстного показателя («вывезли пустую вонючую *бочкотару* <...> сельповские кули с сахаром-песком, с солью, вороха рогожи...») читатели могут уточнить смысл рассматриваемого агнонима. Из данного фрагмента следует, что смысл данного слова понимается как ‘пустые бочки для хранения или перевозки товара’.

Агноним *взреветь*

«Между тем брёвна закрепили, тросы подровняли... Сейчас *взревут* тракторы, и произойдет нечто небывалое в деревне – упадёт церковь» (Также).

Слово *взреветь* есть в словарях литературного русского языка. По словарям данное слово означает ‘начать реветь’ [ТСОШ 1995: 77]. Оно может быть воспринято как агноним, поскольку употреблено в неузואальном смысле. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории глагола – оно понимается как ‘некое действие’. Читатели могут уточнить смысл данного слова при помощи микроконтекстного показателя («Сейчас *взревут* тракторы, <...> упадёт церковь»). По контексту получается, что трактор снесёт церковь в деревне. Здесь использована метафора – сравнение звука работающего трактора с рёвом зверя.

Агноним *усопший*

«Между тем бревна закрепили, тросы подровняли... Сейчас *взревут* тракторы, и произойдёт нечто небывалое в деревне – упадёт церковь. Люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали *усопших* дедов и прадедов, как небо привыкли видеть каждый день, так и её...» (Также).

Слово *усопший* может быть воспринято как агноним, потому что оно фиксируется в словарях литературного русского языка со значением ‘умерший, покойный’ и пометой «устарелое» [ТСОШ 1995: 828]. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории действительных причастий прошедшего времени – его смысл

понимается как ‘признак предмета по произведенному действию’. Под влиянием микро- («Люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали *усопших* дедов и прадедов...») и макроконтекстного показателей («Сейчас взревут тракторы, и произойдёт нечто небывалое в деревне – упадёт церковь») читатели могут уточнить смысл данного агнонима. По контексту получается, что речь идёт о церкви, в которой проводили религиозную службу по недавно умершим. Итак, смысл данного агнонима понимается как ‘умерший’.

Агноним *окочуриться*

«Проклянут ведь тебя, прокляну-ут! И знать не будешь, откуда напасти ждать: то ли дома *окочурился* в одночасье, то ли где лесиной прижмет невзначай...»
(Также).

При помощи фонетического показателя – читатели могут узнать, что фонетика словоформы *окочурился* похожа на фонетику словоформы *окочуришься*, которое фиксируется в словарях с пометой «просторечное» и может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – его смысл может быть понят как ‘некое действие’. Под влиянием микроконтекстного показателя («откуда напасти ждать: то ли дома *окочурился* в одночасье, то ли где лесиной прижмет невзначай») смысл рассматриваемого слова уточняется читателями. Из данного фрагмента ясно, что слово *окочуриться* означает ‘умереть’ и словоформа *окочурился* означает ‘умрёшь’.

Агноним *тада*

«– *Тада* время было другое. Кто тебя счас-то подталкивал – рушить её?»
(Также).

Слова *тада* нет в словарях литературного русского языка, и оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности слова *тада* к категории наречия – его смысл

может быть понят как ‘признак действия’. Некоторые читатели могут усмотреть, что фонетика данного слова похожа на фонетику слова *тогда*. Таким образом, с помощи фонетического показателя слово *тада* имеет одно и то же значение со словом *тогда*.

Агноним *матушка*

«Проходя мимо бывшей церкви, Шурыгин остановился, долго смотрел на ребятишек, копавшихся в кирпичках. Смотрел и успокаивался. «Вырастут, будут помнить: при нас церкву свалили...

<...>

Он вот, учитель-то, пишет, сказывали, он вот напишет куда следоват – узнаешь. Гляди-ко, тогда устояла, *матушка*, так он теперь нашёлся. Идол ты лупоглазый...» (Также).

Слово *матушка* фиксируется в ТСОШ и МАС с пометой «устарелое» со значением ‘то же, что мать’ [ТСОШ 1995: 338], и оно может рассматриваться как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности этого слова к категории существительных – читатели могут воспринять его смысл как ‘некий предмет’, а некоторые читатели, возможно, усмотрят в рассматриваемом слове ещё словообразовательный показатель, – данный агноним образован от существительного *мать* с суффиксом *-ушк-*, многие существительные с которым имеют «ласкательное значение (*сторонушка, вдовушка, коровушка*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 210]. По микроконтексту («Гляди-ко, тогда устояла, *матушка*, так он теперь нашелся») и макроконтексту («Проходя мимо бывшей церкви, <...> при нас церкву свалили...») получается, что здесь слово *матушка* – это метафорическое экспрессивное обозначение церкви, которую говорящий сравнивает с матерью.

2.2. Показатели смыслов агнонимов в романе Ф. Абрамова «Две зимы и три лета»

В романе Ф. Абрамова «Две зимы и три лета» писатель достаточно широко использует и ещё один тип показателей смыслов агнонимов –

объяснение агнонимов при помощи явных комментариев, адресованных неосведомленным читателям. Подобные объяснения можно назвать экспланативными показателями. В разных местах текста Ф. Абрамов прибегает к разным способам выражения экспланативных показателей. В одних случаях они оформлены как пояснительные члены предложения, а в других – при помощи подстрочных примечаний. Понятно, что использование экспланативных показателей смыслов агнонимов почти неизбежно и в переводах романов Ф. Абрамова на иностранные языки.

В романе «Две зимы и три лета» описаны события, происходившие в русской деревне после Великой отечественной войны, когда условия жизни жителей в маленькой деревне Пекашино были очень сложные. В первых пяти главах романа «Две зимы и три лета» мы обнаружили 52 агнонима, в том числе 33 слова, не записанных в словарях литературного русского языка; с учетом помет словаря: 10 областных; 7 устарелых слов, а также 2 слова, употребленных в не зафиксированных словарями переносных смыслах. Ниже мы проанализируем показатели смыслов максимально большого количества агнонимов, встретившихся в романе «Две зимы и три лета» в порядке их появления в тексте.

Агноним *косик*

«С пекашинской горы *косиками* – широкими проезжими спусками, узенькими, вертлявыми тропками покатались люди» (Ф. Абрамов 1968).

Слова *косик* нет в словарях литературного русского языка, и оно может быть воспринято как агноним (*диалектизм*). На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Читатели, возможно, усмотрят в данном слове ещё и словообразовательный показатель, – данный агноним образован от прилагательного *косой* с суффиксом *-ик*, существительные с которым часто «имеют общее значение «предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся

признаком, названным мотивирующим словом (*старик, озорник, рыжик, тупик*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 164].

Точный смысл рассматриваемого агнонима читатели уточняют с помощью экспланативного показателя. Автор не рассчитывает, что читатели русского текста без опоры на пояснения поймут значение слова *косик*, а потому снабжает его обособленным пояснительным членом предложения [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994: 115–116] «широкими проезжими спусками, узенькими, вертлявыми тропками».

Агноним *гребь*

«Пароход этот – плот с сеном – плыл сверху. Круто, как щепку, вертело его на излучине повыше деревни, и два человека, навалившись на *гребь* – длинную жердь с лопастью, вделанную в крестовину, – отчаянно выгребали к пекашинскому берегу» (Также).

Слова *гребь* нет в словарях литературного русского языка, это агноним. Прежде всего на основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Читатели могут уточнить смысл рассматриваемого агнонима под влиянием макроконтекстного («Пароход этот – плот с сеном – плыл сверху») и экспланативного показателей. По макроконтексту получается, что *гребь* воспринимается как часть плота с сеном. При помощи экспланативного показателя смысл агнонима *гребь* разъясняется как «длинная жердь с лопастью, вделанной в крестовину».

Агноним *хоромина*

«Изба была новая, с пёстрыми стенами.

Клади избу прошлой осенью, перед самым его отъездом в лес. Клади второпях, из старья – новых бревен хватило только на верх и низ, и вот получилась *хоромина* военного образца: один угол увело в сторону, другой сел, когда ещё не набрали крышу» (Также).

Слово *хоромина* может быть воспринято как агноним, поскольку оно фиксируется в словарях литературного русского языка с пометой

«устарелое» со значением ‘жилое деревянное строение, дом’ [МАС Т.4 1984: 620 На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Читатели могут уточнить смысл рассматриваемого агнонима с помощью микроконтекстного («и вот получилась *хоромина* военного образца: один угол увело в сторону, другой сел, когда ещё не набрали крышу») и макроконтекстного («Изба была новая, с пестрыми стенами») показателей. Из данного фрагмента понятно, что речь идёт о доме. Смысл данного слова может быть понят как ‘странный, неказистый дом’.

Агноним *огорода*

«Приподняв кверху худое, обветренное лицо, Анна старалась заглянуть сыну в глаза, но взгляд Михаила скользил поверх её головы. И она, виновато посмотрев на разобранную изгородь спереди заулка, сказала: – На той неделе это. Навоз возили. <...> Да уж так получилось. Недодумали. – Все вы недодумали. Кабы сами огорода запирали, небось додумали» (Также).

Слово *огорода* есть в словарях с пометой «областное» и воспринимается читателями как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл понимается как ‘некий предмет’. Некоторые из читателей могут усмотреть в данном агнониме словообразовательный показатель. Данное слово образовано от литературного глагола *огородить*, который означает ‘обнести оградой’ [ТСОШ 1995: 435]. Под влиянием макроконтекстного показателя («виновато посмотрев на разобранную изгородь спереди заулка») смысл слова легко уточняется читателями. Из данного фрагмента следует, что слово *огорода* означает ‘изгородь’.

Агнонимы *поветь* и *взвоз*

«– Да нет. И сама и Степан Андреянович высчитывал. Так по срокам. Сено и солому на *поветь* до прошлой осени Пряслины подымали по *взвозу* – бревенчатому настилу, а осенью, когда Михаил был уже в лесу, *взвоз* обвалился, и корм с тех пор носили на руках.

Однако Михаил сейчас нашел другой выход – откидал от задней стены двора кряжи и телегу поставил так, что сено можно было перекидать вилами прямо с телеги на поветь» (Также).

Слова *поветь* и *взвоз* есть в словарях литературного русского языка с пометой «областное», и они могут рассматриваться как агнонимы. На основании морфологического показателя – принадлежности обоих слов к категории существительных – их смыслы могут быть поняты как ‘некий предмет’.

Синтаксический показатель показывает, что слово *поветь* находится после предлога *на* в винительном падеже, – смысл его может восприняться как «предмет, на поверхность (или на верхнюю, внешнюю сторону) которого направлено действие, движение с целью расположения, размещения кого-, чего-либо на нём» [МАС 1984 Т. 2: 321]. Слово *взвоз* находится после предлога *по* в дательном падеже, – смысл его может восприняться как «обозначение предмета, пространства и т. п., поверхность которого является местом, где происходит действие, движение кого-, чего-л., где располагается кто-, что-л.» [МАС 1984 Т.3: 148].

Точный смысл агнонима *поветь* определяются под влиянием микроконтекстного показателя («Сено и солому на *поветь* до прошлой осени Пряслины подымали по взвозу»), он означает ‘место для хранения сена и соломы, расположенное наверху’ и смысл агнонима *взвоз* обозначен в экспланативном показателе, он означает ‘бревенчатый настил’.

Агноним *в чужой рот полез*

«Федька – его давно уже не звали Федюшкой – был наказанием всей семьи. Ворюга, повадки волчьи. А началось всё с пустяков – с кочешка капусты, с репки, с горстки зерна, которые он начал припрятывать от семьи. Потом дальше больше: *в чужой рот полез*» (Также).

Выражение *в чужой рот полез* может быть воспринято как агноним, это фразеологизм. Читатели могут уточнить смысл данного агнонима при помощи макроконтекстного показателя («Ворюга, повадки волчьи. А

началось всё с пустяков – с кочешка капусты, с репки, с горстки зерна, которые он начал припрятывать от семьи»). Как подсказывает макроконтекст, выражение *в чужой рот полезть* означает ‘начать воровать чужую пищу’.

Агноним *чурак*

«А в это время рыжий дьяволенок спокойно каждое утро, как на работу, отправлялся в пустой овечий хлев на задворках, садился на *чурак* – специально для удобства принёс – и запускал руку в мешок. Так сидящим у мешка на *чураке* и накрыла его Лизка...» (Также).

Слово *чурак* есть в словарях литературного русского языка с пометой «областное», и оно воспринимается как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые читатели усмотрят в рассматриваемом агнониме ещё и словообразовательный показатель, – агноним *чурак* и литературное слово *чурка* похожи друг друга с точки зрения их корня. Слово *чурка* обозначает ‘короткий обрубок дерева’ [ТСОШ 1995: 878].

Под влиянием микроконтекстного показателя («садился на *чурак*. <...> Так сидящим у мешка на *чураке* и накрыла его Лизка...») смысл рассматриваемого слова уточняется у читателей. Из данного фрагмента следует, что слово *чурак* означает ‘маленький деревянный предмет, на котором можно сидеть’.

Агноним *осенищак*

«Потом Анна спустилась к нему с граблями и начала старательно загребать сенную труху.

– Брось, – сказал Михаил. – Незавидное сено. *Осенищак*¹.

¹ *Осенищак* – сено, поставленное осенью (подстрочное примечание)» (Также).

Слова *осенищак* нет в МАС и ТСОШ. Оно может рассматриваться как диалектизм и воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных

– его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в данном слове ещё словообразовательный показатель, – слово *осенищак* образовано от существительного *осенний* с суффиксом *-ак* (*-чак, -щак*) *-щак*, многие существительные с которым называют «предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом (*чужак, кругляк, сизяк*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 168]. Читатели могут уточнить смысл данного агнонима с помощью макроконтэкстного (*Незавидное сено*) и экспланативного показателей. Автор сформулировал точный смысл слова *осенищак* экспланативным показателем ‘сено, поставленное осенью’ в подстрочном примечании.

Агнонимы *натопорня* и *полати*

«Войдя в избу, Михаил поставил на пол плетённую из берёсты корзину, к которой сверху были привязаны продымленный чайник и котелок, бросил к кровати мешок с валенками, потом растянул ремень с железной *натопорней* и большим охотничьим ножом в кожаных залощенных ножнах снял старую, побелевшую от дождей и снега и не в одном месте прожжённую фуфайку, снял шапку-ушанку из рыжей мохнатой собачины, вышел из-под *полатей*, разогнулся» (Также).

Слова *натопорня* и *полати* воспринимаются как агнонимы, потому что первое слово не фиксируется в словарях литературного русского языка и второе – есть в словарях с пометой «устарелое». На основании морфологического показателя – принадлежности обоих слов к категории существительных – их смыслы могут быть поняты как ‘некий предмет’.

Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в данном слове словообразовательный показатель, – слово *натопорня* образовано от существительного *топор* с приставкой *на*, с которой многие существительные «называют предмет (неодушевленный), находящийся или предназначенный находиться на поверхности того, что названо мотивирующим словом (*наконечник, налобник*) <...> В словах *нагорье* и

надворье с тем же значением – преф. *На* и с у ф. -|j|-. Тип непродуктивный. В *набережная* (слово адъективного склонения) – преф. *На* и суф. *н(ая)* (фонемат. |н|)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 230]. Смысл слова *натопорня* может быть понят при помощи микроконтекстного («потом расстегнул ремень с железной *натопорней* и большим охотничьим ножом»). Из данного фрагмента следует, что *натопорня* – это предмет, который деревенские мужчины носят на ремне. Итак, слово *натопорня* означает ‘футляр, закрывающий острую часть топора’.

При помощи синтаксического показателя слово *полати* находится после предлога *из-под* в родительном падеже, – его смысл понимается как ‘место, над которым или поверх которого что-либо находится’. Под влиянием микроконтекстного показателя («бросил к кровати мешок с валенками») читатели могут уточнить смысл рассматриваемого агнонима. По контексту получается, что слово *полати* означает деревенская кровать, которая находится под потолком.

Агнонимы *задоски* и *девочешник*

«Михаил прошёл в *задоски*, заглянул в *девочешник* – так называли маленький закуток с одним окошком за задосками.

<...>

В *девочешнике* у стены стояла койка на сосновых чурочках.

<...>

Лёгкой, развинченной походкой Егорша прошёл в *задоски*, зачерпнул ковшом воды из ушата, напился» (Также).

Слов *задоски* и *девочешник* нет в ТСОШ и МАС. Они могут быть восприняты как агнонимы. На основании морфологического показателя – принадлежности обоих слов к категории существительных – их смысл может быть понят как ‘некий предмет’. При помощи синтаксического показателя – слово *задоски* (*прошёл в задоски*) находится после глагола движения, оно употреблено в винительном падеже рядом с предлогом *в*; слово *девочешник* употреблено в предложном падеже после предлога *в*.

Таким образом, смыслы данных двух слов могут быть поняты как ‘обозначение мест’ [ТСОШ 1995: 63].

Некоторые читатели, возможно, усмотрят в слове *задоски* словообразовательный показатель – данный агноним образован от корня *доск-* с приставкой *за-*, с которой многие существительные «называют нечто, находящееся за пределами того, что названо мотивирующим словом, но, как правило, непосредственно к нему прилегающее (*загород, заграница*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 225]. Смысл слова *задоски* уточняется читателями под влиянием макроконтэкстного («Егорша прошел в *задоски*, зачерпнул ковшом воды из ушата, напился») и микроконтэкстного («Михаил прошёл в *задоски*, заглянул в девчешник») показателей. Из данного фрагмента следует, что слово *задоски* означает ‘часть избы, отделённая от жилой комнаты.

Читатели могут усмотреть в слове *девчешник* словообразовательный показатель, – данный агноним образован от существительного *девочка*, – смысл данного агнонима понимается как ‘место, предназначенное для девочек’. Под влиянием микроконтэкстного показателя («В *девчешнике* у стены стояла койка на сосновых чурочках») читатели могут уточнить смысл рассматриваемого агнонима как ‘отгороженное место, где находится спальное место для девочек’. При помощи экспланативного показателя смысл данного агнонима разъясняется ‘маленький закуток с одним окошком за задосками’.

Агноним *кресало*

«– Готовятся. Ждут тебя. Анфиса Петровна сколько раз поминала: где у нас мужика-то главного нету?

Чиркнув *кресалом* по кремню, Михаил выбил искру, помахал задымившейся суконкой, чтобы та разгорелась лучше. Затягиваясь, скосил на мать карий улыбающийся глаз:

– Ну, как тут у вас победы праздновали? Шумно было?» (Также).

Слово *кресало* есть в словарях литературного русского языка с пометами «областное» и «устарелое», поэтому оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Синтаксический показатель показывает, что данный агноним употреблен в творительном падеже – слово *кресало* может рассматриваться как инструмент. Под влиянием микроконтекстного показателя («Чиркнув *кресалом* по кремню, Михаил выбил искру») смысл слова *кресало* способен уточниться у читателей. Из данного фрагмента следует, что смысл данного агнонима может быть понят как ‘инструмент для получения огня от кремней’.

Агноним *гваздать*

«– И это мне? – еле слышно пролепетала Лизка, и вдруг глаза её, мокрые, заплаканные, брызнули такой неудержимой зелёной радостью, что все вокруг невольно заулыбались – и двойнята, и мать, и даже сам Михаил.

Тут же, не сходя с места, Лизка села на пол и начала стаскивать с ног старые – заплата на заплате – сапожонки.

– Ты хоть бы обнову-то не *гваздала*, – сказала мать и взяла у нее с коленей ситец.

– Ботинки-то, наверно, великоваты, – предупредил Михаил. – Не было других.

Три пары на весь колхоз дали» (Также).

Слова *гваздать* нет в словарях литературного русского языка и может рассматриваться как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – его смысл может быть понят как ‘некое действие’. Читатели могут уточнить смысл рассматриваемого слова под влиянием макроконтекстного показателя («Лизка села на пол и начала стаскивать с ног старые – заплата на заплате – сапожонки. – Ты хоть бы обнову-то не *гваздала*, – сказала мать и взяла у неё с коленей ситец»). По контексту получается, что слово *гваздать* означает ‘загрязнять’.

Агноним *когтить*

«Федька стоял не шевелясь, с опущенной головой. На нем была та же рвань, что на остальных, и кормили его не по-особому, но веснушчатые щёки у него были завидно красны, а босые, уже потрескавшиеся ноги выкованы будто по заказу крепкие, толстые, и пальцы подогнуты, пол *когтят*.

– Что скажешь, говорю? Ну? – снова, чеканя каждую букву, спросил Михаил» (Также).

Глагол *когтить* есть в словарях литературного русского языка с пометой «устарелое» и может рассматриваться как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – его смысл может быть понят как ‘некое действие’. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в данном слове ещё словообразовательный показатель, – глагол *когтить* образован от существительного *коготь*, которое означает ‘острое роговое образование на конце пальца зверя или птицы’ [ТСОШ 1995: 275]. Под влиянием микроконтекстного показателя («а босые, уже потрескавшиеся ноги выкованы будто по заказу крепкие, толстые, и пальцы подогнуты, пол *когтят*») смысл данного слова уточнится читателями. Из данного фрагмента ясно, что смысл агнонима *когтить* может быть понят как ‘царапать пол пальцами ног’.

Агноним *надворье*

«Им не придётся больше давиться колючим мохом, толочь в деревянной ступе сосновую заболонь, и по утрам не будут больше, мучаясь запорами, кричать с *надворья* ребята: «Ма-а-ма-а, умираю...» Какое это счастье, что у них такой брат!

<...>

У Марфы Репишной Пряслины каждую зиму, начиная ещё с довоенного времени, морозили тараканов, и Михаил хорошо знал её избу. Старинная изба. Окнышки маленькие, высоко над землей, а потолок и стены из гладко оструганного кругляша – золотом светятся. И дух в избе вкусный, травяной. Особенно бросается, когда в холодное время с *надворья* заходишь: будто из зимы в лето попадаешь» (Также).

Слово *надворье* фиксируется в словарях с пометами «устарелое» и «областное» и рассматривается как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Читатели легко усмотрят в данном слове словообразовательный показатель, – слово *надворье* образовано от существительного двор с приставкой *на-*, с которой многие существительные называют «предмет (неодушевленный), находящийся или предназначенный находиться на поверхности того, что названо мотивирующим словом (*нагорье*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 230]. С помощью синтаксического показателя – данный агноним находится после предлога *с* в форме родительного падежа (*кричат с надворья ребята*) – оно употребляется при обозначении места, с которым связано совершение действия [ТСОШ 1995: 680]. Под влиянием макроконтекстного показателя («И дух в избе вкусный, травяной. Особенно бросается, когда в холодное время с надворья заходишь: будто из зимы в лето попадаешь») читатели могут уточнить смысл этого слова. Итак, смысл слова *надворье* может быть понят как ‘участок над двором перед входом в избу’.

Агноним *зубанить*

«Лизка хмыкнула:

– Невеста без места, жених без штанов.

– А вот и в штанах, – рассмеялся Егорша.

– Хватит тебе *зубанить*-то, – одернул его Степан Андреянович.

Егорша придурковато высунул язык, но разговор переменял:

– Ну, что Мишка делает?» (Также).

Слово *зубанить* может быть воспринято как агноним, поскольку его нет в словарях литературного русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – его смысл может быть понят как ‘некое действие’. Некоторые читатели могут усмотреть в данном слове ещё и словообразовательный показатель – рассматриваемый агноним связан с существительным *зуб* и

ассоциируется с глаголом *зубоскалить*. Под влиянием макроконтекстного показателя смысл данного слова уточнится у читателей. Из данного фрагмента следует, что Лизка насмехается над Егоршей словами «Невеста без места, жених без штанов». Таким образом, смысл слова *зубанить* означает ‘насмехаться’.

Агноним *из сухаря выведу*

«– На, стирай лучше. Когда-нибудь *из сухаря выведу*»³.

³ *Вывести из сухаря* – значит пригласить девушку на домашней вечеринке или в клубе танцевать (подстрочное примечание)» (Также).

Выражение *из сухаря вывести* может быть понято как агноним, потому что слово *сухарь* в нем употреблено в неизвестном русскому литературному языку переносном значении. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. При помощи синтаксического показателя – слово *сухарь* управляется глаголом движения посредством родительного падежа и предлога *из* можно понять, что оно обозначает место или состояние. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в данном слове ещё и словообразовательный показатель, – слово *сухарь* образовано от прилагательного *сухой*, который имеет переносное значение в словарях ‘5. Лишённый питательных соков, омертвевший, безжизненный. *Сухая ветка*; 8. ‘Безучастный, неласковый, скучный. *С. Приём. С. Пересказ*’. Стало быть, *сухарь* – это ‘скучное положение’ [ТСОШ 1995: 770]. Автор объяснил смысл данного выражения экспланативным показателем в сноске – *Вывести из сухаря* – «пригласить девушку на домашней вечеринке или в клубе танцевать».

Агноним *волнуха*

«Двойнята уже расстались со своей волосней и, покручивая непривычно легкими головами, влюблённо следили за рукой Михаила, лязгающей черными овечьими ножницами над Федькиной головой.

Федьке приходилось туго: ухо у него против света горело, как жирная *волнуха*, и по веснушчатым щекам текли слёзы. Но он крепился и на вошедшую в избу сестру даже не взглянул» (Также).

Слово *волнуха* может быть воспринято как агноним, поскольку его нет в словарях ТСОШ и МАС. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые из читателей могут усмотреть в этом агнониме словообразовательный показатель, – слово *волнуха* и существительное *волнушка* обозначают один и тот же предмет – ‘съедобный пластинчатый гриб со светлой шляпкой’ [ТСОШ 1995: 91].

Под влиянием микроконтекстного и макроконтекстного показателей смысл данного слово может уточниться у читателей. По макроконтексту («лязгающей чёрными овечьими ножницами над Федькиной головой») получается, что Федьке делали стрижку. По микроконтексту («ухо у него против света горело, как жирная *волнуха*, и по веснушчатым щекам текли слёзы») получается, что Федьке было тяжело во время стрижки. Здесь использована метафора: ухо Федьки названо *жирной волнухой*, потому что по форме оно напоминало пластинчатый гриб.

Агнонимы *отбухать*, *окладной* и *подруб*

«Ловко, красиво сбегал с полена тонкий розовато-белый ремень. Как живой; чуть-чуть потрескивая и мягко выгибаясь. А когда этот ремень совсем отделился от полена, Евсей не дал ему упасть на пол, а быстро подхватил его и покачал на весу: а ну-ка, скажи, друг-приятель, на что ты пригоден (знакомая Михаилу привычка), и бросил отдельно, в сторону от растопки, – надо полагать, для дела.

Сам Евсей, к немалому удивлению Михаила, оказался совсем не таким, как представлял он его себе, шагая к Марфе. Он-то думал увидеть какого-нибудь доходягу, тень от человека, раз столько в лагерях *отбухал*, а тут – держите ноги: пень смоляной. Щёки румяные, гладкие, как мячики, в рыжей *окладной* бороде ни единой пожухлой *волосины*, и голова тоже медная, в скобку стрижена, *подрубом*» (Также).

Глагол *отбухать* может быть воспринято как агноним, поскольку его нет в словарях литературного русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – его смысл может быть понят как ‘некое действие’. Читатели могут усмотреть в данном слове словообразовательный показатель, – слово *отбухать* образовано от глагола *бухать* с приставкой *от-*, с которой многие глаголы со значения «интенсивно, полностью, окончательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом (*отделать, открахмалить, отмобилизовать*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 362]. Смысл рассматриваемого слова уточняется у читателей под влиянием микроконтекстного показателя («Он-то думал увидеть какого-нибудь доходягу, тень от человека, раз столько в лагерях *отбухал*»). В этом фрагменте слово *лагерь* («думал увидеть какого-нибудь доходягу, тень от человека») означает ‘место содержания заключённых, концлагерь’ [ТСОШ 1995: 311]. Таким образом, слово *отбухать* может быть понято как ‘отсидеть’.

Прилагательного *окладной* нет в ТСОШ и МАС, поэтому оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории прилагательных – его смысл может быть понят как ‘признак предмета’. Читатели могут усмотреть в этом агнониме словообразовательный показатель – слово *окладной* связано с литературным словом *окладистый*, означающее ‘о бороде: широкий и густой’ [ТСОШ 1995: 440]. Под влиянием микроконтекстного показателя смысл слова *окладной* уточняется читателями. По контексту («в рыжей *окладной* бороде ни единой пожухлой волосины») получается, что речь идёт о форме бороды. Смысл слова *окладной* может быть понят как ‘закрывающий всю щеку’.

Слова *подруб* нет в словарях литературного русского языка, и оно может рассматриваться как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных

– его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Немногие читатели могут усмотреть с рассматриваемом слове словообразовательный показатель, – значением слова *подруб* является действие по значению глагола *подрубить*, который означает ‘укоротить рубя, отрубая’ [ТСОШ 1995: 532]. Под влиянием микроконтекстного показателя и экспланативного показателя смысл этого агнонима уточняется у читателей. Из данного фрагмента («и голова тоже медная, в скобку стрижена, *подрубом*») следует, что речь идёт о форме волос; и при помощи экспланативного показателя – словосочетание *в скобку стрижена* уточняет смысл слова *подруб*. Итак, слово *подруб* означает ‘волосы, постриженные вокруг головы на одну длину’.

Агноним *сеструха*

«Евсей махнул рукой:

– Что ты, бог с тобой, Иванович. Не ты начал рушить мое строенье, не ты кончил. *Сеструха* ⁴ Марфа Павловна пригрела меня, и слава богу.

– В общем, так, – сказал Михаил. – Мне чужого не надо. Нарублю и отдам.

⁴ *Сеструха* – двоюродная сестра (подстрочное примечание)» (Также).

Слово *сеструха* есть в словарях литературного русского языка с пометами «областное» и «просторечное». Нет сомнения в том, что почти все носители русского языка хорошо понимают, что слово *сеструха* означает ‘сестра’. Но в данном фрагменте автор объяснил смысл данного выражения экспланативным показателем в сноске – ‘двоюродная сестра’.

Агноним *сумёт*

«Эх, жар-суховей, пар-берёза на спине! В Пекашине любили попариться.

Бывало, в субботу стукоток стоит за колодцами, у болота (там банный ряд): трещат, хлопают двери, раскаленные мужики да парни вылетают в белом облаке и бух-бух в снежный *сумёт* или в озерину» (Также).

Существительное слово *сумёт* может рассматриваться как агноним, поскольку оно есть в словарях русского литературного языка с пометой «областное». На основании морфологического показателя –

принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в данном слове ещё словообразовательный показатель, – слово *сумёт* связано с глаголом *сметать/метать*, означающий ‘сделать (стог, копну и т.п.), бросая и укладывая нужным образом сено, траву’ [МАС 1984 Т. 4: 153]. Под влиянием микроконтекстного показателя (в снежный *сумёт* или в озерину) читатели смогут легко уточнить смысл данного агнонима. Таким образом, слово *сумёт* означает ‘сугроб’.

Агнонимы *черемшина* и *черемшинка*

«Пряслинская баня была приметна не сама по себе – какие же особые приметы у чёрной бани? Она была приметна кустами – двумя *черемшинами* и пятком тоненьких рябинок, росшими возле сенцев.

Летом – что и говорить – приятный дух от *черемшинок*, но если бы эти кусты не были посажены отцом, Михаил и дня бы не держал их у бани. Приманка для ребят – вот что такое эти кусты. Особенно черёмуха. Весной и осенью каждый пацан лезет на нее, а раз пацан возле бани – не бывать стеклу в окошке. Это уж точно. И в окошке пряслинской бани вечно торчит веник» (Также).

Слова *черемшина* и *черемшинка* могут рассматриваться как агнонимы, потому что их нет в словарях литературного русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности обоих слов к категории существительных – их смыслы могут быть поняты как ‘некий предмет’. Немногие читатели могут усмотреть в данных словах ещё словообразовательный показатель, – слова *черемшина* и *черемшинка* связаны с литературного слова *черёмуха*, которое означает ‘дерево или кустарник сем. розоцветных с белыми душистыми цветками, собранными в кисти, а также чёрные, терпкого вкуса ягоды этого дерева’ [ТСОШ 1995: 869]. Читатели могут уточнить смысл данных агнонимов при помощи микроконтекстного («Она была приметна кустами – двумя *черемшинами* и пятком тоненьких рябинок, росшими возле сенцев») и макроконтекстного показателей («Приманка для ребят – вот что такое эти кусты. Особенно

черёмуха»). По контексту получается, что слова *черемишина* и *черемишка* – это черёмуха – растения с приятным запахом.

Агноним *протчий*

«– Чего знаю? Это что его в лагеря-то закатали из-за своей дурости? Да уж знаю... – Егорша поплескал в лицо водой из ушата и убеждённо сказал: – Нет, это не поп. Такой же Ванек пекашинский, как всё *протчие*. Только мозга ещё больше набекрень. Нет, вот я был в прошлом году в Архангельске – это вот да, поп. Идёт по улице, сарафан чёрный до пят – рясой называется. Я ещё сперва подумал: баба. Нет, говорят, поп...» (Также).

Слова *протчий* нет в словарях литературного русского языка и может рассматриваться как агноним. По фонетическому признаку – фонетикой данного слова является диалектное произношение слова *прочий*, т.е. смысл слова *протчий* может быть понят как ‘остальной, другой’.

Агноним *дедко*

«– Подбрось ещё ковшик! – оборвал его Михаил. Он терпеть не мог, когда Егорша начинал говорить с ним вот этим поучающим тоном.

– Ну ты и зверь! Скоро, как мой *дедко*, в рукавицах хвостаться будешь.

<...>

– И с *дедком* поладили?

– Поладили. Теперь с ребятами на поветь перебрались. Как на курорте живём» (Также).

Слова *дедко* нет в словарях литературного русского языка, и оно может рассматриваться как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. По словообразовательному признаку получается, что слово *дедко* образовано от того же корня, что и слово *дед* про помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-*. Таким образом, агноним *дедко* и слово *дед* имеют одно и то же значение.

Агноним *хвостаться*

«Каменка загрохотала, как пушка. Сухой, калёный жар придавил Егоршу к полу.

– Между прочим, – заговорил он немного погодя снизу, – религия эта много денег на войну собирала.

– Подбрось ещё ковшик! – оборвал его Михаил. Он терпеть не мог, когда Егорша начинал говорить с ним вот этим поучающим тоном.

– Ну ты и зверь! Скоро, как мой дедко, в рукавицах *хвостаться* будешь.

– Давай, давай.

– Да мне-то что – жалко? Вода ещё не по карточкам. – Егорша зачерпнул из ушата, отступил, пригибаясь, в сторону. – Господи благослови...

Когда немного спала жара, он ползком стал пробираться к дверям.

– Ну тебя к лешему! Я ещё не грешник, чтобы в таком жару жариться. Пошёл на водные процедуры. Идешь?

– Говорю, у меня простуда.

Михаил повернулся на бок, прошёлся веником по спине, потом, упершись ногами в каленые потолочины, ещё раз похлестал колени (с осени сорок второго года, с той самой поры, как он пошёл в лес, поскрипывает у него в коленях) и наконец, совершенно обессиленный, выпустил из рук обтрепавшийся веник» (Также).

Слова *хвостаться* нет в ТСОШ и МАС. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории глаголов – слово *хвостаться* может быть понято как ‘некое действие’. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в данном слове ещё и словообразовательный показатель, – слово *хвостаться* образовано от существительного *хвост*, смысл слова *хвостаться* может быть понят как ‘действие чем-то пушистым’.

Читатели могут уточнить смысл рассматриваемого слова под влиянием макроконтэкстного («Сухой, каленый жар придавил Егоршу к полу. <...> прошёлся веником по спине, потом, упершись ногами в каленые потолочины, ещё раз похлестал колени») показателя. Из данного фрагмента понятно, что речь идёт о бане. Смысл данного агнонима может быть понят как ‘бить, стегать себя веником в бане’.

Агноним *похабель*

«– Ты баб не знаешь, – спокойно возразил Егорша. – А они, которые в годах, любят молоденьких. Уж это точно.

– Скажи какой знаток!

– Ладно. Ты про аппетит слыхал?

Михаил улыбнулся: сейчас Егорша расскажет какую-нибудь *похабель* – на всякий случай у него анекдот да притча.

– Так было дело. – Егорша поворачивается к нему лицом» (Также).

Слова *похабель* нет в ТСОШ и МАС, оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в данном слове словообразовательный показатель, – слово *похабель* образовано от прилагательного *похабный*, который фиксируется в словарях с пометой «просторечное» и имеет значение ‘непристойный, бесстыдный’.

Смысл слова *похабель* уточняется читателями под влиянием микроконтекстного показателя («Михаил улыбнулся <...> на всякий случай у него анекдот да притча»), из данного фрагмента следует, что смысл слова *похабель* может быть понят как ‘рассказы непристойные и бесстыдные, которые могут заставлять людей смеяться’.

Агноним *зубан*

«Бывало, взрослые начнут зубанить – жаром нальются уши, вот-вот, думаешь, огонь перебросится на волосы – мягкие, трёпанные, как ворох ячменной соломы.

<...>

Когда в сенцах все заглохло, Михаил рьяно, исподлобья поглядел на Егоршу, коротко бросил:

– Ты говори, да знай с кем.

– Ну ещё, нельзя и пошутить.

Лизка снова вернулась в сенцы:

– Я из-за этого *зубана* забыла, зачем и пришла. Тебя Анфиса Петровна ждет. Срочно, говорит, Михаила надо. Так что больно-то не размывайся. В субботу вымоешься.

<...>

Лизка уже говорила, что Егорша зубанит, т.е. смеется, зубоскалит. А теперь она называет Егоршу *зубаном*» (Также).

Слово *зубан* может быть воспринято как агноним, потому что его нет в словарях литературного русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в данном слове словообразовательный показатель, – слово *зубан* связано с литературным словом *зубоскалить*, имеющим значение ‘насмеяться над кем-н., а также вообще смеяться, шутить’ [ТСОШ 1995: 229]. Смысл слова *зубан* уточняется у читателей под влиянием макроконтэкстного показателя («– Ну ещё, нельзя и пошутить. <...> Лизка уже говорила, что Егорша зубанит, т.е. смеётся, зубоскалит»). Из данного фрагмента следует, что агноним *зубан* означает ‘насмешник, зубоскал’.

Агноним *жистянка*

«– Ну вот, – сказал Михаил и невесело усмехнулся. – Не успел одну грязь смыть – другая ждет.

– Да, – сказал Егорша, – колхозная *жистянка* известна: из одного хомута да в другой. Нет, я нынче поворачиваю на все сто восемьдесят. Баран и тот, понимаешь, башкой иногда крутит, а мы что... Царь природы...» (Также).

Слово *жистянка* может быть воспринято как агноним, поскольку его нет в словарях литературного русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. При помощи словообразовательного показателя – данный агноним образован от слова *жизнь* суффиксом *-янк*, с которым многие существительные называют «предмет (одушевл. или неодушевл.), характеризующийся действием,

названным мотивирующим словом (*лежанка, делянка*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 148]. Читатели могут уточнить смысл рассматриваемого слова под влиянием микроконтекстного и макроконтекстного показателей. По макроконтексту получается, что в рассказе речь идёт о жизни в колхозе, после чего следует предложение «колхозная *жистянка* известна: из одного хомута да в другой». Итак, смысл слова *жистянка* может быть понят как экспрессивно окрашенный синоним слова *жизнь*.

Агноним *жёнка*

«— Да, верно, что девкой. Опять замуж можно выходить. — И рассмеялась невесело.

А вообще-то молодец баба! Терентия убили в прошлом году, а кто слышал от неё стон? Правда, *жёнки* вписали ей это в строку: сердца нет. А может, она назло всем чертям так делает? Слезу пускать да реветь — это каждый умеет. А ты вот попробуй рот скалить, когда у тебя сердце кровью обливается» (Также).

Слова *жёнка* нет в словарях литературного русского языка, и оно может рассматриваться как агноним. На основании морфологического показателя — принадлежности данного слова к категории существительных — его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Читатели легко усмотрят в данном агнониме словообразовательный показатель, — слово *жёнка* связано с литературными словами *жена* и *женщина*. Читатели могут легко уточнить смысл этого агнонима под влиянием микроконтекстного и макроконтекстного показателей. Из данного фрагмента следует, что *девкой* названа девушка, которой *замуж можно выходить*. По макроконтексту получается, что слова *баба* и *жёнка* имеют одно и то же значение, т.е. ‘женщина, которая уже выходила замуж’.

Агноним *тесница*

«Михаил аж затрясся от ярости. Сколько он этой старой сквалыжине всякой работы переделал — и избу перекрывал, и две весны участок пахал, — а тут про какой-то травяной настой вспомнила!

Ну дьявол с тобой – давай сюда топор.

Вот так и пошло. У Окули топор, у Дуни Савкиной крыша – ещё осенью, уезжая в лес, пообещал сменить гнилую *тесницу*» (Также).

Слово *тесница* может быть воспринято как агноним, поскольку его нет в словарях литературного русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Под влиянием микроконтекстного и макроконтекстного показателей смысл этого агнонима может уточниться у читателей. По макроконтексту («и избу перекрывал, и две весны участок пахал») и микроконтексту («у Дуни Савкиной крыша – ещё осенью, уезжая в лес, пообещал сменить гнилую *тесницу*») получается, что речь идёт о ремонте крыши избы. Смысл слова *тесница* может быть понят как ‘доска’.

Агноним *пожня*

«Возможно, вполне возможно, что у сепаратора опять какая-нибудь гайка размололась – старый, одного года рождения с колхозом сепаратор, – но Раечка-то его, конечно, не ради сепаратора звала.

В прошлом году завозились на *пожне* бабы и девки, штук пятнадцать навалились на него сразу – где тут справишься? И вот чтобы хоть как-то выйти из положения (позор – бабы выкупали!), Михаил уже в последнюю минуту схватил в охапку Раечку и закричал дурашливым голосом: "Эх, уж ежели тонуть, то тонуть только с Раечкой!"» (Также).

Слово *пожня* может быть воспринято как агноним, поскольку оно фиксируется в словарях литературного русского языка с пометой «областное». На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. При помощи синтаксического показателя – данный агноним находится после предлога *на* в предложном падеже – его смысл может быть понят как обозначение места или области [ТСОШ 1995: 365]. Слово *пожня* образовано от глагола *жать* с приставкой

по-, многие подобные существительные называют «место, территорию, расположенную близ или вдоль того, что названо мотивирующим словом (*подонье, поветлужье*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 231]. Под влиянием микроконтекстного показателя – глагола *завозиться* («завозились на *пожне* бабы и девки»), читатели могут уточнить смысл рассматриваемого агнонима как ‘поле в колхозе’.

Агноним *бескормица*

«В Пекашине по-прежнему не было хлеба и не хватало семян, по-прежнемудохла скотина от *бескормицы* и по-прежнему, завидев на дороге почтальоншу Улю, мертвели бабы: война кончилась, а похоронные ещё приходили» (Также).

Слово *бескормица* может быть воспринято как агноним, поскольку оно есть в ТСОШ и МАС с пометой «устарелое». На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые читатели усмотрят в слове *бескормица* словообразовательный показатель, – данный агноним образован от существительного *корм* с приставкой *бес-*, с которой многие существительные означают «отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим существительным (*бездействие, беспорядок, беспристрастие*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 225]. Под влиянием микроконтекстного показателя («дохла скотина от *бескормицы*») читатели могут уточнить смысл рассматриваемого агнонима. Из данного фрагмента следует, что речь идёт о причине смерти скотины, смысл данного слова может быть понят как ‘недостаток кормов для скотины’.

Агноним *районищик*

«– Минина, Минина... Людей давай... Минина, Минина... Мать тебя так... Анфиса огрызалась, на брань отвечала бранью (научилась за эти годы лаяться с *районищиками*), а потом за плуг сама встала, на всё – и на звонки, и на

телеграммы – махнула рукой. И так было до тех пор, пока в Пекашино не нагрянул сам.

Сам – это первый секретарь райкома Подрезов, сменивший Новожилова осенью сорок второго года. У Новожилова рука была мягкая, из-за нездоровья по району ездил мало, а этот – где заминка, там и он. И его не проведёшь» (Также).

Слова *райони́чик* нет в словарях литературного русского языка, и оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые читатели могут усмотреть в данном слове ещё словообразовательный показатель, – слово *райони́чик* образовано от существительного *район* с суффиксом *-чик*, с которым многие существительные называют «лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом (*паркетчик, водопроводчик, табунчик*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 182]. Смысл рассматриваемого слова читатели могут уточнить под влиянием макроконтекстного показателя («Сам – это первый секретарь райкома Подрезов»). Из данного фрагмента следует, что слово *райони́чик* означает ‘районный государственный чиновник’.

Агноним *побольшеньку*

«Подрезов заговорил о севе.

– Пашем помаленьку, – сказала Анфиса.

– А почему не *побольшеньку*? – Тут черная хромовая кожанка, известная в районе и старому, и малому, закрипела, и Подрезов поднял на Анфису свои холодные, зимние глаза.

– *Побольшеньку*-то, Евдоким Поликарпович, будем, когда фронтовиков дождемся. Тогда развернёмся» (Также).

Слово *побольшеньку* может быть воспринято как агноним, потому что оно не фиксируется в словарях литературного русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории наречий – его смысл может быть понят как ‘признак действия или признак

признака'. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в этом слове ещё словообразовательный показатель, – слово *побольшеньку* образовано от наречия *больше*. Под влиянием макроконтекстного показателя (*Пашем помаленьку*) и микроконтекстного показателя («будем, когда фронтовиков дождемся») читатели могут уточнить смысл данного агнонима. По контексту получается, что из-за недостатка народа в селе сев проходил в малом объёме. Смысл данного агнонима может быть понят как 'много, крупномасштабно'.

Агноним *лазурь*

«Встал, тому руку, другому – сразу обе протянул, затем выставил на стол большую банку с самосадам (сам не курил, но табак с собой возил), и глаза *лазурь* июльская. Умеет, умеет людей брать с ходу. Кого битьем, кого лаской гнёт» (Также).

Слово *лазурь* фиксируется в ТСОШ с пометой «устарелое», и оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как 'некий предмет'. Под влиянием микроконтекстного показателя («и глаза *лазурь* июльская») смысл данного слова уточнится у читателей. Из данного фрагмента понятно, что речь идёт о цвете глаз и по контексту получается, что свет глаз – июльский. То есть слово *лазурь* означает 'голубой свет, как свет неба в июле'.

Агноним *обутка*

«– Холод в воде-то бродить. У людей *обутки* нету.
– Вот это уже дело говоришь, – сказал Подрезов. – Но *обутки* не будет. Нету.
Будем обогревать изнутри. Сплавконтора, слышишь?
Таборский вытянулся.
– Сколько у тебя в наличии сучка?» (Также).

Слово *обутка* может быть воспринято как агноним, поскольку оно есть в словарях литературного русского языка с пометой «областное». На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова

к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые читатели могут усмотреть в данном слове ещё и словообразовательный показатель, – слово *обутка* связано со словами *обувать* и *обувь*. Читатели могут легко уточнить смысл данного агнонима под влиянием макроконтекстного показателя («Холод в воде-то бродить»). Из данного фрагмента вытекает, что слово *обутка* означает ‘обувь’.

Агноним *курья*

«– Видишь, что ты натворила своей бабской прижимистостью, – сказал Подрезов Анфисе, указывая на *курью*. – А подбросила бы вовремя человек шесть, не было бы этой заварухи. Так?

Подрезов был прав. Вся *курья* под Худым берегом была сплошь забита лесом. Место это всегда считалось гибельным для сплава. Пинега, как лук натянутая под Пекашином, сначала бьёт своим течением в красную, почти отвесную щелью на той стороне, затем, оттолкнувшись от неё, с удвоенной силой обрушивается на низкий пекашинский берег за деревней. Поэтому *курью* каждый раз отгораживают от реки длинным бревенчатым боном. Поставили сплавщики бон и в этом году, но напор леса, выпущенного одновременно из нескольких речек, оказался так велик, что бон не выдержал – треснул, и бревна, как стадо баранов, хлынули в *курью*.

Анфиса привыкла к аврамам за эти годы. И не предстоящая работа пугала её. Но время? Сколько времени они пробьются с этой *курьёй*? Хорошо, если суток двое-трое, тогда ещё можно как-нибудь вытянуть сев. А ну как неделю придётся топтаться на берегу?» (Также).

Слово *курья* не фиксируется в словарях литературного русского языка, и оно рассматривается как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Под влиянием микроконтекстного показателя («Поэтому *курью* каждый раз отгораживают от реки длинным бревенчатым боном») и макроконтекстного показателя («затем, оттолкнувшись от неё, с удвоенной силой обрушивается на низкий пекашинский берег за деревней») смысл данного слова уточнится у

читателей. Из данного фрагмента следует, что слово *курья* означает ‘речной залив, в котором может происходить затор сплавляемого леса’.

Агноним *елец*

«В воздухе заметно потеплело, пахло забродившей землей, горелым навозом. Пряслинские ребята несли первую рыбу от реки – вязанку серебристых *ельцов*. Но удивительнее всего были первые цветы. Много их, золотистых звёздочек мать-и-мачехи, загорелось за нынешний день на взгорках, на межах, на закрайках полей, и девки, и бабы помоложе на ходу срывали их, подносили к носу, а Груня Яковлева, с часу на час поджидавшая мужа-фронтовика, стала собирать из цветов букетик» (Также).

Слово *елец* не фиксируется в ТСОШ и МАС, оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Читатели могут легко понять его смысл с помощью экспланативного показателя с пояснительным оборотом («Пряслинские ребята несли первую рыбу от реки – вязанку серебристых *ельцов*»). Из данного фрагмента следует, что слово *елец* обозначает ‘серебристая мелкая речная рыба’.

Агноним *упряг*

«– В ресторане «Арктика» был? Попил пивка из толстой кружки? Не был? В ресторане-то? Да как же ты сумел обойти? Там ведь очередь – ой-ой-ой! – на километр. Мы ещё едва в цирк не опоздали – целый *упряг* выстояли. Че-го-о? Ты и в цирке не был? И эту самую бабу на львах не видел? Да ты что, едрёна вошь! Нда, съездил, называется, в город, подзаправился культуркой... Ну уж футбол-то, я думаю, в глаза залез. Я в прошлом году, даром что в натуре до этого не видел, сразу понял, с чем едят-кушают» (Также).

Слово *упряг* может быть квалифицировано как агноним, поскольку оно не фиксируется в словарях русского литературного языка. В данном фрагменте слово *упряг* отражает культурную специфику региона. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий

предмет'. При помощи микроконтекстного показателя читатели могут уточнить в сознании смысл рассматриваемого слова, однако лишь с частичной степенью полноты. Из приведенного фрагмента следует, что речь идет о длинной очереди в ресторан и что из-за этого «мы ещё едва в цирк не опоздали». Получается, что целый упряг это достаточно много времени, но сколько именно – большинству читателей остается непонятно. Между тем, как показывает словарь В.И. Даля, точное значение архангельского диалектизма упряг – ‘рабочій у'поводъ, срокъ отъ роздыха до роздыха’.

Агноним *сообразильник*

«— За ма-а-зью... Пенек пекашинский! Ты что же, банки с мазью всё время караулил? Надо же! Первый раз в городе – да не осмотреть все как следует. Псих! Ей-богу, псих. И на рынок не заскочил. Трудно? Просил ведь: зайди, купи зажигалку с девахой. Денег дал, обрисовал все как надо. Ежели у самого *сообразильник* работает с перебоями, Дунярку бы подключил... – Егорша сердито подбросил в костёр две белые смолистые щепины, проследил глазами за искрами, полетевшими к небу» (Также).

Слова *сообразильник* нет в словарях русского литературного языка, и оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в данном слове ещё словообразовательный показатель, – этот агноним образован от глагола *сообразить* с суффиксом *-льник*, с которым многие существительные называют «предмет (орудие, приспособление), предназначенный для выполнения действия, названного мотивирующим словом. <...> Среди мотивирующих глаголов – немотивированные, с суф. морфами *-и1-* (*светильник*), *-ва-*, *-а3* (*умывальник*, *утиральник*), с постфиксом *-ся* (*купаться* – *купальник*). К этому типу примыкают два образования со знач. лица: *молчальник* и *висельник*» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 143]. Под влиянием макроконтекстного показателя («Просил ведь: зайди, купи зажигалку с девахой. Денег дал,

обрисовал всё как надо») читатели могут уточнить смысл данного агнонима. По контексту получается, что речь идёт о покупке в магазине. Итак, смысл слова *сообразильник* обозначает ‘способность соображать и думать’.

Агноним *замухрыга*

«Пожатие было беглое, летучее, словно она это делала по необходимости. И вообще в этой высокой полногрудой девахе, одетой по-городскому, он с трудом узнавал прежнюю, тоненькую, как хворостинка, Дунярку. Всё изменилось у неё за год: и одежда, и причёска, и даже рост. Впрочем, насчёт роста скоро разъяснилось: она была в туфлях на высоком каблуке.

Дунярка была довольна впечатлением, которое произвела на него. Он понял это, на мгновение встретившись с её карими глазами. И может быть, вот только эти карие глаза, всегда такие самоуверенные и насмешливые, – может быть, только они и остались от прежней Дунярки.

<...>

Девочки охотно закивали. И ему стало ясно: Дунярка и тут командует. Да и как ей не командовать, если подруги её просто *замухрыги* по сравнению с ней!» (Также).

Слово *замухрыга* не фиксируется в словарях литературного русского языка, и хотя оно, как выяснилось, понятно многим современным носителям русского языка, это слово может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Под влиянием микроконтекстного показателя («Да и как ей не командовать, если подруги её просто *замухрыги* по сравнению с ней») и макроконтекстного показателя («в этой высокой полногрудой девахе, одетой по-городскому, он с трудом узнавал прежнюю, тоненькую, как хворостинка, Дунярку») смысл данного слова может уточниться у читателей. По контексту получается, что Дунярка умеет командовать, она красива и она, конечно, «лидер» других девушек. А её подруги – нет. Итак, смысл слова *замухрыга* может быть понят как ‘некрасивый и неуверенный в себе человек’. По-видимому, такое понимание слова *замыхрыга* представлялось

Ф. Абрамову достаточным, хотя оно не полностью совпадает со значением этого слова в русских народных говорах. В словаре В.И. Даля указано: «Замухры'га, замухры'жка <...> замарашка, чумичка, неказистый и неопрятный человек».

Агноним *горожаха*

«Вытирая пот со лба – тепло было в общежитии, – он завел общий, для всех интересный, как ему казалось, разговор о том, что вот они скоро станут агрономами, поедут в деревню и – ой-ёй-ёй, какая работа их ждёт: ведь ни в одном колхозе сейчас нет севооборотов; но Дунярка фыркнула: "Тоже мне агитатор-пропагандист!" – и разговор оборвался.

<...>

Они шли по проспекту Павлина Виноградова и молчали. Люди – нету спасенья от людей. Спереди, с боков, сзади. Солнце шпарит в глаза. И Дунярка губы закусила – будто удил у неё во рту.

Он заговорил первый:

- А ты настоящей *горожахой* стала. Смотри-ко, все на тебя заглядываются.
- Это на тебя, – не поднимая головы, сказала Дунярка.
- Почему на меня?» (Также).

Слова *горожаха* нет в словарях литературного русского языка, и оно рассматривается как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как 'некий предмет'. Читатели могут усмотреть в данном слове словообразовательный показатель, – слово *горожаха* образовано от существительного *город* со суффиксом *-аха*, с которым многие «существительные выполняют в разг. речи и просторечии ту же функцию, что и образования предыдущих типов. Мотивирующие – нарицательные существительные и личные имена; родовая характеристика мотивирующего слова сохраняется. Например: <...> 3) суф. *-ох(а)*: *тётка* (женщина) – *тетёха, бабёха, дурёха, правдоха* (все – *прост.*)» [Русская грамматика. Т. 1 1980: 214–215]. По макроконтексту («разговор о том, что Дунярка и её подруги скоро станут агрономами, поедут в деревню и – ой-ёй-ёй, какая

работа их ждёт <...> Они шли по проспекту Павлина Виноградова и молчали») получается, что раньше они жили и работали в колхозе, а сейчас уже в городе. Под влиянием макроконтэкстного показателя смысл рассматриваемого слова уточнится у читателей как ‘городская жительница’.

Агноним *агрономь*

«– Не знаю...

В голосе Дунярки ему послышалась неуверенность. Работа будущая страшит?

– А чего знать-то? *Агрономь*! Зря тебя, что ли, учили?

Дунярка резко тряхнула косами. В черных зрчках её белыми точками запрыгали берёзы.

– Ну положим... меня учили? Училась-то я сама. Знаешь, как я жила? И нянькой была, и донором была, и полы мыла...» (Также).

Словоформа *агрономь* – это глагол в повелительном наклонении от глагола *агрономить*. Слово *агрономить* может быть воспринято как агноним, поскольку оно не фиксируется в словарях литературного русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к формам императива – его смысл может быть понят как ‘производи некое действие’. Некоторые из читателей усмотрят в данном слове ещё словообразовательный показатель, – слово *агрономить* образовано от существительного *агроном*. Под влиянием макроконтэкстного показателя («Работа будущая страшит?») читатели могут уточнить смысл рассматриваемого слова. Из данного фрагмента следует, что речь идёт о некоторой работе, и смысл словоформы *агрономь* может быть понят как ‘работай агрономом’.

Агнонимы *вища* и *дернина*

«– Хорошо? – Он внимательно посмотрел Анисье в лицо. Первый раз за эти годы он слышал, чтобы человек не жаловался на жизнь.

По её просьбе он выломал ей рябиновую *вищу*, затем – уже сам – поднял борону, очистил зубья от лохматой *дернины*.

– И с дедком поладили?

– Поладили. Теперь с ребятами на поветь перебрались. Как на курорте живём»
(Также).

Слова *вища* и *дернина* могут быть восприняты как агнонимы, поскольку первое слово не фиксируется в словарях литературного русского языка, а второе есть в ТСОШ с пометой «областное». На основании морфологического показателя – принадлежности обоих слов к категории существительных – их смыслы могут быть поняты как ‘некие предметы’.

Под влиянием микроконтекстного показателя («По её просьбе он выломал ей рябиновую *вищу*, затем – уже сам – поднял борону, очистил зубья от лохматой *дернины*») читатели могут уточнить смысл слова *вища*. По контексту получается, что слово *вища* означает ‘ветка, чтобы очистить борону, которой разрыхляют землю, от дёрна’.

Некоторые из читателей, возможно, усмотрят в слове *дернина* словообразовательный показатель, – данный агноним образован от существительного *дёрн* (густо заросший травой, скреплённый корнями многолетних растений верхний слой почвы, а также вырезанные пласты из этого слоя [ТСОШ 1995: 160]) с суффиксом *-ин(а)*, представляют собой разг. или просторечные синонимы мотивирующих слов; они составляют следующие семантические подтипы: <...> 3) названия единичных предметов (*тыква – тыквина, помидор – помидорина, скелетина*) [Русская грамматика. Т. 1 1980: 213]. С помощью микроконтекстного показателя («поднял борону, очистил зубья от лохматой *дернины*») смысл данного агнонима уточнится у читателей. Слово *дернина* означает ‘кусочек дёрна’.

Агноним *мати*

«Вот жёнка! – думал Михаил. Сама держится и на других тоску не нагоняет. Кто-кто, а он-то знал, какой сейчас курорт у Трофима Лобанова.
– Слушай, – крикнул он ей вдогонку, – ты бы зашла к нам! *Мати* молока плеснёт!» (Также).

Слова *мати* нет в ТСОШ и МАС, оно рассматривается как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного

слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Этот агноним является диалектной формой литературного слова *мать*. При помощи фонетического показателя читатели могут легко уточнить смысл данного слова как ‘мать’.

Агноним *барышня*

«– Подожди маленько. К нам гости приехали.

Что за ерунда? Какие ещё гости? ...

Минут пять в чуланчике шло совещание шёпотом, потом шёпот стих, и из задосок вышли две *барышни* в голубых платьях в белую горошину.

Михаил ахнул:

– Откуда у вас новые платья?» (Также).

Слово *барышня* есть в словарях с пометой «устарелое», и оно может быть воспринято как агноним. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может быть понят как ‘некий предмет’. Под влиянием микроконтекстного («две *барышни* в голубых платьях в белую горошину») и макроконтекстного («– Подожди маленько. К нам гости приехали») показателей смысл этого агнонима уточняется у читателей. Из данного фрагмента понятно, что речь идёт о посетительницах, гостях. Итак, слово *барышня* означает ‘девушка из барской семьи или вообще из интеллигентной среды’.

В параграфе 2.1. проанализированы 4 рассказа В. Шукшина, и в них 57 агнонимов. В параграфе 2.2. мы подвергли анализу первые 5 глав романа Ф. Абрамова «Две зимы и три лета», и в них 52 агнонима. По данным статистической обработки получаются следующие результаты, отраженные в таблице 1:

Таблица 1: Статистическая обработка данных использования агнонимов и их показателей в рассказах В. Шукшина и в романе Ф. Абрамова

	В. Шукшин: Общее количество слов 11900 Количество агнонимов 57 (0.48%)	Ф. Абрамов: Общее количество слов 13000 Количество агнонимов 52 (0.4%)
Количество по частям речи		
Существительные	31 (54.39%)	41 (78.45%)
Глаголы	19 (33.33%)	6 (11.54%)
Прилагательные	3 (5.26%)	2 (3.85%)
Наречия	2 (3.51%)	1 (1.92%)
Фразеологизмы	2 (3.51%)	2 (3.85%)
Типы агнонимов		
Не фиксируются в словарях	30 (52.63%)	33 (63.64%)
Областные	6 (10.53%)	10 (19.23%)
Устарелые	6 (10.53%)	7 (13.46%)
Просторечные	3 (5.26%)	0 (0)
Переносные значения	12 (21.05%)	2 (3.85%)
Использовано показателей смыслов		
Морфологические	56 (98.25%) Слово <i>аиньки</i> не имеет такого показателя	52(100%)
Синтаксические	7 (12.28%)	9 (17.31%)
Словообразовательные	19 (33.33%)	32 (61.54%)
Микроконтекстные	23 (40.35%)	30 (57.69%)
Макроконтекстные	40 (70.18%)	26 (50%)
Фонетические	5 (8.77%)	3 (5.77%)
Экспланативные	0 (0)	9 (17.31%)

Согласно данным в таблице, общее количество агнонимов, использованных в текстах каждого из писателей приблизительно равного

объема (12–13 тыс. слов), примерно совпадает (приблизительно 0.4% – 0.5% общего количества слов). Это дает основания для гипотезы о том, что такой процент агнонимов приемлем для художественных текстов, поскольку, с одной стороны, не перегружает внимание читателей, а с другой – дает возможность ознакомить их с особенностями культуры описываемого региона. Для подтверждения или опровержения этой гипотезы в дальнейшем, разумеется, потребуется статистический анализ значительного количества других художественных текстов.

Согласно данным в таблице, из всех агнонимов в рассмотренных текстах существительные и глаголы составляют большинство (соответственно 66.01% и 22.94%); а остальные три типа агнонимов – прилагательные, наречия, и фразеологизмы составляют соответственно 4.6%, 2.8% и 3.7%. Очевидно, это можно объяснить тем, что именно существительные и глаголы бывают направлены на описание специфических предметов и ситуаций описываемой действительности, тогда как прилагательные и наречия чаще всего обозначают такие признаки описываемых предметов и явлений, которые редко имеют региональную специфику. Что же касается фразеологизмов, то они вообще относительно редко встречаются в текстах. Кроме того, в романе Ф. Абрамова больше существительных-агнонимов, чем в рассказах В. Шукшина (соответственно 78.45% и 54.39%), для того чтобы ознакомить горожан с предметами быта северной деревни.

По данным статистической обработки использования агнонимов и их показателей в рассказах В. Шукшина и в романе Ф. Абрамова, получается, что Ф. Абрамов использует не только экспланативные показатели (17.31% – 0), но и значительно больше, чем у В. Шукшина, словообразовательных показателей (61.54% – 33.33%) – поскольку Ф. Абрамов излагает содержание романа для читателей-горожан, и с этими показателями использованные агнонимы легче воспринимаются русскоязычными читателями.

2.3. Выводы по Главе 2

1. Употребляя агнонимы, авторы не совсем стремятся к тому, чтобы смысл агнонима был полностью воспринят читателями. Возможно, в задачи авторов входит только то, чтобы смысл агнонима был понят лишь в общих чертах, частично.

2. Читатели способны к постепенному восприятию смыслов русских агнонимов без словарей. По мере чтения смысл каждого из агнонимов может постепенно уточняться в сознании получателей под влиянием взаимодействия разных показателей: морфологических (восприятие читателем какого-либо агнонима как существительного, глагола или прилагательного позволяет установить, что данный агноним обозначает соответственно предмет, действие или признак), синтаксических (так, квалификация двух агнонимов как глагола и следующего за ним существительного в форме дательного падежа с предлогом *по* с определенной степенью вероятности дает основания воспринимать первый из агнонимов как глагол движения, а второй – как обозначение пространства, в котором это движение осуществляется); словообразовательных (в этом случае морфемный состав слова несет информацию о тех компонентах его значения, которые обусловлены внутренней формой данного слова); контекстных (здесь на значение агнонима указывает контекст его употребления); фонетических (агноним похож по звучанию на известное слово литературного языка) и экспланативных (в одних случаях экспланативные показатели оформлены как пояснительные члены предложения, а в других – при помощи подстрочных примечаний).

3. Экспланативные показатели самые информативные показатели смыслов агнонимов, однако, как правило, они используются только в таких художественных текстах, которые не создают иллюзии отражения описываемых событий кем-либо из персонажей и явно адресованы неосведомленным читателям. Под экспланативными показателями смыслов агнонимов мы понимаем такой способ раскрытия смыслов непонятных или

малопонятных читателям слов, когда автор сопровождает эти слова разъясняющим комментарием.

4. Поскольку подавляющее большинство агнонимов может определиться частеречной принадлежностью, морфологические показатели используются практически постоянно. Они несут информацию о том, предмет, действие или признак обозначает каждый из агнонимов, а более конкретную информацию о семантике агнонима добавляют другие показатели, наиболее часто макро- и микроконтекстные и словообразовательные.

5. В рассказах В. Шукшина и в романе Ф. Абрамова «Две зимы и три лета» авторы использовали разные показатели смыслов агнонимов. В этом отношении роман Ф. Абрамова отличается от рассказов В. Шукшина, поскольку повествование в романе «Две зимы и три лета» построено с явной ориентацией на читателей-горожан, мало знакомых с бытом русской деревни. По этой причине писатель широко использует экспланативные показатели смыслов агнонимов, — объяснение агнонимов при помощи явных комментариев, адресованных неосведомленным читателям. В одних случаях они оформлены как пояснительные члены предложения, а в других — при помощи подстрочных примечаний.

ГЛАВА 3. Переводы русских агнонимов в произведениях о русской деревне на английский язык

Как мы уже изложили в Главе 2, что по разным причинам русские авторы иногда используют в своих текстах русские агнонимы. Такие слова могут затруднить не только понимание некоторых фрагментов текста, но и передачу информации при переводах этих слов на английский язык. Определение смыслов агнонимов и передача агнонимов в переводах трудны для читателей [Мандрикова 2011; Норман 2014] и переводчиков [Кобелева 2007].

В третьей главе наша работа выполнена на материале переводов рассказов В. Шукшина на английский язык: «Сураз» – «The bastard», переведён Р. Даглишем; «Верую» – «I believe!», переведен Э. Бромфилдом; «Выбираю деревню на жительство» – «A village to call home», переведён Х. Смитом; «Крепкий мужик» – «The tough guy», переведён К.М. Куком. Кроме того, проанализирован материал первых пяти глав двух вариантов английских текстов в романе Ф. Абрамова «Две зимы и три лета», которые перевели Д.Б. Пауэрс/Дорис К. Пауэрс и Жаклин Эдвардс/Митчелл Шнайдер. С целью объективной проверки точности передачи смыслов агнонимов в тексте английских переводов мы будем опираться на Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Cambridge Advanced Learner's Dictionary Third Edition 2008] и на Русско-английский и на Англо-русский словарь [Русско-английский. Англо-русский словарь 2006], в последующем тексте мы введём в употребление сокращения CALD и Ру-ан Ан-ру.

3.1. Способы перевода русских агнонимов на английский язык

По разным причинам русские авторы художественных текстов иногда используют в своих произведениях те слова, которые неизвестны или малоизвестны многим носителям русского языка. Такие слова, как мы уже описали в вышеупомянутых разделах, по предложению В.В. Морковкина и А.В. Морковкиной стало принято называть агнонимами [Морковкина 1993]. Агнонимы – это лексические и фразеологические единицы языка, которые

неизвестны, непонятны или малопонятны многим его носителям [Морковкин, Морковкина 1997: 86].

Употребление русских агнонимов в тексте способно отражать российские культурные особенности и специфические смыслы, которые стремится передать автор данного текста [Норман 2014]. Однако при переводе художественных текстов на иностранные языки агнонимы вызывают затруднения у переводчиков. Эти затруднения можно преодолеть разными способами [Кобелева 2007]. В результате сравнения произношения русских агнонимов с их английскими переводами в переводном тексте ни одно русское слово не переводится с отражением фонетических признаков. Согласно А.А. Кобелевой, в исследованном ею тексте «абсолютное большинство (95%) фонетических особенностей речи персонажей было утеряно при переводе, т.е. практически все особенности произношения оказываются невоспроизведенными, так как они преданы в переводе словами литературного языка» [Кобелева 2007:167].

Если бы рассказы В. Шукшина «Сураз» «Верую» «Выбираю деревню на жительство» «Крепкий мужик», роман Ф. Абрамова «Два зимы и три лета» и их английские переводы прочитали читатели, в том числе и носители русского языка, то они обязательно бы заметили, что в тексте на русском языке они нередко сталкиваются с русскими агнонимами, а в английском переводе почти нет непонятных слов и для двуязычных читателей, и для носителей английского языка. Отсутствие непонятной лексики в переводе позволяет избежать трудность при чтении текста, но в то же время вызывает ощутимую сложность при переводе. Согласно В.Н. Комиссарову, «для теории перевода существование территориальных диалектов представляет интерес, главным образом, в связи с практическими проблемами, которые они создают для переводчика. <...> Трудность заключается в том, что для этой цели невозможно использовать соответствующие диалектальные формы языка перевода, даже если таковые имеются, поскольку они идентифицируют совершенно иную группу людей»

[Комиссаров 2002: 75]. Именно поэтому Р. Даглиш (переводчик рассказа «Сураз») всегда переводит русские агнонимы на английский язык литературной лексикой. По одной и той же причине другие три переводчика (см. Эндрь Бромфилд, Холли Смит и Кэтлин Мэри Кук) тоже выбрали английскую литературную лексику при переводе русских агнонимов на английский язык. Роман Ф. Абрамова отличается от рассказов В. Шукшина, поскольку повествование в нем построено с явной ориентацией на читателей-горожан, мало знакомых с бытом русской деревни. Поэтому Ф. Абрамов широко использует экспланативные показатели смыслов агнонимов – объяснение агнонимов при помощи явных комментариев, адресованных неосведомленным читателям. Поэтому в двух английских переводах романа «Две зимы и три лета» переводчики используют ещё один способ перевода – практическая транскрипция, после чего следует экспланативный комментарий к слову; в ряде случаев русский агноним передается в тексте английского перевода при помощи практической транскрипции.

Разница грамматических особенностей русского языка и английского языка не единственная причина, которая оказала влияние на перевод русских агнонимов на английский язык. Язык не только явление, но и носитель культуры. В одном языке сохраняется большая часть мышления и сознания данного этноса, иными словами, национальной культурной информации [Верещагин 2005: 41], и язык передаёт культуру и из поколения в поколение, а также и другому этносу. Как утверждают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, «при таком понимании семема представляет собой комплексную совокупность всей информации, свойственной слову. Если же из семантики слова (для исследовательских целей) исключить значения, обусловленные различными языковыми уровнями (деривационное, морфологическое и синтаксическое), не учитывать внутренней формы слова, «образного значения», эстетических ассоциаций, то в остатке окажется так наз. экстралингвистическое содержание, которое прямо и непосредственно

отражает обслуживаемую языком национальную культуру» [Верещагин 2005: 43]. Как писал Э. Сепир, «содержание языка неразрывно связано с культурой. Общество, не имеющее представления о теософии, не нуждается в наименовании её. <...> язык в своей лексике более или менее точно отражает культуру, которую он обслуживает, совершенно справедливо и то, что история языка и история культуры развиваются параллельно» [Сепир 1993: 194].

Как часть лексики русского языка, русские агнонимы могут отражать русскую культуру, – в рассказе «Сураз» и в других выбранных рассказах автор В. Шукшин использует русские агнонимы, чтобы читатели лучше представили себе русскую деревню и то, как события воспринимает Спирька. Непонимание тех агнонимов, которые описывают русскую деревню, и особенности русской диалектной речи, в том числе особенности речи в Сибири, непременно вызовет у читателей отсутствие представления о русской культуре.

Далее мы проанализируем общие способы переводов русских агнонимов на английский язык в переводах рассказов В. Шукшина и в романе Ф. Абрамова.

1. Переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным английским эквивалентом, т.е. данным способом называется эквивалентный перевод стилистически окрашенного русского агнонима.

Что касается эквивалентности перевода и эквивалентного перевода, согласно В.Н. Комиссарову и другим учёным [Бархударов 1975; Швейцер 1988] в области теории перевода, эквивалентность перевода означает общность содержания (смысловую близость) оригинала и перевода, а эквивалентный перевод – это перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности [Комиссаров 1990: 251]. Как мы уже знаем, русские агнонимы в произведениях о российской деревне

представляют собой трудность для передачи смыслов агнонимов при переводе на английский язык. Поэтому для зарубежных переводчиков (не носителей русского языка, в данной работе носителей английского языка) первой задачей становится правильный перевод русских агнонимов на английский язык. С целью достижения этой задачи прежде всего бросается в глаза необходимость эквивалентного перевода. Хотя русские агнонимы представляют собой слова областные, слова устарелые, фразеологизмы, и слова, употреблённые в переносных значениях, но некоторые из них тоже имеют эквиваленты (и приблизительные эквиваленты) в английском языке, такие как *маруха* (см. *женщина – любовница Спирьки*) – *girl-friend* (*Сураз*), *чурбак* (см. *глупый, непонятливый человек*) – *without feelings* (*Верую*), *урка* (см. *разновидность преступника, вор*) – *criminal* (*Выбираю деревню на жительство*), *бочкотара* (см. *пустые бочки для хранения или перевозки товара*) – *barrels* (*Крепкий мужик*), *сеструха* (см. *двоюродная сестра*) – *cousin* (*Две зимы и три лета*).

2. Переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным описательным английским выражением.

В связи с тем, что русский язык и английский язык, их принадлежности к разным семьям языков, также в связи с разницей между культурами России и англоязычных стран. В русском и английском языках неизбежно существует безэквивалентная лексика³: «Сопоставительный анализ переводов обнаруживает, наряду с языковыми единицами ИЯ, имеющими единичные или множественные соответствия в ПЯ, и такие лексические и грамматические единицы, для которых в ПЯ нет прямых соответствий. Единицы ИЯ, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода, называются безэквивалентными» [Комиссаров 1990: 251].

³ Безэквивалентная лексика - лексические единицы ИЯ, не имеющие регулярных (словарных) соответствий в ПЯ. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) 1990. С. 147.

Такой тип лексики также называется лексическими лакунами [Влахов, Флорин 1980; Иванов 2006; Муравьев 1975].

Но наличие в литературных произведениях безэквивалентных слов в данной работе – некоторые русские агнонимы не означает, что смыслы этих слов не могли переводиться на английский или их смыслы неверно передаются при переводе на английский язык. В выбранных английских текстах переводчики широко используют ещё один способ перевода – переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным описательным английским выражением, при этом окказиональное соответствие создается путём семантических преобразований значения безэквивалентного слова [Комиссаров 1990:149], такие агнонимы как *забрюхатела* (см. *забеременела*) – *he got Mum* (*Сураз*), *попьяра* (см. *экспрессивное обращение Максима к попу, т.е. к православному священнику*) – *Some priest you are* (*Верую*), *залунаться* (см. *делать трудную работу*) – *take a job* (*Выбираю деревню на жительство*), *взречь* (см. *сравнение звука работающего трактора с ревом зверя*) – *rev up* (*Крепкий мужик*), *огорода* (см. *изгородь*) – *garden gate* (*Две зимы и три лета*).

3. Переводы стилистически окрашенного русского агнонима (диалектизма, просторечия, историзма, метафоры и т.д.) стилистически окрашенным описательным английским выражением.

Одной из функций русских агнонимов является указание на стилистическую окрашенность. В том числе просторечную окрашенность выражают просторечные слова и агнонимы с фонетическими показателями; диалектную окрашенность выражают областные слова; устарелые слова выражают экспрессивную окрашенность или окрашенность высокого стиля; слова, которые не фиксируются в словарях, слова в переносных значениях и фразеологизмы имеют экспрессивную окрашенность.

Главная цель перевода – это как правильно и точно передать информацию исходного текста, в том числе семантику и стилистическую принадлежность ИЯ. С этой целью во многих случаях при переводе

выбранных текстов переводчики широко используют стилистически окрашенные описательные английские выражения,, и тогда текст английского перевода может сохранять выразительные особенности исходного текста частично или полностью.

В выбранных рассказах В. Шукшина и в романе Ф. Абрамова описана российская деревня. Таким образом, все использованные агнонимы более или менее выражают российскую национальную окраску, в которую включены образ жизни в деревне, типичные русские деревенские предметы и др. Это значительно увеличивает трудность при переводе. Поэтому, чтобы выразить стилистическую окраску исходного русского текста, переводчику часто приходится использовать неточные стилистически окрашенные английские эквиваленты. Ввиду этого мы разделим этот способ перевода на следующие подпункты:

3.1. Точные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным описательным английским выражением, такие слова как *пластаться* (см. *тяжело работать*) – *work like mad* (Сураз), *тянут* (см. *сидеть в тюрьме*) – *inside for 'INFORMAL, in prison'* (Верую), *окочуриться* (см. *умереть*) – *kick the bucket 'INFORMAL, to die'* (Крепкий мужик), *в чужой рот полез* (см. *воровать чужую пищу*) – *he was stealing the food out of everyone else's mouth / He stole from other people's mouths* (Две зимы и три лета).

3.2. Неточные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным описательным английским выражением, например: *пидор, гад* (см. *оскорбительные слова Спирьки к квартиранту*) – *bastard* (Сураз), *тубик* (см. *больной туберкулёзом*) – *slob* (Верую), *задоски* (см. *часть кухни, отделенная от жилой комнаты*) – *partition* (Две зимы и три лета).

4. Семантические переводы агнонима с социально-культурной значимостью (замена перевода агнонима описанием его значения) (этот способ уже описан в параграфе 1.3, поэтому здесь не повторяем полностью)

В связи с отсутствием эквивалентов у некоторых русских агнонимов некоторые агнонимы переводятся на английский язык неоднословными описаниями их значений: *чалдон* (см. *коренной житель Сибири*) – *Siberian born and bred* (*Сураз*), *маята* (см. *что-то раздражающее и болезненное, т.е. боль и злоба*) – *aching so damned bad* (*Верую*), *завозня* (см. *часть избы (дома), которая особенна для сельских домашних работ*) – *a little barn where I can do a bit of woodworking* (*Выбираю деревню на жительство*), *косик* (см. *широкий проезжий спуск, узенькая, вертялая тропка*) – *down the road, sloping paths, down the little winding tracks / down the broad slopes, down the narrow winding path* (*Две зимы и три лета*).

5. Один и тот же агноним в разных местах текста переводится несколькими разными английскими словами, чтобы показать разные аспекты содержания рассматриваемого агнонима, которые были в русском тексте. Появление этого способа переводов русских агнонимов на английский язык по причине того, что в русском тексте некоторые агнонимы употреблены в разных значениях и одно английское слово или выражение не могло бы передавать все смыслы данного агнонима.

В рассказе «Сураз» и романе «Две зимы и три лета» читатели легко усмотрят, что один и тот же агноним появляется в разных фрагментах текстов, и они, возможно, выражают разные смыслы. В связи с этим рассматриваемые слова также переводятся в английском тексте несколькими разными словами, – часть из этих слов является многозначными, а другим словам авторы сами придают переносные смыслы. Таким образом, один и тот же русский агноним в разных местах английского текста может переводиться разными словами. Такое явление называется асимметрией в переводе [Петрова 2011]. Например, *уработать* (см. *убить / я на тебя воздействую и получу результат*) – *I'll fix you / work ... over* (*Сураз*), *девочешник* (см. *маленький закуток с одним окошком за задосками, т.е. отгороженное место, где находится спальное место для девочек*) – *little alcove / girl's corner* (*Две зимы и три лета*).

6. Замены русских агнонимов в переводе английскими родовыми наименованиями: простые замены, – после перевода английским родовым наименованием нет добавления смысла русского слова, например: *волнуха* (см. метафора: *ухо Федьки названо жирной волнухой*) – *mushroom* (*Две зимы и три лета*);

7. Замены русских агнонимов в переводе английскими родовыми наименованиями и семантическими переводами, – после перевода английским родовым наименованием значение данного русского агнонима уточняется посредством семантического перевода, как *гребь* – *oar* – *a long pole fitted into a crosspiece-rowed hard* (*Две зимы и три лета*);

8. Транскрипция – замена в переводе русского агнонима практической транскрипцией, после чего следует экспланативный комментарий к слову. Например: *задоски* (*часть кухни, отделенная от жилой комнаты*) – *zadoski* (*A part of the hut in front of the stove, partitioned off by planks (подстрочное примечание)*) (*Две зимы и три лета*).

Это нередкий способ перевода для безэквивалентного слова, сопровождающийся описанием значения этого слова в специальном примечании или сноске [Комиссаров 1990: 150]. Такой способ также называется транслитерацией – в языкознании: побуквенная передача текстов и отдельных слов одной графической системы средствами другой графической системы.

Транскрипция, или транслитерация, – это способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания её формы с помощью букв ПЯ [Комиссаров 1990: 173]. Переводы русских агнонимов с использованием этого способа могут в определенной степени сохранить стилистическую окраску исходного текста, поскольку при транскрипции сохраняется фонетическая характеристика русского агнонима.

Данный способ нередко используется переводчиками Д.Б. Пауэрсом и Дорис К. Пауэрс в английском переводе романа «Две зимы и три лета», например, *задоски* (см. *часть кухни, отделенная от жилой комнаты*) –

*zadoski** (подстрочное примечание) A part of the hut in front of the stove, partitioned off by planks (Две зимы и три лета), полати (см. деревенская кровать, которая находится под потолком) – polati* (подстрочное примечание) The plank bed above the stove (Две зимы и три лета).*

9. Ошибочные переводы из-за непонимания смыслов русских агнонимов и сознательный отказ от перевода (см. нулевой перевод).

Помимо вышеуказанных способов перевода в английском тексте перевода бывают ошибки из-за неправильного понимания переводчиком смыслов некоторых агнонимов, и из-за этого появляется отсутствие перевода русского агнонима на английский язык. Отсутствие перевода по личной причине или другим причинам также называется сознательным отказом от перевода, или нулевым переводом.

Ошибочные, или нулевые, переводы редко появляются в английском переводе, только безэквивалентные слова, возможно, в их английских переводах сталкиваются с нулевыми переводами. Наличие в текстах нулевых переводов не означает, что это будет значительно мешать читателям понимать смыслы текстов, их содержание передаётся при помощи трансформированного соответствующим образом контекста [Влахов, Флорин 1980: 92–93]. Такие слова встретились нам только в переводах рассказа «Сураз» и романа «Две зимы и три лета»: *машинничать* (см. *работать шофером, водить машину*) – *getting his tongue round the wildest oaths he could think of* (Сураз), *шалаболка* (см.) – *сознательный отказ от перевода* (Сураз), *поветь* (см. *место для хранения сени и соломы, расположенное наверху*) – *сознательный отказ от перевода* (Две зимы и три лета).

На основании приведённого ограниченного числа примеров переводов русских агнонимов на английский язык нетрудно сделать предварительный вывод о том, что в большинстве случаев русские агнонимы имеют либо этнографическую информацию, чтобы отразить особенности деревенского быта, они имеют либо стилистические окраски,

чтобы выражать экспрессивную и оценочную окрашенность; но для удобства чтения и понимания, в текстах английских переводов переводчики неизбежно использовали стилистически неокрашенные английские слова и утратили этнографическую информацию или стилистические окраски исходного русского текста.

Окраски в русском тексте и в его английском переводе могут быть:

(1) функционально-стилевые, выражающие принадлежность к какому-то функциональному стилю (разговорная [*што*] или просторечная [*анишки, дедко*] окрашенность);

(2) экспрессивные, выражающие оценки и эмоции (положительная, высокая [торжественное употребление устаревших слов типа *усопишие, лазурь*], отрицательная [*замухрыги, фраер*], ироническая [*сообразильник, барышня, горюха*]). В ходе статистических подсчетов мы будем те и другие окраски называть стилистическими.

Кроме того, текст перевода может передавать этнографическую информацию, например практическую транскрипцию русских диалектных слов (*урка, завозня*).

Ниже мы проанализируем содержание максимального количества английских переводов русских агнонимов, встретившихся в рассматриваемых произведениях в порядке их появления в тексте, и обнаружим, как переводчики могут передавать смыслы русских агнонимов в тексте английских переводов.

3.2. Переводы русских агнонимов на английский язык в рассказах В. Шукшина

Русские агнонимы как часть русской лексики могут отражать русскую культуру: в своих рассказах В. Шукшин использует русские агнонимы, чтобы читатели лучше представили себе русскую деревню и то, как разные события воспринимают сельские жители.

По словам А.Д. Шмелева, в русском языке некоторые слова способны служить своего рода ключом к пониманию особенностей каких-то частей

русской культуры [Шмелев 2002: 11–12]. С этой точки зрения нам надо обратить внимание на функцию русских агнонимов – описание колорита истории России и русской культуры. Но по понятным причинам в английском языке нет близких аналогов русским агнонимам, – переводчики не могут полностью передавать в переводе на английский язык значения и смыслы русских агнонимов [Шмелев 2002: 14].

Среди слов, направленных на то, чтобы отражать специфику национальной культуры, важно различать экспрессивно окрашенные слова, – при переводе на другой язык для таких слов нередко можно найти иноязычные экспрессивно окрашенные эквиваленты, и слова-экзотизмы, обозначающие специфические предметы или явления описываемой культуры. Для таких лексических единиц соответствующих наименований в других языках, как правило, не находится.

3.2.1. Переводы русских агнонимов на английский в рассказе «Сураз» переводчиком Робертом Даглишем

В рассказе «Сураз» описаны события, которые происходят в типичной для второй половины XX века советской деревне. В главе 2 мы обнаружили 38 русских агнонимов; ниже проанализируем некоторые примеры переводов агнонимов русских агнонимов на английский язык разными способами и обнаружим сематическую разницу между русскими агнонимами и их английскими переводами в связи с различиями в культурных и исторических аспектах. Одновременно иногда в тексте перевода появляются некоторые семантические ошибки.

Способ перевода стилистически окрашенного русского агнонима стилистически нейтральным английским литературным словом или словосочетанием. Такой способ наиболее часто встречается в переводе Р. Даглиша. В результате текст перевода, конечно, теряет часть своих выразительных особенностей.

1. Переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным английским эквивалентом:

(1) «С дружкой, таким же отпетым «чухонцем», перехватили на *тракте* *сельповскую* телегу из соседнего села, отняли у возчика ящик водки...» (В. Шукшин 1970).

«He and a mate of his, as far gone as himself, held up *a shop delivery waggon* from the neighbouring village and took a crate of vodka off the driver» (переводчик R. Daglish).

В данном фрагменте слово *сельповский* (нет в ТСОШ и МАС) обозначает того, кому принадлежала телега, и по контексту получается, что в телеге был ящик водки. Это значит, что водку везли на продажу. Таким образом, слово *сельповский* означает принадлежность к определенной разновидности магазина, но более точное значение данного слова по-английски не передаётся. Такая фраза переводится стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *a shop delivery wagon*. При переводе утеряна диалектная окрашенность.

Агноним *тракт* (устарелое) в данном фрагменте может быть понят как 'разновидность дороги', в английском тексте данное слова не имеет перевода из-за сознательного отказа переводчика. В этом случае при переводе утеряна этнографическая информация.

(2) «Сутки гуляли напропалую у Спирькиной "*марухи*"» ... К нему подсылали "*маруху*"» его, Веру-тараторку, – уговорить сдаться добром» (В. Шукшин 1970).

«Then they threw a wild party at Spirka's *girl-friend's* place and that was where the police caught them. <...> They even sent in his *girl-friend* Verka ("Chatty Verka") to persuade him to give himself up» (переводчик R. Daglish).

Использованное в этом фрагменте существительное *маруха* не фиксируется в толковых словарях русского литературного языка, и можно считать его агнонимом. В данном рассказе рассматриваемое слово обозначает 'женщина – любовница Спирьки' с отрицательной оценкой и переводится английском нейтральном словом (стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом) *girl-friend*, который не отражает никакой особенности культуры, но понятно всем

носителям английского языка. В английском переводе этнографическая информация утеряна.

(3) «Ходил *упружисто*, легко прыгал, кувыркался» (В. Шукшин 1970).

«Muscular man with a *springy* walk, good at jumping and somersaulting»
(переводчик R. Daglish).

Слово *упружисто* употреблено в этом рассказе в значении 'ходил с сильными и плавными движениями', но его в русском литературном языке нет. В связи с отсутствием эквивалента данного агнонима в английском языке. Переводчик даёт ему перевод на английский язык стилистически нейтральным словом *springy*. В переводе утеряна положительная экспрессивная окрашенность утеряна.

(4) «– Тебе. Им же *исть* надо! – Про детей Нюриных. – Голодные же сидят...»
(В. Шукшин 1970).

«"You. They've got to have *something to eat*!" He meant Nyura's children. "They must be real hungry, I reckon."» (переводчик R. Daglish).

По фонетическому признаку слово *исть* равно литературному слову *есть*. В английском тексте использован его эквивалент без дополнительной окраски *something to eat*, и в этом случае утеряна фонетическая особенность диалектизма. В английском тексте теряется этнографическая информация.

(5) «– Ох, – скокетничал Спирька, – труд! Мимо езжу. их там хоть *литовкой* коси... – Спирька подумал, что хорошо всё-таки, что он красивый. Другого давно бы уж поперли, и всё. Он улыбался, ему было легко» (В. Шукшин 1970).

«"Oh what a job," Spirka countered playfully. "I'm always driving past, they're so thick you could mow 'em with a *scythe*." He reflected that it was a good thing, after all, that he had such good looks. Anyone else would have had the boot by now. He smiled, he felt on top of the world» (переводчик R. Daglish).

В данном фрагменте агноним *литовка* (областное) означает 'инструмент, которым косят', т.е. 'разновидность косы'. В английском

тексте данное слово переводится эквивалентом *scythe*, и в этом случае утеряна особенность (этнографическая информация) исходного текста.

(6) «Зашел в избу (ружьё в сенях оставил). Стал на *припечек*, нашёл впотьмах голову матери, погладил по жидким тёплым волосам. Он, бывало, выпивши, ласкал мать; она не встревожилась» (В. Шукшин 1970).

«Then he went back into the house (leaving the gun in the porch), reached up *beside the stove*, found his mother's head in the darkness and stroked her thin warm hair. Sometimes, when he was a bit drunk, he liked to caress his mother; so now it caused her no alarm» (переводчик R. Daglish).

Слово *припечек* (областное) означает ‘место перед печкой’. В английском тексте данное слово переводится нейтральными английскими словами (стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом) *beside the stove*. Такие английские выражения понятны всем носителям английского языка и не отражают никаких особенностей культуры. В английском переводе утрачена этнографическая информация исходного текста.

(7) «— Ладно, я с собой возьму. — Спирька, не зажигая огня, тихо снял со стены ружьё, повозился для *блезир* в сенях» (В. Шукшин 1970).

«"All right, I'll take it with me." Quietly, without putting on the light Spirka took the shot-gun down from the wall, and for *bluffs* sake made a bit of noise in the porch ...» (переводчик R. Daglish).

Агноним слово *блезир/близир* (просторечное) в рассматриваемом фрагменте означает ‘для видимости’. Оно переводится в английском тексте эквивалентом *bluffs* – ‘an attempt to bluff – to deceive someone by making them think either that you are going to do something when you really have no intention of doing it’ [CALD 2008: 148]. В английском переводе просторечная окрашенность исходного текста не сохраняется.

(8) «Он шёл темной улицей, крепко сжимал в руке *тулку*» (В. Шукшин 1970).

«He walked down the dark street, gripping his *gun*» (переводчик R. Daglish).

В этом фрагменте смысл агнонима *тулка* (в МАС и ТСОШ нет) может быть уточнен с помощью словообразовательного показателя, – только такие читатели, которые хорошо знают историю России и русскую культуру, возможно, усмотрят в данном слове словообразовательный показатель, – слово *тулка* образовано от названия города Тула, где расположен известный оружейный завод. И по контексту получается, что, когда Спирька снял со стены ружьё и пошёл убивать учителя, слово *тулка* означает ‘ружьё, изготовленное в Туле’. А в его английском переводе такое историческое и культурное содержание утеряно, поскольку слово *тулка* переведено стилистически и культурно не окрашенным английским эквивалентом *gun*. В этом переводе утрачена этнографическая информация содержания исходного текста.

(9) «“Спокойно, Спиря!” *Шпагатинка* тоже почти бесшумно лопнула, только гвоздик, спружинив, тоненько тенькнул» (В. Шукшин 1970).

«Keep calm, Spirka! No sound either as the *string* broke, except for the slight ping of the nail» (переводчик R. Daglish).

В данном фрагменте слово *шпагатинка* (нет в словарях) означает ‘шпагат, тонкая прочная нить для упаковки, сшивания и т. п., изготавливаемая скручиванием пеньковой пряжи (иногда с добавлением льняной) (МАС). В английском тексте данное слово переводится неточным эквивалентом *string* ‘шнурок, струна’, и в результате утеряна этнографическая информация содержания исходного текста.

(10) «Спирька растерялся, *отпинывал* женщину...» (В. Шукшин 1970).

«Spirka was dumbfounded. He *pushed* her away...» (переводчик R. Daglish).

Агнотим *отпинывать* (нет в словарях) означает ПИНА'ТЬ, *Прост.* ‘Толкать, ударять ногой (ногами). ‘пинать’ (МАС). В английском языке нет эквивалента рассматриваемого слова, и слово *отпинывать* переводится приблизительным эквивалентом *push*. В данном случае утеряны часть

смысла (...ногой) слова и отрицательная экспрессивная окрашенность исходного текста.

(11) «– Я получил *аванец*... я его должен отработать» (В. Шукшин 1970).

«I've had an *advance payment*... I've got to work it off» (переводчик R. Daglish).

Слова *аванец* (в МАС и ТСОШ нет) и *аванс* похожи друг на друга по фонетическому признаку. Так как просторечное слово *аванец* употреблено в значении слова *аванс* ‘деньги, выдаваемые вперед в счёт заработка, причитающихся кому-н. платежей’ [ТСОШ 1995:14], оно переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *an advance payment*, и утеряна просторечная окрашенность.

2. Переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным описательным английским выражением:

(12) «Он не уехал. Малость погулял, отдал деньги матери, пошёл *шоферить*»

(В. Шукшин 1970).

«But he didn't. He enjoyed himself for a bit, gave all his savings to his mother, and *took a job as a driver*» (переводчик R. Daglish).

В этом фрагменте появился разговорный агноним *шоферить* (нет в МАС и ТСОШ), который употреблен в значении ‘работать шофёром, водить машину’. Отсутствие в английском языке разговорного эквивалента для данного агнонима приводит к тому, что он переводится стилистически не окрашенными английскими словами *took a job as a driver*, в результате чего утеряна ироническая экспрессивная окрашенность исходного текста.

(13) «Старики Прокудины *вечеряли*» (В. Шукшин 1970).

«The old couple were *having supper*» (переводчик R. Daglish).

В данном рассказе слово *вечерять* (областное) употреблено в значении ‘ужинать’. На английском языке рассматриваемый агноним не имеет разговорного эквивалента, и в рассказе он переводится стандартными английскими словами *were having supper*. У данного перевода не сохраняется этнографическая информация.

(14) «Как мать *забрюхатела*, он к ней больше глаз не казал» (В. Шукшин 1970).

«He never appeared after *he got Mum* in the family way» (переводчик R. Daglish).

Здесь просторечное слово *забрюхатела* (в МАС и ТСОШ нет) употребляется в метафорическом смысле *забеременела*. В английском языке нет стилистически окрашенного эквивалента для рассматриваемого агнонима, и он переведён описательным английским выражением *he got Mum*. Таким образом, в английском тексте теряется отрицательная экспрессивная окрашенность исходного текста.

(15) «Господи! – *отметелили*. Тебя что, никогда не били? В чём же дело?» (В. Шукшин 1970).

«God! – you were given a *walloping*. Were you never thrashed before? What's the big idea? » (переводчик R. Daglish).

В этом фрагменте экспрессивно окрашенное слово слово *отметелить* (нет в словарях) означает '*избить*'. Из-за отсутствия эквивалента рассматриваемого слова в английском языке оно переводится описательным английским выражением *were given a walloping* и теряется отрицательная экспрессивная окрашенность исходного текста.

(16) «Тебя *метелят*, как тварь подзаборную, а ты... Ну! Ведь как били-то!» (В. Шукшин 1970).

«You get *kicked* about like a dog, and all you do is... What a beating you got!» (переводчик R. Daglish).

Слово *метелить* (нет в словарях) – это несовершенный вид экспрессивно окрашенного глагола *отметелить*, и оно означает '*избивать*'. В английском языке нет эквивалента этого слова, и оно переводится описательным английским выражением *get kicked*. Отрицательная экспрессивная окрашенность исходного текста сохраняется.

При примерах (15) и (16) мы видим, что из-за отсутствия в английском языке эквивалентов совершенного и несовершенного вида глаголов разные

видовые варианты глаголов могут переводиться одним переводчиком разными описательными английскими выражениями.

3. Перевод стилистически окрашенного русского агнонима (диалектизма, просторечия, историзма, метафоры и т.д.) стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием. В результате текст английского перевода сохраняет часть выразительных особенностей исходного текста.

Чтобы выразить стилистическую окраску исходного русского текста, переводчику часто приходится использовать неточные английские эквиваленты. Ввиду этого мы разделим этот способ перевода на следующие подпункты:

3.1. Точные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием:

(17) «– Ты *што*, Спирька, змей полосатый, в тюрьму меня захотел посадить?!» (В. Шукшин 1970).

«*What d'you think you're up to, Spirka, you little snake. Do you want to get me into prison?!*» (переводчик R. Daglish).

Фонетика слов *што* и *что* похожа друг на друга. Таким образом, разговорное слово *што* имеет то же значение, как и литературное слово *что*, которое выражает вопросительное значение. В английском тексте данное слово передается эквивалентом ‘What’ и сопровождается усеченными разговорными формами остальных компонентов предложения «*What d'you think you're up to*». В этом примере мы видим, что Даглиш тоже хотел бы передать разговорность исходного текста, и поэтому он использует усеченные формы английской речи. Таким образом, в переводе сохраняется разговорная окрашенность.

(18) «Спирька был вылитый отец, даже характером *сшибал*» (В. Шукшин 1970).

«*Spirka was a chip off the old block, even in character*» (переводчик R. Daglish).

В этом фрагменте слово *сшибал* (нет в ТСОШ и МАС) имеет значение 'быть похожим'. Оно переводится английским фразеологизмом-метафорой «a chip off the old block», которое в английском языке часто употребляется в значении 'someone who is very similar in character to their father or mother' [CALD 2008: 236]. Положительная экспрессивная окрашенность исходного текста сохраняется.

(19) «И из окошечка *брызгал* стремительный длинный огонь, гремело» (В. Шукшин 1970).

«Spirka shouted back and *blazed away* from the window» (переводчик R. Daglish).

В данном фрагменте слово *брызгал* (нет в словарях) выражает метафорический смысл 'стрелять очень часто'. Чтобы сохранить экспрессивное содержание исходного текста, оно переводится метафорой *blazed away*, которая употреблена в значении 'to burn brightly and strongly'. Благодаря переводу метафорой сохраняется положительная экспрессивная окрашенность исходного текста.

(20) «Пять лет "*ныхтел*"» (В. Шукшин 1970).

«He was "*away*" for five years» (переводчик R. Daglish).

Из текста следует, что за стрельбу по милиционерам Спирьку должны были посадить в тюрьму. *Пять лет «ныхтел* (переносный смысл)» означает, что он пять лет сидел в тюрьме, т.е. в этот период Спирька был занят тяжёлым, неприятным делом. В английском переводе фраза *was "away"* косвенно выражает тот же смысл и сохраняется ироническая экспрессивная окрашенность исходного текста, но есть отличие в способе выражения в русском языке. Получается, что глаголы русского языка описывают ситуации более точно, чем глаголы английского языка, поэтому, чтобы передать смысл одного русского агнонима полностью при переводе на английский язык, переводчик должен был использовать более одного слова.

(21) «Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера *пластаться* там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам» (В. Шукшин 1970).

«Sometimes on a day-off he would drive out to the forest, *work like mad*, and come back in the evening with a load of fire-wood for someone old and lonely...» (переводчик R. Daglish).

В этом фрагменте слово *пластаться* (переносный смысл) употреблено в метафорическом смысле ‘тяжело работать’. Отсутствие в английском языке эквивалента для данного агнонима приводит к тому, что он переводится стилистически окрашенным английским словосочетанием *work like mad* и сохраняет положительное экспрессивное содержание исходного текста.

(22) «“Ну!.. Все?!” Пальцы нащупали две холодные тоненькие *скобочки*...» (В. Шукшин 1970).

«Well... Is this all?" His fingers felt the two cold thin *hoops*...» (переводчик R. Daglish).

Здесь метафора *скобочки* означает курки, – на охотничьем ружье курков два, и по форме они похожи на скобки. В английском тексте данное слово переводится тоже метафорой *hoops* ‘колечки’. Исходная положительная экспрессивная окраска сохранена.

(23) «– Спирька!..

– *Аиньки*?

– Ты что... воюешь, что ли, бегаешь?» (В. Шукшин 1970).

«"Spirka!"

"Yoo-hoo!"

"What are you doing... Have you been up to something! Are you in a flap?"»

(переводчик R. Daglish).

В рассматриваемом фрагменте агноним *аиньки* (нет в МАС и ТСОШ) является разговорным эквивалентом частицы *А?*, которая означает отклик на чьи-то слова [ТСОШ 1995: 13]. В этом предложении к частице *А* добавляется уменьшительно-ласкательный суффикс *-иньк*, *-еньк*, который придает частице *А* оттенок ласковости, приветливости [Русская грамматика. Т. 1: 410]. Данный агноним переводится на английский язык тоже частицей,

которая может сохранять часть выразительных особенностей (просторечную окрашенность) исходного текста.

(24) «— Ну, Илюха... Бывает — падают. Я вот те счас *залепеню*, ты тоже упадешь. Что, нет, думаешь?» (В. Шукшин 1970).

«Well, Ilya, these things happen. People fall. If I *clock* you one right now, you'll fall too. Or don't you think so? » (переводчик R. Daglish).

В данном фрагменте агноним *залепенить* (нет в словарях) означает 'сильно ударить'. Оно переводится в английском тексте экспрессивным эквивалентом *clock* 'to hit someone, especially on the head or face (UK INFORMAL) ' [CALD 2008: 256]. В данном случае английское слово *clock* может сохранять часть выразительных особенностей (отрицательная экспрессивная окрашенность) исходного текста.

3.2 Неточные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием:

(25) «Это мне — "*до фени*". Ему все "*до фени*"» (В. Шукшин 1970).

«He himself liked to say he was "*easy*" about it. He was "*easy*" about everything» (переводчик R. Daglish).

В русском языке выражение *до фени* рассматривается как просторечный фразеологизм и может быть понято как 'безразлично'. Этот агноним переводится на английский язык литературным прилагательным *easy*, которое известно всем носителям английского языка.

При переводе на английский язык утеряна просторечная окрашенность исходного русского текста.

(26) «— *Пидор, гад*, — хрипел Спирька, — что ты делаешь?..» (В. Шукшин 1970).

«"What are you doing, you *bastard!*" he groaned» (переводчик R. Daglish).

Слова *пидор* (нет в МАС и ТСОШ) и *гад* (устарелое) в русской речи являются бранью. Что важно в этом фрагменте, так это то, что данные слова употреблены не для выражения каких-то определенных значений, а для

выражения отрицательного отношения Спирьки к кому-то, – слова *пидор* и *гад* означают ‘оскорбительные слова Спирьки к квартиранту’. Поэтому хотя в английском языке есть их эквиваленты *gay*, *scum* и другие синонимы, но в тексте перевода они переводятся одним словом *bastard*, значение которого не совпадает с значениями данных слов, но имеет ту же отрицательную экспрессивную окраску.

4. Семантические переводы агнонима с социально-культурной значимостью (замена перевода агнонима описанием его значения). Как мы уже написали, наличие в тексте агнонимов затрудняет его понимание и перевод на английский язык. Чтобы все читатели могли понимать смысл исходного текста, некоторые русские агнонимы переводятся английскими описаниями их значений:

(27) «К кому поперся – к Лизке корявой, к *тёрке*! ...– Она – *тёрка*, а душевней всех вас» (В. Шукшин 1970).

«What a one to pick on – lumpy Lizka, the *face-grater*! ... "She may be a *grater* but she's a lot kinder than any of you."» (переводчик R. Daglish).

Литературное слово *тёрка* (переносный смысл) имеет в МАС значение ‘предмет кухонного обихода – пластинка с острой насечкой и отверстиями (служит для измельчения чего-л. трением)’ [МАС Т4: 357]. В данном рассказе оно употреблено в переносном значении ‘женщина некрасивая, лицо которой похоже на *тёрку*’ и переводится по значению двумя английскими словами *face-grater* и *grater*. Переводчик берёт обычное английское слово *grater*, значение которого совпадает со значением слова *тёрка*. Чтобы английские читатели избежали непонимания смысла данного слова, в первый раз Р. Даглиш добавляет перед словом *grater* слово *face-*, а дальше такое добавление уже необязательно для понимания. При переводе отрицательная экспрессивная окрашенность исходного текст сохраняется.

(28) «– Здешний. *Чалдон*» (В. Шукшин 1970).

«Sure I am. *Siberian born and bred*» (переводчик R. Daglish).

В этом фрагменте слово *чалдон* (областное) имеет значение ‘коренной житель Сибири’, и у него нет эквивалентов в английском языке. Таким образом, слово *чалдон* переводится описанием его значения «Siberian born and bred», и этнографическая информация исходного текста не сохраняется.

5. Один и то же агноним в разных местах текста переводится несколькими разными английскими словами, чтобы показать разные аспекты содержания рассматриваемого агнонима, которые были в русском тексте. Появление этого способа переводов русских агнонимов на английский язык обусловлено тем, что в русском тексте некоторые агнонимы бывают употреблены в разных значениях и одно английское слово или выражение не могло бы передавать все смыслы данного агнонима:

(29) «*Сураз* [название рассказа]» (В. Шукшин 1970).

«*The bastard* [title of the story]» (переводчик R. Daglish).

<...>

«— Я — *сураз*, — начал он» (В. Шукшин 1970).

«"I'm a brat," he began» (переводчик R. Daglish).

Диалектизм *сураз* появляется в русском тексте данного рассказа два раза, — он и название рассказа, и выражение отношения героя рассказа Спирьки к себе. Данный агноним можно понимать и как ‘незаконнорождённый ребенок’, и как бранное слово. Первый раз оно появляется как название рассказа и может быть понято как ‘красавец’, но такой смысл в английском переводе не отражён; при втором употреблении слово выражает смысл ‘незаконнорождённый’. В английском тексте Даглиш переводит это слово разными словами: *bastard* и *brat*, чтобы выразить его разные смыслы. В заглавии слово *сураз* переводится словом *bastard*, которое имеет не только значение ‘незаконнорожденный’ — ‘a person born to parents who are not married to each other’, но ещё и значение ‘an unpleasant person’ [CALD 2008: 110], а при втором употреблении *сураз* переводится словом *brat*, чтобы смысл ‘an unpleasant person’ подчеркивался.

Случай, когда одно слово или выражение имеет два варианта перевода на английский язык, в рассматриваемом рассказе не единственный. Но оба перевода сохраняют этнографическую информацию исходного текста.

(30) «– Я тебя *уработаю*, – неразборчиво, слабо, серьёзно сказал Спирька. ... Сергей Юрьевич, я тебя, извини, всё же *уработаю*. – Как это... *уработаю*? – глупо переспросила Ирина Ивановна» (В. Шукшин 1970).
«"I'll fix you," Spirka mumbled weakly, but seriously. <...> "But, Sergei Yurievich, if you'll excuse me, I'm going to work you over just the same."
"What d'you mean work him over?" asked Irina Ivanovna stupidly» (переводчик R. Daglish).

В этом фрагменте слово *уработаю* (нет в словарях) выражает два смысла: 'я тебя убью' и 'я на тебя воздействую и получу результат'. Поэтому Даглиш переводит данное слово двумя разными способами: «I'll fix you» и «I'm going to work you over work». В английском переводе слово *fix* употребляется в смысле 'SLANG to punish especially someone who has been unfair' [CALD 2008: 538], английское словосочетание *work somebody over* имеет значение 'SLANG to attack and injure someone' [CALD 2008: 1679]. В обоих переводах сохраняется отрицательная экспрессивная окраска исходного русского текста, однако они неточно передают информацию русского слова *уработать* – 'убить' и 'я на тебя воздействую и получу результат'. При переводах *I'll fix you* и *work ... over* отрицательная экспрессивная окрашенность сохраняется.

(31) «Стой, *фраер*, не суешься! Я тебя спрашиваю: в чём дело? ... Ну и *фраер*! – Спирька даже засмеялся и схватился за губу» (В. Шукшин 1970).
«Hold it, you clot, don't be in such a hurry! I ask you, what's the big idea? <...> You're a right swank, you are!" Spirka even laughed and clutched at his lips» (переводчик R. Daglish).

В рассказе точное значение агнонима *фраер* (нет в МАС и ТСОШ) не является обязательным для понимания текста. На самом деле, оно выражает отрицательное отношение Спирьки к адресату, т.е. поскольку он

обращается сам к себе, то отрицательное отношение к самому себе. Данное слово переводится двумя разными вариантами на английский язык *clot* и *a right swank*, которые тоже выражают отрицательное отношение (отрицательную экспрессивную окрашенность) к человеку.

Из вышесказанного следует, что в разных фрагментах текстов на английском языке один и тот же русский агноним может переводиться разными английскими словами, значения которых не совпадают по той причине, что в рассказе русское слово может быть понято сразу в нескольких смыслах. Согласно теории С.О. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака, одно и то же означаемое может соотноситься с несколькими означающими (синонимия), и одно и то же означающее может соотноситься с рядом означаемых (синонимия, омонимия) [Карцевский 1965].

(32) «Может, загорелся бы, и истлели бы пиджак и рубаха. Голый лежал бы...

О *курва*, смотреть же противно!» (В. Шукшин 1970).

«He might catch fire and his jacket and shirt would be burnt up. He'd be lying there naked... Oh, *shit*, what a sight!» (переводчик R. Daglish).

<...>

«— А чего ты губы-то свои распустил? Сразу, *курва*, ехидничать! Не можешь без ехидства слова сказать. Дай дороги!» (В. Шукшин 1970).

«What do you mean by shooting your mouth off? You can't wait to get a snide word in, you *slob*. You can't say a thing without being nasty. Get out of my way» (переводчик R. Daglish).

Слово *курва* (нет в МАС и ТСОШ) в русском языке является бранным обозначением женщины, однако в рассматриваемом фрагменте оно выражает просто негативную экспрессию речи. Такую же негативную экспрессию, лишь косвенно связанную с лексическими значениями слов, в тексте перевода выражают и английские слова *shit* и *slob*.

Данное слово переводится двумя разными вариантами на английский язык: *shit* и *slob*, они выражают смысл 'an unpleasant person who behaves badly; used to express anger or surprise' [CALD 2008: 1321] и 'informal

disapproving – a lazy, untidy, and often rude person' [CALD 2008: 1356] в английском языке. Два английских слова могут выражать отрицательное отношение к человеку, первое из двух является неофициальным английским словом и известно всем носителям английского языка, второе слово является неофициальным словом. Таким образом, в двух переводах сохраняется часть выразительных особенностей (отрицательная экспрессивная окрашенность) исходного текста.

6. Редкий для Р. Даглиша случай: для объяснения агнонима перед этим агнонимом употреблено английское родовое наименование, т.е. простая замена, – после перевода английским родовым наименованием нет добавления смысла русского слова (*flowers* – *zharki*):

(33) «– Букетик, – предложил он. И подал женщине кроваво-красный пылающий букетик *жарков*. ...– *Жарки*. – В груди у Спирьки весело зазвенело» (В. Шукшин 1970).

«"Bunch of flowers," he said, and handed her a flaming bunch of *flowers*. <...>
"Zharki. " Something was singing gaily in Spirka's chest» (переводчик R. Daglish).

В этом фрагменте – агноним *жарки* (областное) переводится на английский язык словами *flowers* и *zharki*. По контексту получается, что данное слово означает 'один из видов полевых цветов' и его первый перевод появляется в тексте как *flowers*, а второй вариант перевода является названием цветка в Сибири, в этом случае известно ли слово *zharki* читателям, уже неважно. При переводе на английский язык утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

7. Ошибки из-за неправильного понимания смыслов некоторых агнонимов и сознательные отказы от перевода:

(34) «Знает свое – *машинничать* да к одиноким бабам по ночам шастать» (В. Шукшин 1970).

«He liked doing his own thing – *getting his tongue round the wildest oaths he could think of* and keeping lonely women *company* at nights» (переводчик R. Daglish).

Слово *машинничать* (нет в словарях) может быть понято как ‘работать шофером, водить машину’. Но оно переведено словами «getting his tongue round the wildest oaths he could think of», которые не связаны со смыслом данного слова в приведенном контексте. Здесь появилась ошибка из-за непонимания агнонима и утеряна этнографическая информация. Можно было бы перевести данное слово как *work as a driver, to drive a truck*.

(35) «К нему подсылали «маруху» его, Веру-тараторку, – уговорить сдаться добром. *Шалаболка* Вера тайком, под подолом, отнесла ему бутылку водки и патронов. Долго была там с ним... Вышла и объявила гордо» (В. Шукшин 1970).

«They even sent in his girl-friend Verka ("Chatty Verka") to persuade him to give himself up. But that Verka took him a bottle of vodka and some more cartridges under her skirt. She was in there with him for a long time and when she finally appeared, announced proudly, "He won't come out!"» (переводчик R. Daglish).

В этом фрагменте слова *тараторка* и *шалаболка* играют одну и ту же роль, – они выражают отрицательное отношение Спирьки к женщине – смысл слова *шалаболка* похож на значение *тараторка* – ‘женщина, которая много говорит’.

В английском тексте слово *шалаболка* вызывает сознательный отказ от перевода, вероятно, из-за неправильного понимания переводчиком смысла рассматриваемого слова или того, что при правильном понимании слово *тараторка* трудно перевести. С другой стороны, в английском языке нет эквивалента рассматриваемого слова. Неважно, в чем причина переводится рассматриваемое слово, в английском переводе утеряна этнографическая информация исходного текста.

(36) «– Ни разу не видал. Как мать забрюхатела, он к ней больше глаз не казал. А потом его за что-то арестовали – и ни слуху ни духу. Наверно, *вышку навели*. Ну, и стал я, значит, жить-поживать...» (В. Шукшин 1970).

«Never set eyes on him. He never appeared after he got Mum in the family way. Later he got goaled and nothing's been heard of him since. Must have *gone for the high jump*. So that's the way I came into the world...» (переводчик R. Daglish).

Idiom: be for the high jump – to be going to be punished for something you have done wrong [CALD 2008: 679].

В данном фрагменте выражение *вышку навели* может быть понято как ‘произвести смертную казнь, расстрел’. Оно переводится английской идиомой «gone for the high jump», которая, возможно, неизвестна многим носителям английского языка и является английским агнонимом. В этом случае в английском тексте использован неточный перевод выражения *вышку навели* из-за непонимания русского текста и сохранена ироническая экспрессивная окрашенность.

3.2.2. Переводы русских агнонимов на английский в рассказе «Верую» переводчиком Эндрю Бромфилдом.

В рассказах «Верую», «Выбираю деревню на жительство» и «Крепкий мужик» небольшое количество употреблений русских агнонимов, поэтому мы не будем повторять все способы перевода русских агнонимов на английский язык. В английском тексте рассказа «Верую» способы перевода такие:

1) переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным описательным английским словом или словосочетанием:

(1) «– Слушай! – взвизгивал Максим. – Раз хочешь понять, слушай! Если сама чурбаком уродилась, то постарайся хоть понять, что бывают люди с душой» (В. Шукшин 1971).

«"Listen!" screeched Maxim. "Since you want to understand, listen. You might have been born *without feelings*, but you could at least try to understand that some people have souls"» (переводчик А. Bromfield).

В данном фрагменте слово *чурбак* (переносный смысл) ‘Обрубок бревна’ [ТСОШ 1995: 877] выступает как метафорическое обозначение жены – ‘глупого, непонятливого человека’. Оно переводится стилистически не окрашенным английским описательным выражением *without feelings*. Так

что в тексте на английском языке утеряны метафорическая отрицательная и ироническая экспрессивная окрашенность исходного русского текста.

(2) «Такому – не кадилом махать, а от алиментов скрываться. Никакой он не *благостный*, не постный – не ему бы, не с таким рылом, горести и печали человеческие – живые, трепетные нити – распутывать. Однако – Максим сразу это почувствовал – с попом очень интересно» (В. Шукшин 1971).

«He didn't seem the right kind to be waving a censer, more like someone hiding from his children's mothers. There was nothing *mellow* or pious about him, and with a face like that he'd hardly be interested in untangling the sensitive nerves of humanity's woes. But Maxim could sense immediately that the priest was interesting to be with» (переводчик A. Bromfield).

Слово *благостный* (устарелое) может быть понято как 'добрый дружественный'. Оно переводится стилистически не окрашенным английским описательным выражением *mellow* – 'smooth and soft, or not too sharp, bright, new, or rough' [CALD 2008: 891], и утеряна высокая экспрессивная окрашенность высокого стиля исходного русского текста.

(3) «Ничего не хочется – вот где сволочь – *маята*! И пластом, недвижно лежать – тоже не хочется» (В. Шукшин 1971).

«He didn't want anything at all, that was what made the *aching so damned bad*! He didn't feel like lying on his back and staring at the ceiling, either» (переводчик A. Bromfield).

В данном фрагменте слово *маята* (нет в ТСОШ и МАС) может быть понято как 'что-то раздражающее и болезненное, т.е. боль и злоба'. Из-за отсутствия в английском языке эквивалента рассматриваемого слово, *маята* переводится описанием его значения «*aching so damned bad*», и утеряна отрицательная экспрессивная окрашенность.

(4) «– *Попяра!*.. А если я сейчас, например, тебе дам разок по лбу, то как?

Поп громко, густо – при больных-то лёгких! – расхохотался» (В. Шукшин 1971).

«"Some priest you are! What if I give you a good thump, what then?"

The priest – with his sick lungs! – burst into intense, loud laughter» (переводчик А. Bromfield).

В данном фрагменте слово *попьяра* (нет в ТСОШ и МАС) означает ‘экспрессивное обращение Максима к попу, т.е. к православному священнику’. В английском языке нет эквивалента слова *попьяра*, поэтому оно переводится стилистически не окрашенным описательным английским словами «Some priest you are». В данном случае в английском тексте утеряна разговорно-просторечная окрашенность исходного русского текста.

2) Переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным английским эквивалентом:

(5) «– Верую-у!

– В барсучье сало, в бычий рог, в стоячую оглоблю-у! В *плоть* и мягкость телесную-у!...» (В. Шукшин 1971).

«"I belie-ieve!"

"In the badger's grease, in the bull's horn, in the upright shaft! In the body and its *fle-esh*..."» (переводчик А. Bromfield).

Из данного фрагмента следует, что слово *плоть* (устарелое) имеет значение ‘мягкая часть тела человека’. Оно переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *flesh*, утеряны стилистическая окраска исходного русского текста и окрашенность высокого стиля.

3) точные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием:

(6) «По воскресеньям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая... Максим физически чувствовал её, *гадину*: как если бы неопрятная, не совсем здоровая баба, бессовестная, с тяжелым запахом изо рта, обшаривала его всего руками – ласкала и тянулась поцеловать» (В. Шукшин 1971).

«On Sundays a particular melancholy attacked him. Something caustic welling up inside... Maxim could physically feel the *vileness* of it: as if some shameless, unwholesome sloven with foul breath was running her hands over his body, fondling him, leaning over to give him a kiss» (переводчик А. Bromfield).

Слово *гадина* употребляется в переносном значении ‘нутряная едкая тоска’. В английском языке есть эквивалент рассматриваемого слова *reptile* ‘an animal that produces eggs and uses the heat of the sun to keep its blood warm’ [CALD 2008: 1209]. Но при употреблении метафоры в данном фрагменте на русском языке слово *гадина* точно переводится стилистически окрашенным описательным английским словом *vileness*, которое означает ‘*INFORMAL*: the quality of being very unpleasant, and usually immoral and unacceptable’ [CALD 2008: 1619]. Следовательно, данное английское слово стилистическую окраску (отрицательную экспрессивную окрашенность) исходного русского текста сохраняет.

(7) «– Ну – ножом пырну. Я могу.

– Получишь пять лет. У меня поболит с месяц и заживёт. Ты будешь пять лет *тянуть*» (В. Шукшин 1971).

«"Then I'll stab you with a knife. I can do that."

"You'd get five years. I'd be in pain for about a month until the wound healed. But you'd be *inside for* five years."» (переводчик А. Bromfield).

Русский агноним *тянуть* (переносный смысл) означает ‘сидеть в тюрьме’. Оно имеет в английском тексте точный перевод стилистически неофициальным окрашенным английским словосочетанием *inside for*, который означает ‘*INFORMAL*, in prison’ [CALD 2008: 746-747]. Возможно, выражение *inside for* неизвестно многим носителям английского языка и является английским агнонимом. Таким образом, в тексте на английском языке сохраняется ироническая экспрессивная окрашенность исходного русского текста.

(8) «– А я летел вот сюда первый раз. Грандиозно! Когда я садился в него, я думал: если этот летающий *барак* навернется, значит, так надо; жалеть и трусить не буду» (В. Шукшин 1971).

«I'd never flown before I came here. Magnificent! When I got into it, I thought, if this flying *barracks crashes*, then that's the way it was meant to be. I won't feel sorry or afraid! I felt fine all the way! » (переводчик А. Bromfield).

Литературное русское слово *барак* употребляется в переносном смысле, и в этом фрагменте использована метафора: самолёт назван *барак*ом, – самолёт достаточно обшарпанный и ветхий, в котором производится перевозка большого количества людей. В английском тексте рассматриваемое слово переводится стилистически окрашенной английской метафорой *barracks* ‘a building or group of buildings where soldiers live’ [CALD 2008: 107], в английском переводе использована метафора и сохраняется этнографическая информация исходного русского текста.

4) Неточные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием:

(9) «– Не хочу! Ты слаб в коленках...

– Я таких, как ты, обставлю на первом же километре! Слаб в коленках... *Тубик*.

– Молись! – Поп встал. – Повторяй за мной...» (В. Шукшин 1971).

«"I don't want to! You're weak-kneed!"

"I'll leave your kind gasping after the first kilometre! Weak at the knees... You *slob*."

"Pray!" The priest rose to his feet. "Repeat after me..."» (переводчик А. Bromfield).

Диалектное слово *тубик* переведен английским оценочным существительным. Существительное *тубик* (нет в словарях) может быть понято как ‘больной туберкулёзом’. Из-за отсутствия эквивалента данного слова в английском языке, слово *тубик* имеет неточный перевод стилистически окрашенным английским словом *slob* ‘a lazy, untidy, and often rude person’ [CALD 2008: 1356] и сохраняется этнографическая информация.

3.3.3. Переводы русских агнонимов на английский в рассказе «Выбираю деревню на жительство» переводчиком Холли Смит

В рассказе «Выбираю деревню на жительство» использованы 4 агнонима, ниже мы проанализируем способы перевода этих русских агнонимов на английский язык. В английском тексте рассказа «Выбираю деревню на жительство» способы перевода такие:

1) Переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным описательным английским словом или словосочетанием:

(1) «Он сперва тосковал в городе, потом присмотрелся и понял: если немного смекалки, хитрости и если особенно не *залупаться*, то и необязательно эти котлованы рыть, можно прожить легче» (В. Шукшин 1973).

«At first, the city filled him with melancholy, then he took a good look around and realized that with a bit of pluck and wit, especially if he didn't *take a job* that required back-breaking labor, he could have a fairly easy life» (переводчик Holly Smith).

Из данного фрагмента следует, что слово *залупаться* (нет в ТСОШ и МАС) означает 'делать трудную работу'. Из-за отсутствия в английском языке эквивалента рассматриваемого слова оно переводится стилистически не окрашенным описательным английским словосочетанием «take a job that required back-breaking labor». В этом случае при переводе сохраняется отрицательная экспрессивная окрашенность исходного русского текста.

(2) «Не хочется же *оскотинеть* здесь со всеми вместе, нельзя просто, мы ж люди!» (В. Шукшин 1973).

«He didn't want to *be part of the crowd* – he simply couldn't do it! He was a human being, after all» (переводчик Holly Smith).

Слово *оскотинеть* (нет в словарях) может быть понято как 'стать скотиной'. В английском языке нет эквивалента рассматриваемого слова, оно переводится стилистически не окрашенным описательным английским словосочетанием «be part of the crowd». В английском тексте утеряна отрицательная и ироническая экспрессивная окрашенность исходного русского текста.

2) семантические переводы агнонима с социально-культурной значимостью (замена перевода агнонима описанием его значения):

(3) «– Ну да, баня, сарай для дров... Ну, навес какой-нибудь, *завозя* там – я построгать люблю в свободное время» (В. Шукшин 1973).

«Well, I'd need a Russian steam bath, a woodshed, *a little barn where I can do a bit of woodworking* in my free time» (переводчик Holly Smith).

Слово *завозня* (областное) может быть понято как ‘часть избы (дома), которая предназначена для сельских домашних работ’. В английском языке нет эквивалента данного слова, и оно имеет семантический перевод с социально-культурной значимостью (замена перевода агнонима описанием его значения) – «*a little barn where I can do a bit of woodworking*». При переводе этнографическая информация исходного русского текста не сохраняется.

3) Переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным английским эквивалентом:

(4) «– Ну-у это такие, что ли! Это уж... наш брат кто-нибудь, свои. На кой ему чёрт сено, *урке?*» (В. Шукшин 1973).

«That wasn't a thief, that was one of your neighbors for sure. Why the devil would a real *criminal* need a haystack?!» (переводчик Holly Smith).

В данном фрагменте слово *урка* (нет в словарях) означает ‘разновидность преступника, вор’. Рассматриваемый агноним переводится стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *criminal*. Но при переводе на английский язык точная разновидность преступника не указана, и просторечная окрашенность исходного русского текста не сохраняется.

3.2.4. Переводы русских агнонимов на английский в рассказе «Крепкий мужик» переводчиком Кэтлин Мэри Кук

В рассказе «Крепкий мужик» использовано 6 агнонимов, ниже мы анализируем способы перевода этих русских агнонимов на английский язык. В английском тексте рассказа «Крепкий мужик» способы перевода такие:

1) Переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным английским эквивалентом:

(1) «Из старого склада – из церкви – вывезли пустую вонючую *бочкотару*, мешки с цементом, сельповские кули с сахаром-песком, с солью, вороха рогожи...» (В. Шукшин 1970).

«Out of the old storehouse, a church, they moved some empty, foul-smelling *barrels*, sacks of cement, salt and sugar...» (переводчик К.М. Cook).

Из данного фрагмента следует, что слово *бочкотара* (нет в словарях) может быть понято как ‘пустые бочки для хранения или перевозки товара’. В английском тексте рассматриваемый агноним переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *barrels*, который известен всем носителям английского языка, и утеряна просторечная окрашенность исходного русского текста.

(2) «– *Тада* время было другое. Кто тебя счас-то подталкивал – рушить её? Кто? Дьявол зудил руки... Погоди, тебя ишо сама власть взгреет за это. Он вот, учитель-то, пишет, сказывали, он вот напишет куда следоват – узнаешь. Гляди-ко, тогда устояла, *матушка*, так он теперь нашёлся. Идол ты лупоглазый» (В. Шукшин 1970).

«Aye, but they *were* different times. Who put the idea into yer head, eh, to pull it down? Who? Twas the devil himself... Ye'l! get punished good and proper by Soviet power itself, just wait. That there teacher's writin' to the proper places, they said. Ye'll be for it. *Church* stood there through thick and thin, then he had to come along, God help us. Goggle-eyed heathen» (переводчик К.М. Cook).

Слово *тада* в данном фрагменте означает ‘тогда’, и в английском тексте оно не имеет перевода в связи с сознательным отказом от перевода и утеряна просторечная окрашенность.

Слово *матушка* в данном фрагменте – это метафорическое экспрессивное обозначение церкви, которую говорящий сравнивает с матерью. Поэтому в английском переводе это слово переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *Church*. При этих двух примерах просторечная и положительная экспрессивная окрашенность исходного русского текста не сохраняются.

2) Переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным описательным английским словом или словосочетанием:

(3) «Между тем брёвна закрепили, тросы подровняли... Сейчас *взрвут* тракторы, и произойдёт нечто небывалое в деревне – упадет церковь» (В. Шукшин 1970).

«Meanwhile they tightened the logs and put all the cables at the same level. Any minute now the tractors would *rev up* and something unheard-of in the village would happen-the village church would fall down» (переводчик К.М. Cook).

Русское литературное слово *взрветь* (переносный смысл) употреблено в неузואальном смысле. В данном фрагменте использована метафора – сравнение звука работающего трактора с ревом зверя. Из-за отсутствия эквивалента данного слова в английском языке оно переводится стилистически не окрашенным описательным английским словосочетанием *rev up*, которое означает ‘to become more active, or to make someone or something become more active’ [CALD 2008: 1221]. В этом случае при английском переводе положительная экспрессивная окрашенность исходного русского текста не сохраняется.

(4) «Люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали *усопших* дедов и прадедов, как небо привыкли видеть каждый день, так и её...» (В. Шукшин 1970).

«The older folk had all been christened in it, their grandparents and great-grandparents had been *buried* in it, and it was as familiar to them all as the sky itself... » (переводчик К.М. Cook).

Слово *усопший* (устарелое) в данном фрагменте означает ‘умерший’. В английском переводе данный агноним переводится стилистически не окрашенным описательным английским словом *buried*. В этом фрагменте текста утеряна окрашенность высокого стиля исходного русского текста.

3) Точные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием:

(5) «Проклянут ведь тебя, прокляну-ут! И знать не будешь, откуда напасти ждать: то ли дома *окочурисся* в одночасье, то ли где лесиной прижмёт невзначай...» (В. Шукшин 1970).

«Folk'll curse ye, aye, curse ye, they will! And ye won't know when to expect disaster: "maybe ye'll *kick the bucket* at home all sudden like, or get bashed by a tree in the forest..."» (переводчик К.М. Cook).

Из данного фрагмента следует, что слово *окочуриться* (просторечное) означает 'умереть', и словоформа *окочурисся* (похожа на фонетику словоформы *окочуришься*) означает 'умрёшь'. В английском языке нет эквивалента данного слова. Оно имеет перевод стилистически окрашенной английской метафорой *kick the bucket*, которое является идиомой и означает 'INFORMAL, to die' [CALD 2008: 787] в английском языке. В данном случае просторечная окрашенность исходного русского текста сохраняется.

3.3. Переводы русских агнонимов на английский язык в романе Ф. Абрамова «Две зимы и три лета» переводчиками Д.Б. Пауэрсом/Дорис К. Пауэрс и Жаклин Эдвардс/Митчеллом Шнайдером

3.3.1. Русские агнонимы имеют одинаковый перевод на английский двумя переводчиками

(1) «Сено и солому на поветь до прошлой осени Пряслины подымали по *взвозу* бревенчатому настилу, а осенью, когда Михаил был уже в лесу, *взвоз* обвалился, и корм с тех пор носили на руках» (Ф. Абрамов 1968).

«Until the previous autumn, the Pryaslins had hauled hay and straw into the hayloft up a wooden *ramp*. But the *ramp* had col lapsed that fall while Mikhail was away in the forest, and since then they had been carrying fodder up in their arms» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Then-another problem. Up to last autumn, the Pryaslins had carted the hay and straw up a long *ramp*. But while Mikhail was in the forest, the *ramp* had collapsed and from that time on they carried the fodder in their arms» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Слово *взвоз* (областное) в данном фрагменте означает 'бревенчатый настил, ведущий наверх'. В двух английских текстах оно переводится

простой заменой, т.е. английским родовым наименованием *ramp* (английское слово *ramp* имеет русский эквивалент *пандус* – родовое наименование со значением ‘наклонная площадка, заменяющая лестницу или служащая для подъезда к зданию’). В данном случае утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(2) «Потом дальше больше: *в чужой рот полез*» (Ф. Абрамов 1968).

«And it took off from there, until *he was stealing the food out of everyone else's mouth*» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Then it got worse. *He stole from other people's mouths*» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Выражение *в чужой рот полез* означает ‘стал воровать чужую пищу’. В двух английских текстах данное выражение имеет точный перевод стилистически окрашенным описательными английскими словами «*he was stealing the food out of everyone else's mouth*» и «*He stole from other people's mouths*». В английском тексте два перевода претендуют на образность, таким образом, отрицательная и ироническая экспрессивная окрашенность исходного русского текста сохраняется.

(3) «Федьке приходилось туго: ухо у него против света горело, как жирная волнуха, и по веснушчатым щекам текли слёзы» (Ф. Абрамов 1968).

«Fedka was having a hard time of it; against the light, his ear was burning as red as a forest *mushroom* and tears were flowing down his freckled cheeks» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Fyedka did not enjoy it. His ear glowed against the light like a fat *mushroom* and his face was shiny under the tears that rolled out over his cheeks» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В данном фрагменте использована метафора: ухо Федьки названо *жирной волнухой* (нет в ТСОШ и МАС), потому что по форме оно напоминало пластинчатый гриб. В двух английских текстах использован сравнительный оборот со словом *как* и рассматриваемый агноним переводится простой заменой, т.е. английским родовым наименованием

mushroom (английское слово *mushroom* имеет русский эквивалент *гриб* – родовое наименование), и сохраняется экспрессивная окрашенность исходного русского текста, т.е. сравнительный оборот со словом *как* выступает как средство выражения отрицательной экспрессии.

(4) «– Что ты, бог с тобой, Иванович. Не ты начал рушить моё строенье, не ты кончил. *Сеструха*⁴ Марфа Павловна пригрела меня, и слава богу.

⁴ *Сеструха* – двоюродная сестра (подстрочное примечание)» (Ф. Абрамов 1968).

«Heavens! God bless you, Ivanovich! It wasn't you that started to destroy my house and it wasn't you that finished. My *cousin* Marfa Pavlovna took me in, God be blessed» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«So Forget about it and God bless you, Ivinovich. It wasn't you who began to pull down my house. It wasn't you who finished the job. My *cousin* Marfa Pavlivns has taken me in, thank God» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Смысл слова *сеструха* передаётся экспланативным показателем в сноске – ‘двоюродная сестра’. При явном комментарии на русском языке этот агноним переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *cousin* в двух английских текстах и не сохраняется этнографическая информация исходного русского текста. Как мы уже заметили в параграфе 3.1. «Способы перевода русских агнонимов на английский язык», в русском языке имеется лакуна: для выражения смысла ‘двоюродная сестра’ нет однословного наименования, а в английском языке для данного смысла есть однословное наименование *cousin*.

(5) «... раскалённые мужики да парни вылетают в белом облаке и бух-бух в снежный *сумет* или в озерину» (Ф. Абрамов 1968).

«Doors would bang open, sending scorching hot men and boys flying out in a white cloud-smack into a *snowbank* or into the pond» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Suddenly a door would creak and then hang open and out the men and boys would fly-in a white cloud-and plop! Plop! into the *snowbank* or into the pond» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В данном фрагменте слово *сумёт* (областное) означает ‘сугроб’. В двух английских текстах рассматриваемый агноним переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *snowbank* ‘a large pile of snow’ [CALD 2008: 1369], и утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(6) «Она была приметна кустами – двумя *черемшинами* и пятком тоненьких рябинок, росшими возле сенцев.

Летом – что и говорить – приятный дух от *черемшинок*» (Ф. Абрамов 1968).

«It stood out because of its surrounding greenery: two *bird-cherries* and five wispy rowans grew beside the bathhouse entrance.

There was no denying that in summer there was a pleasant fragrance from the *bird-cherries*» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Well, it was distinguished by some bushes, by two *bird-cherries*, and by five slender mountain ash trees which had grown beside the passageway.

In the summer, people noticed the fragrance from the *bird-cherries*» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В данном тексте слова *черемшина* и *черемшинка* (нет в словарях) – это черёмуха, растения с приятным запахом. В двух английских текстах два слова переводятся стилистически не окрашенным английским родовым английским наименованием *bird-cherries*. В этом случае утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(7) «Михаил улыбнулся: сейчас Егорша расскажет какую-нибудь *похабель* – на всякий случай у него анекдот да притча» (Ф. Абрамов 1968).

«Mikhail smiled. Égorsha would now tell some *dirty story*; he had a joke or yarn for every occasion» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Mikhail began to smile. Now Yegorsha was going to tell one of his *dirty stories*. He was always ready with one that would make his point» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Из данного фрагмента следует, что русский агноним *похабель* (нет в ТСОШ и МАС) может быть понят как ‘рассказы непристойные и бесстыдные, которые могут заставлять людей смеяться’. Этот агноним

переводится в двух английских текстах стилистически не окрашенным английским эквивалентом *dirty story*, и при этом способе перевода этнографическая информация исходного русского текста не сохраняется.

(8) «— Да, — сказал Егорша, — колхозная *жистянка* известна: из одного хомута да в другой» (Ф. Абрамов 1968).

«"Yes," said Egorsha. "That's kolkhoz *life* for you: out of one harness and right into another"» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«"Yes," said Yegorsha, "we all know the miseries of kolkho *life* Out of one yoke and into another"» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Смысл слова *жистянка* (нет в словарях) может быть понят как 'жизнь', и слово *жистянка* переводится в двух английских текстах стилистически не окрашенным английским эквивалентом *life*. При переводе утеряна экспрессивная (отрицательная экспрессивная окрашенность русского текста возникает из-за созвучия *жестянка* — *жистанка*) окрашенность исходного русского текста.

(9) «Вот так и пошло. У Окули топор, у Дуни Савкиной крыша — ещё осенью, уезжая в лес, пообещал сменить гнилую *тесницу*» (Ф. Абрамов 1968).

«And so it went. First there was Okulya and her ax, then, there up ahead, was Dunya Savkina. Last fall when he was leaving for the forest he had promised to replace a rotten *board* in her roof» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«And that's how it went. Okulya's axe. Then Dunya Savkina's roof-in the autumn, leaving for the forest, he promised to replace a rotten *board*. No-no, I can't right now. He waved from a distance and went on by» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Слово *тесница* (нет в словарях) может быть понято как 'доска'. Оно переводится в двух английских текстах стилистически не окрашенным английским эквивалентом *board*. В том случае этнографическая информация исходного русского текста не сохраняется.

(10) «— Слушай, — крикнул он ей вдогонку, — ты бы зашла к нам! *Мати* молока плеснёт!» (Ф. Абрамов 1968).

«"Listen," he shouted after her. "Come and see us! *Mother*'ll splash some milk in your direction!"» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«"Listen!" he called after her. "You might drop in on us. My *mother* can give you some milk."» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В данном фрагменте смысл диалектного слова *мати* (нет в ТСОШ и МАС) может уточниться у читателей как 'мать'. Рассматриваемый агноним переводится в двух английских текстах стилистически не окрашенным английским эквивалентом *mother*. В том случае этнографическая окрашенность исходного русского текста не сохраняется.

3.3.2. Русские агнонимы имеют разные переводы на английский язык, использованные двумя переводчиками

(1) «С пекашинской горы *косиками* – широкими проезжими спусками, узенькими, вертлявыми тропками покатались люди» (Ф. Абрамов 1968).

«Tumbling down the hill from Pekashino, *down the road, sloping paths, down the little winding tracks*, came droves of people» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Down the Pekashino hill in winding lines, *down the broad slopes, down the narrow winding paths*, the people streamed» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В оригинальном тексте точный смысл агнонима *косик* (нет в словарях) передаётся обособленным пояснительным членом предложения «широкими проезжими спусками, узенькими, вертлявыми тропками». Благодаря экспланативному показателю не только читатели могут без труда понять смысл данного слова, но и переводчики перевели его примерно одинаковыми английскими словами.

В двух английских текстах рассматриваемый агноним и его пояснительный член предложения переводятся заменой русского агнонима описанием значения слова (т.е. способом семантического перевода) – «*down the road, sloping paths, down the little winding tracks* и *down the broad slopes, down the narrow winding paths*». В английском тексте этнографическая информация исходного русского текста не сохраняется.

(2) «... и два человека, навалившись на *гребь* – длинную жердь с лопастью, вделанную в крестовину, – отчаянно выгребали к пекашинскому берегу» (Ф. Абрамов 1968).

«... and two men leaned with all their weight on the *oar* (a long pole with a paddle set into a cross-shaped wooden oarlock) and tried desperately to row to the Pekashino bank» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Two men leaning on the *oar* – a long pole fitted into a crosspiece-rowed hard toward the Pekashino shore» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

При помощи экспланативного показателя смысл агнонима *гребь* (нет в словарях) разъясняется как «длинная жердь с лопастью, вделанной в крестовину». В двух английских текстах данный агноним переводится английским родовым наименованием *oar* (английское слово *oar* имеет русский эквивалент *весло* – родовое наименование), после которого значение слова уточняется посредством семантического перевода «a long pole with a paddle set into a cross-shaped wooden oarlock» и «a long pole fitted into a crosspiece-rowed hard». Перевод приблизительным английским эквивалентом может сохранять этнографическая информация исходного русского текста.

(3) «Клади второпях, из старья – новых брёвен хватило только на верх и низ, и вот получилась *хоромина* военного образца: один угол увело в сторону, другой сел, когда ещё не набрали крышу» (Ф. Абрамов 1968).

«It had been a hasty job, using old materials, and there had been only enough new logs for the top and the bottom rows. The result was this wartime *dwelling* with one corner sagging off to the side and another subsiding even before they had raised the roof» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«They were putting it up quickly, out of old lumber; there was only enough new for the top and the bottom and it had turned out to be a typical wartime "*mansion*." One corner was out of line, another had settled even before they had gotten the material for the roof» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Смысл слова *хоромина* (устарелое) означает ‘странный, неказистый дом’. В двух текстах на английском языке этот агноним переводится разными английскими словами.

В первом тексте данное слово переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *dwelling*, который означает ‘a house or place to live in’ [CALD 2008: 440]. В этом случае экспрессивная окрашенность исходного русского текста не сохраняется.

Во втором тексте слово *хоромина* переводится стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *mansion* – ‘a very large expensive house’ [CALD 2008: 872]. С точки зрения смыслов слов *хоромина* и *mansion* можно усмотреть, что английский перевод данного слова не точно передал информацию исходного русского текста и утеряна стилистическая окраска. Но в английском тексте слово *mansion* находится в английских двойных кавычках, что указывает на то, что слово употреблено не в своем обычном, а в метафорическом значении [Убушаева 2021: 86]. Таким образом, в рассматриваемом английском фрагменте слово *mansion* в английских двойных кавычках, возможно, передало точную информацию агнонима *хоромина* и сохраняет отрицательную экспрессивную окрашенность исходного русского текста.

(4) «– Все вы недодумали. Кабы сами *огороду* запирали, небось додумали. А это что? – закричал Михаил» (Ф. Абрамов 1968).

«"Nobody thought of it. You might have if you'd built the *fence* yourselves. And what's that?" yelled Mikhail» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«"None of you thought of it. If you'd locked the *garden gate*, they'd have thought of it."» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В данном фрагменте слово *огорода* (областное) означает ‘изгородь’, оно переводится в двух текстах на английском языке разными словами.

В первом английском тексте слово *огорода* переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *fence*. Во втором оно переводится стилистически не окрашенным описательным английским словосочетанием *garden gate*. В любом тексте перевода не сохраняется этнографическая информация исходного русского текста.

(5) «Сено и солому на *поветь* до прошлой осени Пряслины подымали по взвозу бревенчатому настилу» (Ф. Абрамов 1968).

«Until the previous autumn, the Pryaslins had hauled hay and straw into the *hayloft* up a wooden ramp» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Then-another problem. Up to last autumn, the Pryaslins had carted the hay and straw up a long ramp» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Русский агноним *поветь* (областное) означает ‘место для хранения сена и соломы, расположенное наверху’.

В первом английском тексте рассматриваемый агноним переводится стилистически не окрашенным описательным английским словосочетанием *hayloft (hay-loft)*, и утеряна этнографическая информация исходного русского текста. А во втором тексте из-за отсутствия эквивалента данного агнонима на английский язык слово *поветь* не переводится.

(6) «...садился на *чурак* – специально для удобства принёс – и запускал руку в мешок. Так сидящим у мешка на *чураке* и накрыла его Лизка...» (Ф. Абрамов 1968).

«There he made himself comfortable on an old *log* brought especially for the purpose, and shoved his hand down into his sack. It was thus, sitting on his *log*, with his sack by his side, that Lizka had caught him.... » (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«And all the time, the little red-haired devil, each morning, as if going off to work, was quietly starting off for the empty sheep shed where he would sit down on the *block* he had brought especially for his convenience and put his hand into the sack. In this position Lizka had caught him» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В данном фрагменте слово *чурак* (областное) обозначает ‘короткий обрубок дерева’. Оно переводится в двух английских текстах разными словами.

В первом английском тексте данное слово переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *log*. Во втором английском тексте этот агноним переводится стилистически не окрашенным английским

приблизительным эквивалентом *block*. В любом тексте перевода утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(7) «– Брось, – сказал Михаил. – Незавидное сено. *Осеницак*¹.

¹ *Осеницак* – сено, поставленное осенью (подстрочное примечание)» (Ф. Абрамов 1968).

«"Let it go," said Mikhail. "It's rotten old hay from last harvest."» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Let that go! Don't... the hay is no good. It's autumn hay» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Благодаря комментарию в подстрочном примечании смысл слова *осеницак* (нет в МАС и ТСОШ) уточняется у читателей как ‘сено, поставленное осенью’.

В двух английских текстах оно переводится разными английскими словами – заменой перевода агнонима описанием его значения как *hay from last harvest* и *It's autumn hay*. В этом случае этнографическая информация исходного русского текста не сохраняется.

(8) «...потом расстегнул ремень с железной *натопорней* и большим охотничьим ножом в кожаных залощенных ножнах снял старую» (Ф. Абрамов 1968).

«He tossed the *bag* with his felt boots over to the bed and unfastened his belt, which held his iron ax head and a large hunting knife in its worn leather sheath» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«He threw his *sack* with the felt boots on the bed, then unfastened his belt with the iron hand axe and the leather-sheathed hunting knife» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Из данного фрагмента следует, что смысл слова *натопорня* (нет в словарях) может быть понят как ‘футляр, закрывающий острую часть топора’. Из-за отсутствия эквивалента данный агноним переводится в двух английских текстах стилистически не окрашенными нейтральными английскими приблизительными эквивалентами *bag* и *sack*, с этими

переводами не передается точный смысл рассматриваемого слова, и утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(9) «снял шапку-ушанку из рыжей мохнатой собачины, вышел из-под *полатей*, разогнулся» (Ф. Абрамов 1968).

«removed his shaggy red dog-fur hat with ear flaps, stepped out from under the *sleeping bench* and straightened up» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«He took off the old sweater, full of holes and faded from the rain and snow—took off the yellow, shaggy dogskin cap--and came out from under the *polati** and straightened up.

* The plank bed above the stove. (подстрочное примечание)» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В данном фрагменте слово *полати* (устарелое) означает ‘деревенская кровать, которая находится под потолком’. Оно переводится в двух английских текстах разными словами.

В первом английском тексте рассматриваемый агноним переводится стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *sleeping bench*. В этом случае утеряна региональная окрашенность исходного русского текста.

Во втором английском тексте данное слово переводится заменой русского агнонима практической транскрипцией *polati**. Его точный смысл продаётся в подстрочном примечании экспланативным комментарием «The plank bed above the stove». В этом переводе этнографическая информация исходного русского текста сохраняется.

(10) «Михаил прошёл в *задоски*, заглянул в *девочешник*— так называли маленький закуток с одним окошком за *задосками*. <...> В *девочешнике* у стены стояла койка на сосновых чурочках» (Ф. Абрамов 1968).

«Mikhail went over to the wooden *partition* and peeped into the "*girlery*," their name for the small, one-windowed cubbyhole ‘a very large expensive house’. <...> In the "*girlery*" by the wall was a bed standing on pinewood blocks» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Mikhail walked over to the *zadoski*** and looked behind it into the *little alcove* with one window. <...> There in her *girl's corner* was a bunk bed, up on pine blocks.

**А part of the hut in front of the stove, partitioned off by planks (подстрочное примечание) » (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Слово *задоски* (нет в ТСОШ и МАС) означает ‘часть кухни, отделенная от жилой комнаты’ и слово *девочешник* разъясняется Ф. Абрамовым как ‘маленький закуток с одним окошком за задосками, т.е. отгороженное место, где находится спальное место для девочек’ при помощи экспланативного показателя. Данные два слова переводятся в двух английских текстах разными словами.

Первый переводчик в переводе на английский язык неточно передал информацию слова *задоски*, – оно переводится английским словом *partition*, которое означает ‘a vertical structure like a thin wall which separates one part of a room or building from another’ [CALD 2008: 1036] и теряется этнографическая информация. Во втором английском переводе оно переводится заменой русского агнонима практической транскрипцией *zadoski***, и его точный смысл продаётся в подстрочным примечании экспланативным комментарием «A part of the hut in front of the stove, partitioned off by planks». Во втором переводе этнографическая информация исходного русского текста сохраняется. Пауэрс полагают, что в тексте уже указан точный смысл слова *задоски* и во фрагменте, где ещё раз появилось слово *задоски*, не нужно повторять его перевод.

В первом английском тексте слово *девочешник* (нет в ТСОШ и МАС) точно переводится стилистически окрашенным английским словом *girlery*, которое означает ‘A gallery or room set aside for female visitors to a male-only establishment’ [<https://en.wiktionary.org/wiki/girlery>] и находится в английских одиночных кавычках. В этом случае этнографическая информация исходного русского текста сохраняется. Во втором английском тексте слово *девочешник* переводится разными английскими в разных

местах текста *little alcove* и *girl's corner*, которые не сохраняют этнографическая информация исходного русского текста.

(11) «Чиркнув *кресалом* по кремню, Михаил выбил искру, помахал задымившейся суконкой» (Ф. Абрамов 1968).

«With a sharp strike of *steel* on flint, Mikhail produced a spark and waved the smouldering rag to make it flare up better» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Mikhail got a spark from the flint and waved the smoking rag to make it flame» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Смысл слова *кресало* (областное, устарелое) может быть понят как ‘инструмент для получения огня от кремней’, и оно переводится в двух английских текстах разными словами.

В первом английском тексте слово *кресало* переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *steel*. Во втором английском тексте данное слово не переводится, возможно, из-за лакуны (безэквивалентной лексики) в английском языке слова *кресало*. В любом случае этнографическая информация исходного русского текста не сохраняется.

(12) «...а босые, уже потрескавшиеся ноги выкованы будто по заказу крепкие, толстые, и пальцы подогнуты, пол *когтям*» (Ф. Абрамов 1968).

«... and his barefoot, bruised legs looked like he'd ordered them from the blacksmith: strong and thick, toes *clawing* the floor» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«... and his bare, cracked feet-strong and thick-seemed forged to order. His toes, bent under, *dug into* the floor» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Смысл агнонима *когтить* (устарелое) может быть понят как ‘царапать пол пальцами ног’ и оно переводится в двух английских текстах разными словами.

В первом английском тексте данный агноним переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *clawing*. Во втором тексте оно переводится стилистически не окрашенным английским

приблизительным эквивалентом *dug into*. В обоих английских текстах утеряна отрицательная экспрессивная окрашенность исходного русского текста.

(13) «Им не придётся больше давиться колючим мохом, толочь в деревянной ступе сосновую заболонь, и по утрам не будут больше, мучаясь запорами, кричать с *надворья* ребята: "Ма-а-ма-а, умираю..."» (Ф. Абрамов 1968).

«No longer would they have to choke on prickly moss or pound pine sapwood in the wooden mortar; no longer would they hear the little ones crying from the *barn* in morning agonies of constipation, "Ma-a-a-a-ma! I'm dying!" How lucky they were to have such a brother» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).
«They would never have to swallow down the prickly moss again, to grind pine sapwood in the wooden mortar, and in the morning the children wouldn't be shaking the bolt on the door, screaming, "Ma-a-ma-a. I'm dying!" How lucky to have such a brother! » (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Слово *надворье* (областное) может быть понято как 'участок над двором перед входом в избу'. Оно переводится в первом английском тексте стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *barn*, а во втором тексте нет перевода данного слова. В этом случае утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(14) «— А вот и в штанах, — рассмеялся Егорша.

— Хватит тебе *зубанить*-то, — одёрнул его Степан Андреянович» (Ф. Абрамов 1968).

«"What do you mean, no pants? Look!" laughed Egorsha.

"That's enough of your *nonsense*," snapped Stepan Andreyanovich» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Yegorsha laughed. "But he's wearing trousers!"

"That's enough of *that*," Stepan Andreyanovich warned him» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Русский агноним *зубанить* (нет в словарях) означает 'насмехаться'. В русском языке принадлежность данного слова к категории глаголов, а в двух английских текстах оно переводится существительными. В первом

английском тексте оно имеет перевод стилистически не окрашенным английским словом *nonsense*; во втором тексте оно имеет перевод английским местоимением *that*. В результате этнографическая информация исходного русского текста не сохраняется.

(15) «– На, стирай лучше. Когда-нибудь *из сухаря выведу* ³.

³ *Вывести из сухаря* – значит пригласить девушку на домашней вечеринке или в клубе танцевать (подстрочное примечание)» (Ф. Абрамов 1968).

«Here, do some washing instead. One of these days *I'll ask this wallflower to dance*» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Here, wash it better. Sometime *I'll take you to a dance*» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В данном фрагменте автор объяснил в подстрочном примечании смысл выражения *из сухаря выведу* экспланативным показателем в сноске – *Вывести из сухаря* – ‘пригласить девушку на домашней вечеринке или в клубе танцевать’. С помощью явного комментария «пригласить девушку на домашней вечеринке или в клубе танцевать» в двух английских текстах данный агноним переводится стилистически не окрашенным описательным английскими словами «*I'll ask this wallflower to dance*» и «*I'll take you to a dance*». В любом случае утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(16) «Он-то думал увидеть какого-нибудь доходягу, тень от человека, раз столько в лагерях *отбухал*, а тут – держите ноги: пень смоляной» (Ф. Абрамов 1968).

«He had expected to see some crumbling relic on his last legs, a shadow of a man. After all, he had *been stuck in the camps* for so long» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«On his way to Marfa's, he'd been imagining some odd character-a shadow of a man, since he'd *spent* so much time in labor camp» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Из данного фрагмента слово *отбухать* (нет в словарях) может быть понято как ‘отсидеть’. В первом английском тексте данный агноним

неточно переводится стилистически окрашенными английскими словами *been stuck in* – в английском языке фраза *be stuck in (get stuck in)* является идиомой, она означает ‘*UK informal to start doing something enthusiastically*’ [CALD 2008:1446]. В этом случае сохраняется этнографическая информация исходного русского текста.

Во втором английском тексте этот агноним переводится не окрашенным английским эквивалентом *spent*, и утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(17) «Щёки румяные, гладкие, как мячики, в рыжей *окладной* бороде ни единой пожухлой волосины» (Ф. Абрамов 1968).

«Smooth, ruddy checks like little globes, not a single grizzled strand in the red beard that *framed his face*» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«But here! Healthy red checks and smooth as little halle - a *full* red beard without a single faded hair and ...» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Из данного фрагмента следует, что смысл слова *окладной* (нет в ТСОШ и МАС) может быть понят как ‘закрывающий всю щеку’. В первом английском тексте рассматриваемый агноним переводится не окрашенным описательными английскими словами *framed his face*, и в результате утеряна этнографическая информация исходного русского текста. Во втором тексте данное слово переводится не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *full*, в этом случае английский перевод не передал полную информацию исходного русского слова и утернул этнографическую информацию.

(18) «Щёки румяные, гладкие, как мячики, в рыжей *окладной* бороде ни единой пожухлой волосины, и голова тоже медная, в скобку стрижена, *подрубом*» (Ф. Абрамов 1968).

«Smooth, ruddy checks like little globes, not a single grizzled strand in the red beard that framed his face, and his *basin-cut* too was copper colored» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«But here! Healthy red checks and smooth as little halle-a full red beard without a single faded hair and his head was also copper, and his head was also copper,

trimmed straight across front and back» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Из данного фрагмента следует, что слово *подруб* (нет в словарях) означает ‘волосы, постриженные вокруг головы на одну длину’. От отсутствия эквивалента рассматриваемого слова в английском языке оно переводится в первом английском тексте метафорой – *basin-cut*, т.е. точным переводом стилистически окрашенным английским словосочетанием. В английском языке слово *basin* означает ‘an open round container shaped like a bowl with sloping sides, used for holding food or liquid’ [CALD 2008: 109], со значения слова *basin* читатели понимают, что у него нет связи со смыслом русского агнонима *подруб*. Переводчик использует в данном английском тексте метафору *basin-cut*, чтобы объяснить, что волосы, постриженные вокруг головы на одну длину как с помощью *basin*. В данном случае может сохраниться часть этнографической информации исходного русского текста.

Во втором английском тексте данный агноним переводится описанием его значения на английский язык «*trimmed straight across front and back*», и утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(19) «Такой же Ванёк пекашинский, как все *прочие*. Только мозга ещё больше набекрень» (Ф. Абрамов 1968).

«He's just Ivan Pekashino, just like all the *rest*. Only his brain's even more cockeyed» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«He's a dumb Pekashino peasant like all the *others*. Only his brain is more warped» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В данном фрагменте слово *прочий* (нет в словарях) может быть понято как ‘остальной, другой’. В первом английском переводе оно переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *rest*; во втором английском тексте оно переводится не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *others*. Эти два английских слова хорошо знают все носители английского языка и англоязычные читатели, в этом

случае в двух переводах утеряна просторечная окрашенность исходного русского текста.

(20) «– Ну ты и зверь! Скоро, как мой *дедко*, в рукавицах *хвостаться* будешь.

<...> – И с *дедкой* поладили? » (Ф. Абрамов 1968).

«"You're not human! Soon you'll be *flailing yourself in mittens* like my *grandpa*!"

<...> "Did you get things straightened out with *the old man*?"» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«"Well, well! What a hedgehog you are! You're getting to be like my *grandfather*.

You'll have to wear gloves when you *switch yourself with the broom*." <...> "Did you come to an understanding with your *grandfather*?"» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В русском тексте слово *хвостаться* (нет в ТСОШ и МАС) означает 'бить, стегать себя веником в бане'. Данное слово не имеет эквивалента в английском языке, поэтому в двух английских текста оно переводится описанием его значения «*flailing yourself in mittens*» и «*switch yourself with the broom*». В двух английских текстах не сохраняется экспрессивная (ироническая) окрашенность исходного русского текста.

Русский агноним *дедко* (нет в словарях) и литературное слово *дед* являются синонимами. В первом английском тексте слово *дедко* переводится двумя разными английскими словами в разных местах текста как *grandpa* и *the old man*. Английское слово *grandpa* неофициальное в английском языке, и оно означает 'INFORMAL FOR grandfather' [CALD 2008: 627]; фраза *the old man* является сленгом в английском языке, обычно оно означает 'SLANG someone's father or someone's husband' [CALD 2008: 989], но с помощью первого перевода данного агнонима читатели могут легко понимать смысл рассматриваемого фрагмента. Таким образом, в первом английском переводе сохраняется просторечная окрашенность исходного русского текста. А во втором английском тексте слово *дедко* переводится не окрашенным английским эквивалентом *grandfather*, у

которого в английском тексте утеряна просторечная окрашенность исходного русского текста.

(21) «— Я из-за этого *зубана* забыла, зачем и пришла. Тебя Анфиса Петровна ждёт» (Ф. Абрамов 1968).

«Lizka came back to the porch again. "That *idiot* made me forget why I came. Anfisa Petrovna's waiting for you."» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Liaka came back into the passageway. "That *funny man* made me forget what I came for Anfisa Petrovna is waiting She wants to see you."» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Агноним *зубан* (нет в словарях) означает ‘насмешник, зубоскал’. В первом английском тексте оно переводится стилистически окрашенным английским приблизительным эквивалентом *idiot*, и в этом переводе экспрессивная окрашенность исходного русского текста сохраняется; во втором тексте оно переводится стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *funny man*, и в этом переводе утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(22) «Правда, *жёнки* вписали ей это в строку: сердца нет. А может, она назло всем чертям так делает?» (Ф. Абрамов 1968).

«True, the other *wives* gave her black marks for that: no heart in her. But maybe she did it just out of pride. Shedding tears and howling- anyone can do that» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«The *women* figured she was hand-of course And maybe she acts this way to spite those devils» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В данном фрагменте смысл слова *жёлнка* (нет в словарях) может быть понят как ‘женщина, которая уже выходила замуж’. В первом английском тексте оно переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *wives*; во втором английском тексте оно имеет перевод стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *women*. У этих двух переводов не сохраняется этнографическая информация исходного русского текста.

(23) «В прошлом году завозились на *пожне* бабы и девки, штук пятнадцать навалились на него сразу – где тут справишься?» (Ф. Абрамов 1968).

«The year before, some women and girls had been fooling around and swimming by the *harvest field*. About fifteen of them had rushed at him trying to push him into the water. What was he to do? » (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Last year in the *meadow*, the women and girls had begun to fool around, and about fifteen of them started on him. How could he cope with them? » (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Из данного фрагмента следует, что смысл русского агнонима *пожня* (областное) может быть понят как ‘поле в колхозе’. В двух английских текстах оно переводится стилистически не окрашенными английскими приблизительными эквивалентами *harvest field* и *meadow*, поэтому в английских текстах не сохраняется этнографическая информация исходного русского текста.

(24) «В Пекашине по-прежнему не было хлеба и не хватало семян, по-прежнему дохла скотина от *бескормицы* и ...» (Ф. Абрамов 1968).

«There was still no bread in Pekashino, and not enough seed; the cattle still died for *want of fodder* and ...» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«In Pekashino, as before, there was no bread, and there wasn't enough seed. As before, cattle died from *lack of food*...» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Смысл слова *бескормица* (устарелое) может быть понят как ‘недостаток кормов для скотины’. В английском тексте оно не имеет эквивалента, поэтому данный агноним переводится описанием его значения как *want of fodder* и *lack of food*. Таким образом, в переводах не передаётся отрицательная и ироническая экспрессивная окрашенность исходного русского текста.

(25) «Анфиса огрызалась, на брань отвечала бранью (научилась за эти годы лаяться с *районищиками*)» (Ф. Абрамов 1968).

«Anfisa would snap back, curse for curse (over the years she had learned to snarl when speaking with the *district office*) » (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Anfisa shouted back. If someone swore at her, she swore back. She had learned to swear during these years with the *district managers*» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Из данного фрагмента следует, что смысл слова *районищик* (нет в словарях) может быть понят ‘районный государственный чиновник’. В двух английских текстах оно переводится стилистически не окрашенными английскими приблизительными эквивалентами *district office* и *district managers*, у которых в английских текстах утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(26) «— *Побольшеньку-то*, Евдоким Поликарпович, будем, когда фронтовиков дождёмся. Тогда развернёмся» (Ф. Абрамов 1968).

«*Big by big*, Evdokim Polikarpovich, will happen once the men come back from the front. Then we'll knuckle down» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«We'll be doing *a lot*, Yevdokim Polykarpovich, when the men get back from the front. Then we'll show what we can do» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

В данном фрагменте слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом *побольшеньку* (нет в словарях) означает ‘много, крупномасштабно’. В двух английских текстах оно переводится стилистически не окрашенными английскими приблизительными эквивалентами *Big by big* и *a lot*. В этом случае утеряна положительная экспрессивная окрашенность исходного русского текста.

(27) «...и глаза *лазурь* июльская. Умеет, умеет людей брать с ходу. Кого битьём, кого лаской гнёт» (Ф. Абрамов 1968).

«... and his eyes-a summery *sky blue*. He certainly had the knack of handling people as they came, driving some with the lash, others with kindness» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«... on the table-his eyes now *as blue as skies in July*. He himself didn't smoke, but he always carried tobacco with him. He always was able to get people to see his way. Some by force, some by kindness» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Слово *лазурь* (устарелое), имеющее высокую стилистическую окраску, означает 'голубой свет, как свет неба в июле'. Из-за отсутствия эквивалента данного слова в английском языке оно переводится стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *sky blue* в первом английском тексте; а во втором тексте оно переводится описанием его значения как *as blue as skies in July*. В любом случае не сохраняется окрашенность высокого стиля исходного русского текста.

(28) «— Холод в воде-то бродить. У людей *обутки* нету» (Ф. Абрамов 1968).

«Wading around in the water is cold work. My people have no *shoes*» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«It's cold to walk around in the water. No one has any *boots*» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Из данного фрагмента следует, что слово *обутка* (областное) означает 'обувь'. В первом английском тексте оно переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *shoes*, а во втором – стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *boots*. В этих переводах утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(29) «Подрезов был прав. Вся *курья* под Худым берегом была сплошь забита лесом» (Ф. Абрамов 1968).

«Podrezov was right. The whole *creek* below Khudoi Bereg was totally jammed up with timber» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«Podrezov was right. The whole *cove* on the Hudoy shore was jammed full of timber» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Русский агноним *курья* (нет в словарях) означает 'речной залив, в котором может происходить затор сплаваемого леса'. В английском языке этот агноним не имеет эквивалента. Из-за этого в двух английских текстах

оно переводится нейтральными английскими литературными словами *creek* и *cove*. Но эти два английских слова не могут передать точный смысл исходного слова *курья*, они не указывают, чем *курья* отличается от других заливов. В данном случае утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(30) «Пряслинские ребята несли первую рыбу от реки – вязанку серебристых *ельцов*» (Ф. Абрамов 1968).

«The Pryaslin children brought the first fish up from the river: a whole mess of silvery *dace*» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«The Pryaslin children carried the first fish from the river, a string of silvery *carp*» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Из данного фрагмента следует, что слово *елец* (нет в ТСОШ и МАС) обозначает ‘серебристая мелкая речная рыба’. В первом английском тексте данный агноним переводится родовым наименованием (простой заменой) *dace* ⁴ [Wikipedia].

Во втором переводе данный агноним не точно переводится стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *carp*. Английское слово *carp* и его русский эквивалент *кари* означают не мелкие, а крупные пресноводные рыбы. В этом случае в двух переводах утеряна этнографическая информация исходного русского текста.

(31) «Мы ещё едва в цирк не опоздали – целый *упряг* выстояли» (Ф. Абрамов 1968).

«We were almost late for the circus – we stood there for a whole *shift*» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«What-you didn't get to the circus? We stood through the whole *performance*» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Слово *упряг* (нет в словарях) остается непонятным большинству читателей по контексту и в русском тексте автор не дал данному слову

⁴ A dace is a small fish that can be one of many different species. The unmodified name is usually a reference to the common dace (*Leuciscus leuciscus*). This, like most fish called "daces", belongs to the family Cyprinidae, mostly in subfamily Leuciscinae. <https://en.wikipedia.org/wiki/Dace>

экспланативного показателя. В первом английском тексте слово *упряг* имеет перевод стилистически не окрашенным английским словом *shift*, которое выражает, что они долго стояли в очереди. Во втором английском тексте допущена ошибка перевода *performance* из-за непонимания рассматриваемого слова. В двух переводах утеряна этнографическая информация исходного текста.

(32) «Ежели у самого *сообразильник* работает с перебоями, Дунярку бы подключил...» (Ф. Абрамов 1968).

«Even if your own *noodle* wasn't working at full steam, you could've switched Dunyarka onto it» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«And if your *brain* worked only part time, you could have made it with Dunyarka» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Из данного фрагмента следует, что экспрессивное слово *сообразильник* (нет в словарях) обозначает ‘способность соображать и думать’. В первом английском тексте оно переводится английским словом *noodle*, которое имеет русский эквивалент *лапша*. Но мало читателей знают, что английское слово *noodle* имеет ещё значение в другой области, – оно является элементом сленга и означает ‘The brain; the head⁵’ [Wiktionary]. Таким образом, русское слово *сообразильник* точно переводится стилистически окрашенным английским словом, в английском тексте сохраняется ироническая экспрессивная окрашенность исходного русского текста. Во втором тексте оно переводится стилистически не окрашенным английским эквивалентом *brain* и в переводе не передается экспрессивная окрашенность, поэтому утеряна ироническая экспрессивная окрашенность исходного текста.

(33) «Да и как ей не командовать, если подруги её просто *замухрыги* по сравнению с ней!» (Ф. Абрамов 1968).

⁵ Noodle: Etymology 2 – The origin of the noun is uncertain; it is possibly a variant of noddle (“the head”). The verb is derived from the noun. (informal): (dated) A person with poor judgment; a fool. (slang) The brain; the head. https://en.wiktionary.org/wiki/noodle#Usage_notes

«How could it be otherwise if her friends were little *squirts* compared to her? »
(переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«And why not? The other girls compared to her were *slovenly and uncomely*»
(переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Смысл слова *замухрыга* (нет в словарях) может быть понят как ‘некрасивый человек’. В первом тексте оно переводится стилистически окрашенным английским словом *squirts* ‘*OLD-FASHIONED*, a young or small person who you do not consider to be important and who has behaved rudely towards you’ [CALD 2008: 1406]. Экспрессивная окрашенность исходного русского текста у этого перевода сохраняется. Во втором тексте оно переводится не окрашенным описательным английским выражением *slovenly and uncomely*, в котором утеряется отрицательная экспрессивная окрашенность исходного русского текста.

(34) «— А ты настоящей *горожахой* стала. Смотри-ко, все на тебя заглядываются» (Ф. Абрамов 1968).

«You've become a real *city slicker*. Just look-everyone's staring at you»
(переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«And now you have become a regular *city girl*. Look, everyone is staring at you! »
(переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Экспрессивное слово *горожаха* (нет в словарях) может быть понято как ‘городская жительница’. В первом тексте оно точно переводится стилистически окрашенным английским словом словосочетанием *city slicker*⁶, которое является неофициальным в английском языке и сохраняет экспрессивную окрашенность исходного русского текста. А во втором тексте оно переводится стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *city girl*, в котором утеряна отрицательная экспрессивная окрашенность исходного русского текста.

⁶ City slicker: noun [C] US and Australian English, informal, disapproving – a person who lives in a city, and has no experience of or knowledge about living in the countryside [CALD 2008: 244].

(35) «— А чего знать-то? *Агрономь!* Зря тебя, что ли, учили?» (Ф. Абрамов 1968).

«What's to know? Go out and *agronomize!* Were they wasting their time teaching you?» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«But what is there to know? *An agronomist!* Didn't they teach you how to be one?» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Смысл экспрессивной окказиональной словоформы *агрономь* (нет в словарях) может быть понят как 'работай агрономом'. В первом английском тексте оно переводится стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *agronomize* — окказиональный глагол от существительного *agronomist*. А во втором английском переводе оно переводится стилистически не окрашенным английским существительным *agronomist*, в этом случае данный перевод является неадекватным, — глагол переведен существительным. В первом английском переводе этнографическая информация передается, а во втором — нет.

(36) «По её просьбе он выломал ей рябиновую *вицу*, затем — уже сам — поднял борону, очистил зубья от лохматой *дернины*» (Ф. Абрамов 1968).

«At Anisya's request he broke her off *a switch of mountain ash*. Mikhail then raised the harrow and scraped the shaggy *sods* out of its teeth» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«When she asked him then to break off *an ash twig*, he did it-and lifted up the harrow himself and cleaned the shaggy *turf* from its teeth for her» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Из данного фрагмента следует, что слово *вица* (нет в словарях) означает 'ветка, чтобы очистить борону, которой разрыхляют землю, от дёрна'. В двух английских текстах оно переводится стилистически не окрашенными описательными английскими словами *a switch of mountain ash* и *an ash twig*, с которыми не сохраняется этнографическая информация исходного русского текста.

Слово *дернина* (областное) означает 'кусочек дёрна'. В двух английских текстах слово *дернина* переводится стилистически не окрашенными

английскими словами *sods* и *turf* – они не передают этнографическая информация исходного русского текста.

(37) «Минут пять в чуланчике шло совещание шепотом, потом шепот стих, и из задосок вышли две *барышни* в голубых платьях в белую горошину» (Ф. Абрамов 1968).

«For about five minutes a whispered confabulation could be heard from within the storage room, then the whispering stopped and from behind the partition two *ladies* emerged in pale blue dresses with white polka dots» (переводчики Jacqueline Edwards & M. Schneider).

«For a couple of minutes there were sounds of a conference going on there in the storeroom. Then the whispering stopped and out from the *zadoski* walked the two *girls* in blue dresses with white polka dots» (переводчики D.B. Powers & Doris C. Powers).

Слово *барышня* (устарелое) означает ‘девушка из барской семьи или вообще из интеллигентной среды’. Применительно к деревенским девочкам оно употреблено с оттенком иронии. В первом английском тексте слово *барышни* переведено с оттенком иронии как *ladies* – ‘a polite or old-fashioned way of referring to or talking to a woman:’, а во втором – стилистически не окрашенным английским словом *girls*. Во втором тексте утрачена ироническая экспрессивная окрашенность исходного русского текста.

В параграфах 3.1 и 3.2 обнаружены 57 переводов русских агнонимов в 4 рассказах В. Шукшина четырьмя разными переводчиками и 52 перевода русских агнонимов в романе Ф. Абрамова. Во всех случаях были проанализированы способы перевода агнонимов. С учетом различий с точки зрения лингвокультурологического аспекта между русским и английским языками были выделены некоторые способы передачи смыслов русских агнонимов в тексте перевода:

1) переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным английским эквивалентом (см. ниже таблицу 2 способ № 1);

2) переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным описательным английским выражением (способ № 2);

3) точные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским выражением (способ № 3);

4) неточные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским выражением (способ № 4);

5) семантические переводы агнонима с социально-культурной значимостью – замена перевода агнонима описанием его значения (способ № 5);

6) передача одного и того же агнонима в разных местах текста при помощи разных английских слов (способ № 6);

7) простые замены русских агнонимов в переводе английскими родовыми наименованиями: после перевода английским родовым наименованием нет уточнения смысла исходного русского слова (способ № 7);

8) замены русских агнонимов в переводе английскими родовыми наименованиями и семантическими переводами – после перевода английским родовым наименованием значение данного русского агнонима уточняется посредством семантического перевода (способ № 8);

9) транскрипция – замена в переводе русского агнонима практической транскрипцией, после чего следует экспланативный комментарий к слову (способ № 9);

10) ошибочные переводы из-за непонимания смыслов русских агнонимов и сознательный отказ от перевода (см. нулевой перевод) (способ № 10).

Таблица 2. Статистическая обработка данных использования способов перевода русских агнонимов на английский язык в рассказах В. Шукшина и в романе Ф. Абрамова

Названия произведений		«Сураз»	«Верую» «Выбираю деревню на жительство» «Крепкий мужик»	«Две зимы и три лета»	«Две зимы и три лета»
Переводчики		Р. Даглиш	Э. Бромфилд Х. Смит К. М. Кук	Жаклин Эдвардс, М. Шнайдер	Д. Б. Пауэрс, Дориса К. Пауэрс
Способы	Кол-во агнонимов	38	19	52	52
	№1	13 (34.21%)	9 (47.37%)	27(51.92%)	28 (53.85%)
	№2	5 (13.16%)	5 (26.32%)	6 (11.54%)	7 (13.46%)
	№3	7 (18.42%)	3 (15.80%)	6 (11.54%)	1 (1.92%)
	№4	3 (7.89%)	—	4 (7.69%)	—
	№5	2 (5.26%)	2 (10.53%)	4 (7.69%)	6 (11.54%)
	№6	4 (10.53%)	—	1 (1.92%)	1 (1.92%)
	№7	1 (2.63%)	—	3 (5.77%)	2 (3.85%)
	№8	—	—	1 (1.92%)	1 (1.92%)
	№9	—	—	—	2 (3.85%)
	№10	3 (7.89%)	—	—	4 (7.69%)
				Агнонимы с одинаковыми переводами: 11 (21.15%) Агнонимы с разными переводами: 41 (78.85%)	

Согласно данным в таблице, в английских переводах рассказов В. Шукшина и романа Ф. Абрамова более половины (~65%) агнонимов переводятся нейтральными английскими эквивалентами (и приблизительными эквивалентами) или стилистически неокрашенными описательными английскими выражениями. Таким образом, в переводах агнонимов неизбежно утрачиваются стилистические окраски исходного русского текста. Только небольшое количество слов (менее 20%) переводится экспрессивно окрашенными английскими выражениями и

может частично или полно сохранить стилистические окраски исходного текста. Поэтому максимально сохранить стилистические окраски исходного русского языка при переводе на английский язык – важная задача для переводчиков.

Согласно данным, в английских переводах романа Ф. Абрамова различные переводчики выбирают разные английские слова при переводе одного русского агнонима. Только в немногих случаях (21% из всех агнонимов) различные переводчики переводят один агноним одинаковыми английскими выражениями.

3.4. Выводы по Главе 3

1. Употребленные в русских художественных текстах агнонимы неизбежно вызывают трудности перевода этих текстов на другие языки. С учетом различий с точки зрения лингвокультурологического аспекта между русским и английским языками были выделены некоторые способы передачи смыслов русских агнонимов в тексте перевода: 1) переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным английским эквивалентом; 2) переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным описательным английским выражением; 3) точные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским выражением; 4) неточные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским выражением; 5) семантические переводы агнонима с социально-культурной значимостью – замена перевода агнонима описанием его значения; 6) передача одного и того же агнонима в разных местах текста при помощи разных английских слов; 7) простые замены русских агнонимов в переводе английскими родовыми наименованиями: после перевода английским родовым наименованием нет уточнения смысла исходного русского слова; 8) замены русских агнонимов в переводе английскими родовыми наименованиями и семантическими переводами – после перевода английским родовым

наименованием значение данного русского агнонима уточняется посредством семантического перевода; 9) транскрипция – замена в переводе русского агнонима практической транскрипцией, после чего следует экспланативный комментарий к слову; 10) ошибочные переводы из-за непонимания смыслов русских агнонимов и сознательный отказ от перевода (см. нулевой перевод).

2. Эффективным способом перевода русских агнонимов на английский язык является практическая транскрипция, она может передавать фонетические характеристики русского слова. Но при практической транскрипции не передаются значения агнонимов, обычно точные значения и смыслы добавляются при помощи экспланативных показателей в обособленных уточняющих оборотах или в сносках.

3. Экспланативные показатели могут быть использованы в переводном тексте одним из двух способов: 1) замена в переводе русского агнонима описанием значения слова (т.е. семантическим переводом); 2) замена в переводе русского агнонима практической транскрипцией, после чего следует экспланативный комментарий к слову.

4. Большинство перевода из всех способов перевода русских агнонимов на английский язык утрачивает стилистическую окраску исходного русского текста. Для того, чтобы англоязычные читатели понимали смысл исходного русского текста, переводчики более склонны к выбору нейтральных английских слов при переводе. Некоторые переводчики, такие как Р. Даглиш, Д.Б. Пауэрс и Дорис К. Пауэрс не переводят некоторые слова и даже ошибаются из-за непонимания русских агнонимов.

5. В подавляющем большинстве случаев переводчики прибегают к доместицирующей стратегии перевода, заменяя русские агнонимы понятными англоязычному читателю английскими эквивалентами, используя перевод стилистически окрашенного русского агнонима стилистически нейтральным английским литературным словом или

словосочетанием; перевод стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием; передачу одного и того же агнонима в разных местах текста при помощи разных английских слов. Переводчики прибегают и к форенизирующей стратегии перевода, т.е. используют семантические переводы агнонима с социально-культурной значимостью; замену русского агнонима его английской транслитерацией с предшествующим английским родовым наименованием. Кроме использования вышеуказанных способов в английских текстах ещё встречаются ошибки из-за непонимания смыслов русских агнонимов и сознательные отказы от перевода (нулевые переводы). В результате перевода русских агнонимов на английский язык во многих случаях (~ 65%) утеряны выразительные особенности исходного текста.

6. Авторы русских произведений о деревне используют в своих текстах агнонимы, чтобы показать своим читателям особенности материальной культуры, языка и психологии жителей разных регионов страны. Как было показано в данной работе, понимание текстов, в которых содержатся агнонимы, не требует обязательного обращения к словарям или справочникам, поскольку смыслы агнонимов могут быть в том или ином объёме поняты благодаря их частеречной принадлежности, морфологическим, синтаксическим или словообразовательным особенностям, а также благодаря микро– или макроконтексту. Таким образом, неудачным переводом агнонима следует считать не такой перевод, в котором переводчик использовал иную внутреннюю форму агнонима, а такой перевод, в котором утрачена или искажена культурологическая информации о том, что представляет собой обозначаемый предмет.

Последовательный перевод текстов, содержащих агнонимы, на иностранные языки невозможен в основном из-за несовпадения разных языков в устройстве морфологии, словообразования и синтаксиса. В тексте перевода переводчик не может заменить диалектное или просторечное слово исходного языка диалектным или просторечным словом языка

перевода, поскольку результат подобной замены обладает окрашенностью уже не исходного языка, а языка перевода. Поэтому при переводе русских текстов с агноними на английский язык в языке перевода очень часто используются не эквиваленты исходных диалектных или просторечных слов, а родовые наименования (например, русское *жарки* переводится как flowers) или описательные выражения (например, не *полати*, а the plank bed above the stove).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя общие итоги выполненной работы, следует отметить следующее.

Термин *агнонимы* был введен в научный оборот А.В. Морковкиной и В.В. Морковкиным в 1990-е годы. Этим термином исследователи предложили именовать слова и фразеологизмы, которые неизвестны, непонятны или малопонятны носителям языка. Появление нового термина стимулировало интерес к изучению агнонимов русского языка. Их стали исследовать с точки зрения динамики пополнения лексического состава языка, в аспекте функций, выполняемых агнонимами в текстах разных стилей и жанров, для изучения организации языкового сознания человека, как компоненты лексикона языковой личности, способные стать источником коммуникативных неудач, и т. д. Представляется, однако, что до настоящего времени недостаточное внимание исследователи уделяли закономерностям восприятия смыслов агнонимов носителями языка в случаях, когда агнонимы встречаются им в письменных и устных текстах. Между тем, как показывает практика, восприятие агнонимов довольно редко побуждает получателей – носителей русского языка обращаться к толковым словарям. Как правило, смысл агнонима полностью или хотя бы частично может быть понят под влиянием его частеречной принадлежности, внутренней формы, контекста, в котором он употреблен, или других внешних признаков. В связи с этим в данной работе была предпринята попытка подробно описать различные показатели смыслов русских агнонимов и, кроме того, рассмотреть различные способы перевода русских агнонимов, использованных российскими писателями в произведениях о русской деревне, на английский язык.

Как показало исследование, существуют следующие типы показателей смыслов агнонимов: морфологические, а именно принадлежность агнонима к определенной части речи, лексико-грамматической группе или наличие у него таких морфологических

значений, как род, число, вид и время; синтаксические, а именно синтаксическая позиция агнонима в предложении; словообразовательные, несущие информацию о внутренней форме агнонима и, как следствие, об отдельных элементах его лексического значения; контекстные, представляющие собой то окружение агнонима, которое позволяет более точно определить его смысл; фонетические, т.е. близость фонетического облика агнонима к какому-либо известному получателю текста слову литературного языка и, наконец, экспланативные, представляющие собой разъяснение смысла агнонима в форме пояснительного члена предложения или подстрочного примечания.

Процесс восприятия смыслов русских агнонимов в сознании получателей представляет собой естественное и, как правило, неосознаваемое явление. По мере восприятия текста смысл каждого из агнонимов может постепенно уточняться в сознании получателей под влиянием взаимодействия разных показателей. Лишь в редких случаях понимание смыслов агнонимов требует непрямого обращения к толковым словарям. Результаты выполненного исследования проливают свет на закономерности процесса восприятия сложных для читателей текстов различной тематики, а также на механизм расширения словарного запаса носителей русского языка как родного и как иностранного.

Как показала работа, употребление агнонимов в произведениях о русской деревне позволяет их авторам ознакомить городских читателей с бытовыми, культурными и языковыми особенностями русской деревни, специфическими чертами жизни и обычаев сельской местности различных регионов России. Употребленные в русских художественных текстах агнонимы способны выражать различные стилистические окраски (функционально-стилевые, несущие информацию о принадлежности к какой-либо разновидности языка, например разговорную или просторечную окрашенность; экспрессивные, выражающие оценки и эмоции, т.е.

положительную, высокую, отрицательную или ироническую окрашенность, или информацию об этнографических особенностях описываемого региона.

Употребленные в русских художественных текстах агнонимы неизбежно вызывают трудности перевода этих текстов на другие языки. При анализе переводов русских агнонимов на английский язык было установлено, что переводчики могут прибегать к доместицирующей стратегии перевода, т. е. заменять русские агнонимы понятными англоязычному читателю английскими эквивалентами, переводя стилистически окрашенный русский агноним стилистически нейтральным или стилистически окрашенным английским выражением; передавая один и тот же агноним в разных местах текста при помощи разных подходящих по семантике английских слов. Может применяться также и форенизирующая стратегия перевода, а именно семантические переводы агнонима с социально-культурной значимостью, т. е. замена русского агнонима англоязычным переводом его английского словарного толкования, а также замена русского агнонима его английской транслитерацией с предшествующим английским родовым наименованием.

В переводах исследуемых текстов о русской деревне на английский язык в подавляющем большинстве случаев используется доместицирующая стратегия, в результате чего тексты переводов художественных произведений о русской деревне частично теряют стилистические особенности и этнографическую информацию исходных русских текстов. При этом, хотя существует несколько показателей, которые способны помочь переводчикам понять смысл русского агнонима и передать его в английском тексте, в ходе работы нам встретились и такие русские агнонимы, которые не были поняты переводчиками и из-за этого были переведены на английский язык неверно.

В данной работе рассмотрены показатели смыслов русских агнонимов и их переводов только в художественных произведениях о русской деревне. Следует иметь в виду, что агнонимы также встречаются и в других типах

текстов, например в научной фантастике и её переводах на английский язык, в очерках о загранице, в художественных произведениях с большим количеством историзмов, архаизмов или индивидуально-авторских окказионализмов, наконец, в русской устной быденной речи и др. Поэтому анализ понимания смысла русских агнонимов носителями русского языка и способов их перевода на английский представляет значительный интерес для дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 301 с.
2. Алпатов В.М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: «Междунар. отношения», 1975. 240 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
5. Блох М.Я., Сергеева Ю.М. Внутренняя речь в структуре художественного текста. М.: МПГУ, 2011. 118 с.
6. Богданова Л.И. Проблема лакун в процессе взаимодействия языков и культур // Humaniora: Lingua russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц. Tartu, 2006. С. 27–37.
7. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М.: Просвещение, 1965. 492 с.
8. Буряк Н.Ю. Проблемы агнонимии в культуре языковой личности // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 1. С. 54–56.
9. Быкова Г.В. Лакуны в языковой картине мира амурчан // Лакуны в языке и речи: сб. научных трудов. Благовещенск, 2005. Вып. 2. С. 25–31.
10. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю.С. Степанова. М.: «Индрик», 2005. 1040 с.
11. Власова Е.С. Проблемы национально-культурной адаптации художественного текста при переводе // Молодой ученый. 2021. № 28 (370). С. 56–59.
12. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: «Международные отношения», 1980. 383 с.

13. Воробьев В.В. Лингвокультурология: (Теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
14. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
15. Глазкова С.Н. Агнонимия как причина орфографической беспомощности выпускника школы // Вестник ЧелГУ. 2019. №6 (428). С. 47–54.
16. Гончарова Е.А. Динамические процессы в лексиконе языковой личности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 21 с.
17. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
18. Дерягин В.Я. “Облучок” и “козлы” // Лексикографический сборник. Вып. 5 / гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1962. С. 173–174.
19. Добродомов И.Г., Пильщиков И.А. Лексика и фразеология. «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М.: Языки слав. культур, 2008. 321 с.
20. Ершов Д. И. Агнонимические группы в трагедии У. Шекспира «Макбет» // МНКО. 2019. №2 (75). С. 478–483.
21. Ершов Д. И. Агнонимические кластеры в трагедии У. Шекспира "Макбет" // Вестник ВУиТ. 2019. №1. С. 29–38.
22. Ершов Д. И. Агнонимические ряды в трагедии У. Шекспира "Юлий Цезарь" // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2018. №4. С. 35–45.
23. Зайцева Е.А. Степени освоенности слов носителями языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 18 с.
24. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967. 338 с.
25. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. СПб.: СПбГУ, 2006. 200 с.

26. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1987. 263 с.
27. Карцевский С.О. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965. С. 85–90.
28. Кобелева А.А. Способы передачи диалектизмов и просторечия при переводе (на материале повести В. М. Шукшина «Калина красная») // Вестник СПб. университета. Язык и литература. Серия:9. 2007. № 2-II. С. 165–169.
29. Козырев В.А. Черняк В.Д. Русский язык и культура речи. Современная языковая ситуация: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018. 181 с.
30. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 154 с.
31. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Междунар. отношения, 1980. 167 с.
32. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: «ЭТС», 2002. 424 с.
33. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
34. Бродский Н.Л. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: Мир, 1932. 247 с.
35. Котцова Е.Е. Агнонимы как объект языковой рефлексии в текстах современной периодики // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Серия: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 4. С. 82–90.
36. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 824 с.
37. Леонтьева Т.И., Марус Н.Д. Комментирование как способ понимания шекспировских пьес // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского гос. университета. 2023. Т.15, № 2. С. 178–187.

38. Липнина Е.М. Антропоцентрическая сущность агнонимов // Психология, социология и педагогика. 2012. №11. (<https://psychology.snauka.ru/2012/11/1227?ysclid=m96rjc55e9387409570>)
39. Лопатин В.В. Грамматическое значение // Русский язык: Энциклопедия / под общ. ред. А.М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 122–123.
40. Мандрикова Г.М. Агнонимия как нарушение лексико-семантической нормы (анализ учебников «Русский язык и культура речи») // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 188–192.
41. Мандрикова Г.М. Агнонимия как коммуникативная проблема. // Вестник Южно-Уральского гос. гуманитарного педагогического университета. 2011. Выпуск № 4. С. 236–245.
42. Мандрикова Г.М. От орфографии к агнонимии (к вопросу о причинах орфографических неудач) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. №3. С. 40–47.
43. Мандрикова Г.М. Русская лексическая система в теоретическом и прикладном рассмотрении: автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. М., 2011. 39 с.
44. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 55–56.
45. Милославский И.Г. О лингвистических источниках для обеспечения производства речи // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2018. № 4. С. 21–36.
46. Милославский И.Г. «Цель» как характеристика лингвистического исследования // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 9–23.
47. Молчанова Н.С. Агнонимичная лексика в текстах художественных произведений и проблема её восприятия // Вестник Псковского гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 5. С. 230–236.

48. Морковкин В.В. Лексическая система как объект лексикографирования // Проблемы учебной лексикографии: состояние и перспективы развития. Материалы общесоюзной конференции. Симферополь, 1992. С. 41–45.
49. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1997. 414 с.
50. Морковкина А.В. Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993. 19 с.
51. Муравьев В.Л. Лексические лакуны. Владимир: ВГТШД, 1975. 96 с.
52. Набоков В.В. Комментарий к роману «Евгений Онегин» /пер. с английского. СПб., «Искусство-СПб»; «Набоковский фонд». 1998. 928 с.
53. Норман Б.Ю. Грамматика слушающего. М.: Флинта, 2024. 320 с.
54. Норман Б.Ю. Значение слова и смысл предложения: Семантический компромисс в ходе восприятия текста // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 4: Opis, konfrontacja, przekład / Pod red. I. Łuczaków i J. Sokołowskiego. Wrocław, 2004. S. 203–209.
55. Норман Б.Ю. Коммуникация без понимания // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2014. № 1. С. 4–14.
56. Орешников А.С. Об универсальном комментарии // Проблемы структурной лингвистики. Москва, 1988. С. 268–271.
57. Петрова Е.С. Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. М.: Издат. центр «Академия», 2011. 368 с.
58. Петрушевская Л.С. Дикie животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуськи бятые. СПб: Амфора, 2008. 402 с.

59. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: ЛЕНАНД, 2016. 384 с.
60. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
61. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
62. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: Московская международная школа переводчиков, 1994. 400 с.
63. Розина Р.И. О комментариях // Проблемы структурной лингвистики. М., 1988. С. 259–267.
64. Лотман Юрий. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Азбука, 2014. 507 с.
65. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т.1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 789 с.
66. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т.2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 714 с.
67. Савина Е.О. Агнонимы в языке и тексте // Известия Тульского гос. университета. Гуманитарные науки. Вып. № 2, 2014. С. 291–295.
68. Савина Е.О. Потенциально агнонимическое пространство романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тула, 2015. 214 с.
69. Савина Е.О. Тайный язык охотников в романе «Война и мир» // Известия Тульского гос. университета. Гуманитарные науки. Выпуск №2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. С. 327–331.
70. Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 41 с.
71. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. общ. ред. и вступ. Ст. А.Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.

72. Словарные агнонимы русского языка / под ред. Я. Вавжинчика. Вып. 1. Warszawa, 2007. 71 с.
73. Ткаченко Н.М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007. 21 с.
74. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2000. 251 с.
75. Томашева И.В. Эмотивная лакунарность художественной прозы: на материале переводов испаноязычных писателей: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20. Волгоград, 1995. 217 с.
76. Тюленев С.В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. 334 с.
77. Убушаева И.В. Функции кавычек в современной английской письменной речи // Вестник ИКИАТ. 2021. №1 (42). С. 84–87.
78. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
79. Успенский Л.В. Слово о словах. Ты и твоё имя. Л.: Лениздат, 1962. 634 с.
80. Федосюк М.Ю. Молодежное аргю в романе Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин». // Язык: изменчивость и постоянство: сбор. статей к 70-летию Л.Л. Касаткина / отв. ред. М.Л. Каленчук. М: ИРЯ РАН, 1998. С. 337–347.
81. Федосюк М. Ю. Место несинтаксических грамматических значений в теориях Ф.Ф. Фортунатова о грамматических формах слов и А.А. Потебни о внутренней форме слова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. №4. С. 68–85.
82. Федосюк М.Ю. О причинах роста аналитизма и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 9–19.

83. Федосюк М.Ю. Русское слово в английском тексте (о языке романа Энтони Бержесса «Заводной апельсин» // сборник: *Slowo. Tekst, Czas; Materiały z Międzynarodowej konferencji naukowej*; Szczecin, 1996. С. 143–147.
84. Федосюк М.Ю., Чжан Сяо. Показатели смыслов слов, употребленных в тексте // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2021. Т. 80. № 6. С. 79–88.
85. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта; Наука, 1998. 262 с.
86. Чернов Г.В. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык: (На материале переводов советской публицистики): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1958. 14 с.
87. Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // *Русский язык сегодня*. Вып.2. М.: Азбуковник, 2003. С. 295–304.
88. Черняк В.Д. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: К основаниям коммуникативных неудач // *Вестник Томского гос. педагогич. университета. Серия Гуманитарные науки (филология)*. 2005. Вып. 3 (47). С. 96–100.
89. Чжан Сяо. Агнонимы в российской деревенской прозе и их переводы на английский язык (лингвокультурологический аспект) // *Гуманитарный вектор*. 2023, №3. С. 67–77.
90. Чжан Сяо. Смыслы агнонимов в рассказе В. Шукшина «Сураз» // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология*. 2022, № 3. С. 190–197.
91. Чжан Сяо. Стратегии передачи агнонимов в переводах на английский язык литературных произведений о русской деревне // *Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. С. 230–238.

92. Чжан Сяо. Экспланативные показатели смыслов русских агнонимов в оригинальном художественном тексте и в его английском переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 87–95.

93. Чо Джейси. Состав и функционирование неологизмов в языке газеты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 31 с.

94. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

95. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215с.

96. Швейцер А.Д. Теория перевода статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер; отв. ред. чл.-кор. АН СССР В. Н. Ярцева. Изд. 2-е. М.: URSS, Либроком, 2009. 214 с.

97. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

98. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. 428 с.

99. Rozental D.E., Dzhandzhakova E.V., Kabanova N.P. 1994. Spravochnik po pravopisaniiu, proiznosheniiu, literaturnomu redaktirovaniyu [A guide to spelling, pronunciation, literary editing]. Moscow, Moscow international school of translators, 1994. 399 с.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. В 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980. 699 с., портр. 779 с. 555 с. 683 с.

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 928 с. (Равно ТСОШ)

3. Рогожникова Л.П. Редкие слова в произведениях авторов XIX века: Словарь-справочник: Ок. 3500 единиц / Ин-т лингвист. исслед. РАН в

Санкт-Петербурге; сост.: Р.П. Рогожникова и др.; отв. ред. Р.П. Рогожникова. М.: Рус. словари, 1997. 570 с.

4. Русско-английский. Англо-русский словарь / под ред. Л.П. Поповой. – М.: Астрель; АСТ, 2006. – XXX, 572, 10, 564, 19, [5] с.

5. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984. 698 с. 736 с. 752 с. 794 с. (Равно МАС)

6. Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. М.: Гуманит, изд. центр ВЛАДОС, 1996. 764 с.

7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940. 1562 с. 1040 с. 1424 с. 1502 с.

8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary Third Edition. Cambridge University Press, 2008. 1699 p. (Равно CALD)

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Ф.А. Две зимы и три лета (1968) // Федор Абрамов. Собрание сочинений в трех томах: Том 1: Братья и сёстры. Две зимы и три лета. Ленинград: Художественная литература, 1980. С. 279–574.

2. Шукшин В.М. Рассказы. На английском языке. Перевод сделан по изданию: В. Шукшин. Избранные произведения. В 3-х тт. М.: Художественная литература, 1990. 363 с.

3. Шукшин В.М. Верую! (1971) // Василий Шукшин. Собрание сочинений в трех томах: Том 2. Рассказы 1960-1971 годов. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 446–454.

4. Шукшин В.М. Выбираю деревню на жительство (1973) // Василий Шукшин. Собрание сочинений в трех томах: Том 3. Рассказы 1972-1974 годов. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 146–152.

5. Шукшин В.М. Крепкий мужик (1970) // Василий Шукшин. Собрание сочинений в трех томах: Том 2. Рассказы 1960-1971 годов. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 440–445.

6. Шукшин В.М. Сураз (1970) // Василий Шукшин. Собрание сочинений в трех томах: Том 2. Рассказы 1960-1971 годов. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 379–398.

7. Abramov F. Two winters and three summers. Translated by D.B. Powers & Doris C. Powers. [Ann Arbor, Mich.]: Ardis, 1984. 275 p.

8. Abramov F. Two winters and three summers. Translated from the Russian by Jacqueline Edwards and Mitchell Schneider. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1984. 382 p.